

№5 2020

Annali d'Italia

VOL. 2

ISSN 3572-2436

Annali d'Italia (Italy's scientific journal) is a peer-reviewed European journal covering top themes and problems in various fields of science.

The journal offers authors the opportunity to make their research accessible to everyone, opening their work to a wider audience.

Chief editor: Cecilia Di Giovanni

Managing editor: Giorgio Bini

- Hoch Andreas MD, Ph.D, Professor Department of Operative Surgery and Clinical Anatomy (Munich, Germany)
- Nelson Barnard Ph.D (Historical Sciences), Professor (Malmö, Sweden)
- Roberto Lucia Ph.D (Biological Sciences), Department Molecular Biology and Biotechnology (Florence, Italy)
- Havlíčková Tereza Ph.D (Technical Science), Professor, Faculty of Mechatronics and Interdisciplinary Engineering Studies (Liberec, Czech Republic)
- Testa Vito Ph.D, Professor, Department of Physical and Mathematical management methods (Rome, Italy)
- Koshelev Andrey Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Philology and Journalism (Kiev, Ukraine)
- Nikonov Petr Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law (Moscow, Russia)
- Bonnet Nathalie Ph.D (Pedagogical Sciences), Faculty of Education and Psychology (Lille, France)
- Rubio David Ph.D, Professor, Department of Philosophy and History (Barcelona, Spain)
- Dziejcz Stanisław Ph.D, Professor, Faculty of Social Sciences (Warsaw, Poland)
- Hauer Bertold Ph.D (Economics), Professor, Department of Economics (Salzburg, Austria)
- Szczepańska Janina Ph.D, Department of Chemistry (Wrocław, Poland)
- Fomichev Vladimir Candidate of Pharmaceutical Sciences, Department of Clinical Pharmacy and Clinical Pharmacology (Vinnytsia, Ukraine)
- Tkachenko Oleg Doctor of Psychology, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

and other experts

500 copies

Annali d'Italia

50134, Via Carlo Pisacane, 10, Florence, Italy

email: info@anditalia.com

site: <https://www.anditalia.com/>

CONTENT

ARTS

Lollini A.

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF
BELARUSIAN-ITALIAN RELATIONS IN THE VISUAL
ARTS, BASED ON THE EXAMPLE OF INFORMATIONAL
AND EDUCATIONAL EXHIBITIONS (1991-2018).....3

ECONOMIC SCIENCES

Kundytskyj O., Senyshyn O.

INTERACTION OF STATE REGULATION AND
INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF SMALL
ENTERPRISES IN IT-SPHERE6

Taskaeva S.

PROTECTIONISM AND OPENING UP: CHINESE
CONVERGENCE11

Tsurova L.

ON THE ISSUE OF REGULATING THE
CRYPTOCURRENCY MARKET13

PEDAGOGICAL SCIENCES

Madazizova D.R., Khasanova B.Z.

MEDICAL CULTURE IN THE EDUCATION SYSTEM17

Pereskokova T., Soloviev V.

PERSONNEL POTENTIAL FOR REAL DEVELOPMENT OF
THE ECONOMY18

PHILOLOGICAL SCIENCES

Feruza F.T.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH LEXICAL UNIT ВОЗДУХ/AIR IN RUSSIAN AND
ENGLISH27

Gulieva D.O.

INTERCULTURAL AND CROSS-BORDER
COMMUNICATIVE INTERFERENCE ON GAME OF
THRONES30

Tarieva L.U.

GENERATION OF CONJUNCTION WORD OF THE
SYNTHETIC TYPE, THAT COMBINES PARTS OF
HYPOTAXIS OF TEMPORAL SEMANTICS IN THE
ERGATIVE LANGUAGE33

Allahverdiyeva A.

FINAL USA PRESIDENTIAL DEBATE: REFLECTIONS ON
SOME ARGUMENTATIVE-COMMUNICATIVE
STRATEGIES38

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Karipbayev B.

CULTURAL IDENTITY OF THE TRANSFORMING
KAZAKHSTAN (to the question of methodology)45

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Harkusha I.V., Kaiko V.I., Matsiievska S.M.

STRESS RESISTANCE AS A PSYCHOLOGICAL FEATURE
OF THE MILITARY49

SOCIAL SCIENCES

Kamaljanova T., Zhamalbek N.

LABOR MIGRATION, CAUSES AND CONSEQUENCES
FOR THE COUNTRY'S ECONOMY54

ARTS

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN-ITALIAN RELATIONS IN THE VISUAL ARTS, BASED ON THE EXAMPLE OF INFORMATIONAL AND EDUCATIONAL EXHIBITIONS (1991-2018).

Lollini A.

*postgraduate student of the Department of fine arts
Vitebsk State University named after P. Masherov*

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-ИТАЛЬЯНСКИХ СВЯЗЕЙ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ, НА ПРИМЕРЕ ОЗНАКОМИТЕЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ВЫСТАВОК (1991-2018 ГОДЫ).

Лоллини А.

*Аспирант кафедры изобразительного искусства
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова*

Abstract

The presented article discusses and analyzes the main trends in the development of awareness-raising events held in the field of fine arts in the period 1991 - 2018. The main purpose of these exhibitions was the presentation of contemporary art of Belarus in Italy and Italy in Belarus. Educational exhibitions organized between the Republics of Belarus and Italy were numerous and extensive, from Renaissance classics to contemporary art, and significantly expanded the boundaries of the concept of fine art of the two countries. Their presentation and content were of great educational and cognitive importance for the general public, as well as interesting for specialists and, undoubtedly, contributed to the spiritual rapprochement of both countries.

Аннотация

В представленной статье рассмотрены и проанализированы основные тенденции развития ознакомительно-просветительских мероприятий проведенных в области изобразительного искусства в период 1991 – 2018 годы. Основной целью проведения данных выставок являлась презентация современного искусства Беларуси в Италии и Италии в Беларуси. Ознакомительно-просветительские выставки, организованные между Республиками Беларусь и Италия были многочисленны и обширны от классиков эпохи Возрождения до современного искусства и существенно раздвинули границы представления об изобразительном искусстве двух стран. Их представление и содержание имели огромное воспитательное и познавательное значение для широкой публики, а также были интересны для специалистов и, несомненно, способствовали духовному сближению обеих стран.

Keywords: Belarusian-Italian exhibition project, international exhibition, visual arts, contemporary art, awareness-raising exhibitions

Ключевые слова: белорусско-итальянский выставочный проект, международная выставка, изобразительное искусство, современное искусство, ознакомительно-просветительские выставки

Введение. Живопись по праву считается древнейшим видом изобразительного искусства. Она прошла путь от древнейших настенных иероглифов первобытного человека до современных цифровых картин, выполненных при помощи компьютерной техники. В ней воплощаются сокровенные идеи и замыслы многих поколений человечества.

Живопись как явление, само по себе - уникально и неповторимо, она показывает нам то, каким видел мир человек, живший многие века или тысячелетие назад. Данный вид искусства с каждым десятилетием всё больше и больше развивался, появлялись и совершенно новые, не похожие на предыдущие виды жанра.

Как и другие виды искусства, живопись выполняет идеологические и познавательные задачи, а также служит сферой создания предметных эстетических ценностей, будучи одной из высокоразвитых форм человеческого труда. Она отражает и в

свете тех или иных концепций оценивает духовное содержание эпохи, её социальное развитие.

Изобразительное искусство Беларуси многогранно по стилям и жанрам. Самые интересные произведения белорусской живописи и скульптуры различных эпох можно увидеть в художественных музеях страны.

Крупнейшим собранием произведений искусства обладает Национальный художественный музей Беларуси. Он активно пропагандирует национальное искусство.

Интересные коллекции произведений белорусского искусства в Витебском художественном музее, Могилевском областном художественном музее, Полоцкой художественной галерее. Во многих районных центрах Беларуси есть художественные галереи, где представлены работы местных художников. [1]

Также в Республике Беларусь существует Белорусский Союз художников (БСХ) – это общественная организация, объединяющая творческих работников в области изобразительного искусства. Белорусский союз художников занимается культурной деятельностью – организацией и проведением выставок, пленэров, других творческих мероприятий. [2]

Ежегодно проводятся множество выставок, как в Республике Беларусь, так и за ее пределами. Сотрудничество в области современного изобразительного искусства Республики Беларусь достаточно продуктивно. Достаточно плодотворно сотрудничество с Италией. Это проявляется в том, что ежегодно проводятся мероприятия, выставки, конкурсы как в Республике Беларусь, так и в Италии с участием белорусских и итальянских представителей. Активное, прогрессивное культурное сотрудничество между двумя странами началось в 1991 году, после установления дипломатических отношений и организации посольств в Минске и Риме. Обмены и организации художественных выставок стало набирать обороты и этому, также, существенно способствовало подписание 11 июля 2011 договора «О культурном сотрудничестве» в итальянском городе Триест, между Республикой Беларусь и Республикой Италия.

Основной целью соглашения о культурном сотрудничестве является укрепление и гармонизация связей двух стран и взаимопонимание необходимости активного сотрудничества в области культуры и искусства. Данный документ привёл к поощрению и продвижению художественных и культурных инициатив и организация различных мероприятий.

Актуальность темы. Интенсивное развитие различных направлений живописи является основой развития межлических отношений, обогащает и расширяет взаимопонимание и доверие в обществе. Появляются новые направления и жанры. Проводятся различные выставки, пленэры и конкурсы для желающих проявить себя в этом виде искусства. Живопись, являясь классикой, пользовалась и продолжает пользоваться огромной популярностью. Её гуманитарное и политическое значение неопределимо.

Цель работы – исследовать развитие и провести анализ сотрудничества Беларуси и Италии в области современного изобразительного искусства на основе ознакомительно-просветительских мероприятий.

В расширении международных контактов современного белорусского изобразительного искусства 1991–2018-х годов важную роль сыграли белорусско-итальянские выставочные проекты.

Под белорусско-итальянскими выставочными проектами понимаются выставки современного искусства, прошедшие в Беларуси и (или) Италии в описываемый период, инициаторами и организаторами проведения, которых выступали итальянские или белорусские институции либо те и другие вместе. Существенно реже выставки проводились по инициативе отдельных художников или кураторов,

к которым присоединялись белорусские и итальянские организации. Как правило, целью подобных выставок была презентация отдельных представителей, редких направлений современного искусства Беларуси в Италии либо Италии в Беларуси, и носили в основном ознакомительно-просветительский характер. Еще реже совместно выставлялись белорусские и итальянские авторы. Зачастую такие экспозиции не имели четко выраженной тематики. Тем не менее, эти выставки в 1991–2018-х годах внесли важный вклад в развитие культурного диалога двух стран, в расширение культурной палитры Беларуси и Италии. Специфика проблематики нашего исследования обусловила использование некоторых положений теории межкультурных коммуникаций, приведенных в работах В.П. Прокапцовой, Ю. Лотмана, С. Артановского, М. Мамардашвили, С. Тер-Минасовой, А. Садохина, А. Быстровой, В. Киселева и др. [3]

Ознакомительно-просветительские выставки, основной целью которых являлась презентация современного искусства Беларуси в Италии и Италии в Беларуси были достаточно многочисленны и разнообразны.

В 2000 году в Риме были организованы и проведены Дни белорусской современной живописи в выставочном зале «Bramante», было представлено около восьмидесяти картин трех поколений белорусских художников – В. Альшевского, Е. Батальонка, А. Барановского, В. Кожуха, Л. Щемелева, В. Шкарудо, Г. Скрипниченко, В. Товстика, Ф. Янушкевича, В. Захаринского, В. Зинкевича. По итогам выставки, итальянские искусствоведы и художники в своих отзывах отметили, что впервые современная живопись Беларуси представлена в Италии на столь высоком уровне. Выставки проходили также в Неаполе, Болонье и других итальянских городах.

2003 год оказался продуктивным на двусторонние выставки: в городе Альбарабелла выставлялись работы В. Товстика, В. Сулковского, В. Кириева, Ю. Писку. В этом же году в Минске проходили выставки итальянских художников и скульпторов XIX века. «900 Siciliano»[4], а так же выставка итальянских художников А. Рота и Д. Скаёла в Национальном музее истории и культуры Беларуси. Нельзя не отметить выставку организованную Национальной галереей современного искусства в Риме, музеями Ватикана, Французской Академией, которая проходила в Минске.[5]

Выставка Сицилийского искусства 20 века, была значимым событием для города Минска в 2004 году.

В 2005 году в Минске, была проведена книжно-иллюстративная выставка к 530-летию со дня рождения итальянского скульптора и живописца Микеланджело Буонарроти. На выставке, были представлены иностранные и русскоязычные альбомы, книги, журнальные публикации, в полной мере раскрывающие творчество Микеланджело. Среди экспонатов – отдельные репродукции и комплекты открыток. В одном из изданий – поэтиче-

ские произведения великого скульптора. Познавательную ценность данной выставки трудно переоценить.

2009 год ознаменовался проведением трёх выставок, две из которых прошли в городе Минске. Выставка графики итальянских мастеров Риккардо Бенвенути, Рафаэля де Роза, Энрико Мастроянни, Джорджо де Кирико, а также выставка итальянских книг времен Боны Сфорцы на белорусских землях. «Итальянское Возрождение в Беларуси». 2 октября 2009 года прошла выставка картины одной картины из коллекции Художественного музея «Коррадо Джаквито» провинции Бари: П. Бордоне «Мадонна с младенцем между святыми Энрико из Упсалы и святым Антонио из Падуи».[6]

18.03.2010 года в городе Кальяри Италия проходила выставка работ Марка Шагала «Витебский пророк Марк Шагал и Ветхий завет».[7]

Разнообразием ознакомительных выставок ознаменовался 2015 год: в Минске прошли выставки современного искусства мозаики "Ретроспектива 1965-2014". В ней принимали участие Марко Бравура, Марко де Лука, Вердиано Марци. Выставка из государственных и частных коллекций итальянской Перуджи «Mater Dei. Иконография одной любви», в которой было представлено более 30 произведений живописи и графики XV–XIX веков. Особый интерес представляют 12 живописных полотен, объединенных культовым образом Мадонны с младенцем, одним из самых копируемых в мире со времен великого Рафаэля Санти. Знаковой стала выставка "Изобретения да Винчи" представленная зрителям Минска. Первая в мире передвижная выставка, посвященная творчеству гениального художника, ученого и изобретателя Леонардо да Винчи, созданная в 2006 году при участии Leonardo da Vinci Museo. Заметным событием стала экспозиция «Заветное материнство», которая сложилась из итальянских коллекций Академии искусств имени Пьетро Венуччи, Национальной галереи Умбрии, Сбербанка Перуджи и Национального художественного музея Республики Беларусь.

15 июля 2015 года в городе Витебске, проходила выставка картин «Италия глазами белорусских художников», в которой принимали участие К. Сумарева, В. Кондрусевич, П. Кондрусевич, С. Вечер, А. Меренков. Разножанровая, но объединенная единой идеей итальянских мотивов, выставка, по сути, явилась проявлением глубоко духовного самовыражения белорусских художников.

В 2017 году был реализован интереснейший проект в рамках 25-летия установления дипломатических отношений между Италией и Республикой Беларусь, где была представлена итальянская живопись отдельной области – Умбрии. Кроме того, на выставке были представлены по две работы Марка Шагала, Хаима Сутина и Ходесевич-Леже. Кроме картин, на экспозиции были представлены документы, письма и другие материалы из «Архивов Доттори». Экспозиция Доттори – первая попытка связать события прошлого столетия в искусстве Беларуси и Италии, через объекты Сутина,

Шагала, Леже. Выставка Доттори может быть охарактеризована как «полёты наяву».

В рамках «2017 – Год белорусской культуры на Сардинии», в городе Кальяри проходила неделя Белорусского искусства, в которой принимали участие Ю. Лешик, Л. Рыбакова, Д. Траенович, А. Пармон. А. Бутко, Е. Гончарова, А. Климович, Е. Касперович, С. Константинова. На данной выставке зрителям было представлено жанрово-стилистическое многообразие арт-объектов, работы которых выполнены в классическом, авангардном, абстрактном, религиозном стилях. Работы представлены на разном материале — холст, береста, шелк, дерево.

В 2018 году в городах Гродно и Бресте прошли выставки «Изобретения Леонардо да Винчи», а также «Италия, отчизна вдохновения...» классика итальянского стиля русских художников – Ф. Матвеева, П. Орлова, А. Попова, Г. Чернецова, С. Воробьева, Ф. Бронникова и др.

Заключение. Ознакомительно-просветительские выставки, организованные между Республиками Беларусь и Италия были многочисленны и обширны от классиков эпохи Возрождения до современного искусства и существенно раздвинули границы представления об изобразительном искусстве двух стран. Их представление и содержание имели огромное воспитательное и познавательное значение для широкой публики, а также были интересны для специалистов и, несомненно, способствовали духовному сближению обеих стран. Важно отметить, что спорадичность организации выставок 1990-х годов перешла к организационно-закономерному процессу характерному для активного и закономерного развития двухсторонних отношений.

Список литературы

1. Пракоп'ева, С. І. Заповітне маляринства... / С. І. Пракоп'ева // Мистецтва. – 2015. – № 3. – С. 16–17
2. Мядзведзева, В. Крыху італьянскага сонца, неба і ... моцны зарад энергіі / В. Мядзведзева // Чырв. змена. – 2003. – 19 верас. – С. 2.
3. Прокапцова, В.П. Компаративизм в практике и теории искусства / В.П. Прокапцова. // – Минск : Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2012. С. 59-68
4. Пракопчык, Н. Ад Рэната Гутуза – да трансавангарда / Н. Пракопчык // Культура. – 2003. – 1–7 лістап. – С. 7.
5. Сумароков, Б. Между таинством света и мистериями Вселенной : в Нац. музее истории и культуры Беларуси прошла выст. живописи итал. худож. А. Рота и Д. Скайола / Б. Сумароков // Известия. – 2003. – 1 авг. – С. 11
6. Свирко, И. «Итальянское Возрождение в Беларуси» началось с прибытия в Минск абсолютного художественного шедевра / И. Свирко // Республика. – 2009. – 3 кастр. – С. 3.
7. Работы Шагала на Сардинии // Авив. – 2010. – Май–июнь. – С. 29.

ECONOMIC SCIENCES

INTERACTION OF STATE REGULATION AND INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF SMALL ENTERPRISES IN IT-SPHERE

Kundytskyj O.,

*Doctor of Economics, Professor,
Head of the Management Department
Ivan Franko National University of Lviv*

Senyshyn O.

*Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Management Department
Ivan Franko National University of Lviv*

ВЗАЄМОЗВ'ЯЗОК ДЕРЖАВНОГО РЕГУЛЮВАННЯ ТА ІНВЕСТИЦІЙНОЇ ПРИВАБЛИВОСТІ МАЛИХ ПІДПРИЄМСТВ ІТ-СФЕРИ

Кундицький О.,

*доктор економічних наук, професор
завідувач кафедри менеджменту,
Львівський національний університет імені Івана Франка*

Сенишин О.

*доктор економічних наук,
професор кафедри менеджменту,
Львівський національний університет імені Івана Франка*

Abstract

The article shows that the information technology industry is extremely important in terms of economic development of the country. IT technologies have a significant impact on the growth of productivity, reduce the complexity of managing many business processes, ensure the quality of various services, contribute to the development of basic research in chemistry, physics, biology and other natural sciences. In addition, information technology has become an integral part of the security and defense capabilities of the state. It is emphasized that the level of information technology development in the country is usually measured using the Development Index (IDI). It is a comprehensive indicator of the development of information and communication technologies in the country, which is determined on the basis of eleven different indicators that characterize the level of development of the IT sphere. It is noted that small IT enterprises have a high potential for economic growth and are able to realize it quickly by identifying and effectively executing various promising business projects.

Анотація

У статті показано, що галузь інформаційних технологій є надзвичайно важливою з погляду економічного розвитку країни. Адже саме ІТ-технології здійснюють істотний вплив на зростання продуктивності праці, на зменшення трудомісткості управління багатьма бізнес-процесами, забезпечують якість надання різноманітних послуг, сприяють розвитку фундаментальних досліджень в галузі хімії, фізики, біології та інших природничих наук. Крім того, інформаційні технології стали невід'ємною складовою забезпечення безпеки і обороноздатності держави. Наголошено, що рівень розвитку інформаційних технологій в країні зазвичай вимірюють за допомогою Індексу розвитку інформаційно-комунікаційних технологій (Development Index, IDI). Це комплексний показник розвитку інформаційно-комунікаційних технологій в країні, який визначається на основі врахування одинадцяти різних показників, що характеризують рівень розвитку ІТ-сфери. Зауважено, що, саме малі підприємства ІТ-сфери мають високий потенціал економічного зростання та здатні оперативно його реалізовувати, шляхом виявлення і ефективного виконання різних перспективних бізнес-проектів.

Keywords: state regulation, IT-sphere, investment attractiveness, investments, small enterprises.

Ключові слова: державне регулювання, ІТ-сфера, інвестиційна привабливість, інвестиції, малі підприємства.

Постановка проблеми. Галузь інформаційних технологій є надзвичайно важливою з погляду економічного розвитку країни. Адже саме ІТ-технології здійснюють істотний вплив на зростання продуктивності праці, на зменшення трудомісткості управління багатьма бізнес-процесами, забезпечують якість надання різноманітних послуг, сприяють

розвитку фундаментальних досліджень в галузі хімії, фізики, біології та інших природничих наук. Крім того, інформаційні технології стали невід'ємною складовою забезпечення безпеки і обороноздатності держави.

В той же час аналіз наукових досліджень по проблематиці оцінки якості продукції, послуг, організацій показав, що, незважаючи на значну їх кількість, питання оцінки якості функціонування малих підприємств ІТ-сфери практично не розроблені.

Зростання темпів становлення малого підприємства у сфері інформаційних технологій залежить від багатьох чинників, до числа яких зазвичай відносять наявність координації основними структурами вітчизняного ІТ-ринку державними структурами, наявність необхідних інвестицій, забезпечення державної підтримки розвитку малих форм підприємництва в ІТ-сфері та ін.

Саме недостатня теоретична розробленість в економічній науці питань, пов'язаних з впливом державного регулювання на інвестиційну привабливість підприємств ІТ-сфери та висока практична значущість останніх зумовили вибір теми даної статті.

Аналіз останніх досліджень та публікацій.

Значний внесок у розробку теоретичних і практичних питань державного регулювання ІТ-сфери зробили такі автори, як В. Авер'янов, Г. Атаманчук, Дж. Болдвін, Е. Бринджолфсон, Дж. Гейтс, Р. Інклаар, Дж. Сакс, М. Портер, та інші.

Метою статті є спроба показати взаємозв'язок державного регулювання і інвестиційної привабливості малих ІТ-підприємств.

Виклад основного матеріалу. Рівень розвитку інформаційних технологій в економіці зазвичай вимірюють за допомогою Індексу розвитку інформаційно-комунікаційних технологій (Development Index, IDI) – комплексного показника, який визначається на основі врахування одинадцяти різних показників, що характеризують рівень розвитку ІКТ (включаючи доступ населення до ІКТ, знання в області ІКТ, можливості практичного використання та ін.) і сформованих Міжнародним союзом електрозв'язку (International Telecommunication Union). Даний індекс, за яким у 2017 р. для наша країна займала 79 місце досить тісно пов'язаний з індексом глобальної конкурентоспроможності, де у 2018 р. Україна посіла 83 місце зі 140 в рейтингу, піднявшись на шість сходинок в порівнянні з 2017 р.

Слід зазначити, що чималу роль в забезпеченні основних показників нашої країни щодо розвитку інформаційно-комунікаційних технологій відіграють малі підприємства галузі, які в порівнянні з великими володіють рядом переваг, серед яких, по-перше – всі переваги малих підприємств, а по-друге – стосовно їх специфіки – нові технології, доступність в “недоступних місцях”, акції, знижки (для малих підприємств це важливий інструмент). Щодо недоліків, то тут слід наголосити на частковій недовірлі клієнтів та недостатній базі матеріально технічного забезпечення.

В контексті нашої статті представляють певний інтерес погляди компанії IDC на розвиток ІТ-галузі. Зокрема експерти компанії показують, що галузь розвивається у вигляді трьох платформ.

Перша платформа – це платформа, яка сформована на основі мейнфреймів і терміналів. На цій платформі функціонували численні і різноманітні програмні продукти (додатки) і працювали численні користувачі.

Друга платформа – це платформа, реалізована на основі персональних комп'ютерів, клієнт-серверної архітектури, Інтернету і його численних (обчислюваних сотнями тисяч) застосувань.

Третя платформа – це платформа, яка характеризується соціальними мережами і хмарною інфраструктурою, активним їх використанням на усіх рівнях взаємодії як між компаніями, так і між людьми в інтересах рішення різноманітних завдань. У рамках третьої платформи виникає глобалізація, яка базується на соціальних технологіях, великих даних, хмарних сервісах і мобільних пристроях.

В цілому малі підприємства ІТ-сфери працюють в усіх трьох сегментах ІТ-ринку, включаючи проектування, розробку, впровадження, продаж і післяпродажне обслуговування інформаційних систем програмного забезпечення, програмно-технічних комплексів, надання різноманітних інформаційних і ІТ-послуг, виконують обслуговування ІТ-інфраструктури і окремих її складових.

Однак, незважаючи на те, що ІТ-сектор в 2018 р. склав 4 % ВВП країни та 2 млрд. доларів експорту в нашій державі досить не існує як стратегії його розвитку так і не вироблено ефективної політики щодо його державного регулювання. Крім того, в державі відсутня чітка політика, щодо підтримки розвитку малого бізнесу в ІТ-сфері. Необхідність виправлення вищеописаної ситуації пояснюється тим, що, саме, малі підприємства ІТ-сфери мають високий потенціал економічного зростання і саме вони здатні оперативно його реалізовувати, шляхом виявлення і ефективного виконання різних перспективних бізнес-проектів. Особливістю тут є те, що саме високотехнологічні стартапи мають потенціал швидкого стрімкого зростання з малого в середній і великий бізнес, що актуалізує роль державного регулювання у вирішенні економічних завдань малого бізнесу, особливо його інвестиційного забезпечення. У даному випадку напрошується висновок, що потреба в ІТ-продуктах є, і цей факт має привернути увагу інвесторів. Проте, незважаючи на свою популярність, великий і різноманітний ринок послуг, що надаються, ця сфера не притягує тієї кількості інвестицій яких потребує і як наслідок більшість компаній, що надають послуги в ІТ-сфері, залишаються без уваги. З одного боку це залежить від загального інвестиційного клімату в країні – макро фактора, а з іншого – від самої специфіки інвестицій в ІТ-галузь – мікро-фактора.

Загальний інвестиційний клімат в державі можна охарактеризувати за допомогою рейтингу Doing Business – щорічного рейтингу інвестиційної привабливості 190 країн світу, який укладається Світовим банком. Звіт Doing Business складається за підсумками комплексного дослідження стану реформ в кожній країні за 10 ключовими індикаторами, які використовуються для аналізу економічних результатів та виявлення успішних реформ та

оцінки їхньої ефективності. Індекс легкості ведення бізнесу Doing Business є важливим маркером для інвесторів при прийнятті рішення про інвестиції в ту чи іншу країну світу. Так, у рейтингу Doing Business 2019 Україна піднялась на + 5 пунктів і посіла 71 позицію зі 190 країн світу. Країна продемонструвала найбільше зростання в таких категоріях, як оподаткування (зростання на 110 позицій, 54 місце), міжнародна торгівля (+70 позицій, 78 місце) і захист прав інвесторів (+56 позицій, 72 місце) [1]. У 2020 р., Україна одразу на 7 пунктів покращила свою позицію у рейтингу інвестиційної привабливості Doing Business-2020 на 64-ту сходинку, що мало б стати **позитивним сигналом для українських підприємств та «зеленим світлом» для іноземних інвесторів**. Згідно з даними звіту Світового банку цього року Україна покращила свої показники **за 6 з 10 індикаторів**, які враховуються фахівцями Світового банку при складанні рейтингу.

Найбільший прогрес Україна продемонструвала за компонентою **“Захист міноритарних акціонерів”** +27 пунктів завдяки відкриттю інформації про кінцевих вигодонабувачів та компонентою **“Отримання дозволу на будівництво”** +10 пунктів за рахунок усунення вимог до найму незалежного проєктанта та інженера техногляду та запровадження подання повідомлень онлайн, а також зменшила вартість дозволів на будівництво в межах Києва.

Крім того, на підвищення позиції в рейтингу вплинули позитивні зміни за такими компонентами:

“Підключення до електромереж”: спрощення підключення до електромереж та впорядкування технічних умов, а також впровадження географічної інформаційної системи. Україна також покращила надійність електропостачання, запровадивши механізм компенсації відключення;

“Міжнародна торгівля”: спрощення вимог до сертифікації окремих промислових товарів;

“Реєстрація майна”: підвищення прозорості системи управління земельними ресурсами та спрощення реєстрації майна;

“Доступ до кредитів”: покращення за рахунок покращення доступу до кредитної інформації через створення нового Національного реєстру кредитів у Національному банку України [1].

Крім того, Україна посіла 83 місце з 140 в рейтингу *Глобальної конкурентоспроможності економіки* (Global Competitiveness Index). У рейтингу із 140 країн Україна знаходиться на 110 місці за рівнем державних інститутів, на 57 місці – з розвитку інфраструктури, на 77-му – за рівнем адаптації сучасних технологій, а також макроекономічна стабільність – 131 місце, охорона здоров'я – 94 місце, освіта – 46 місце, ринок товарів – 73 місце, ринок праці – 66 місце, фінансова система – 117 місце, обсяг ринку – 47 місце, динаміка бізнесу – 86 місце, здатність до інновацій – 58 місце [2].

Для подальшого покращення інвестиційного клімату актуальним для нашої держави залишаються питання удосконалення правової та організа-

ційної бази для підвищення дієздатності інвестиційних механізмів й формування основи збереження та підвищення конкурентоспроможності вітчизняної економіки. Проте покращення інвестиційного клімату за останні роки не спричинило суттєвого впливу щодо надходжень інвестицій в ІТ-галузь загалом і в малі ІТ-підприємства зокрема. Для підтвердження цієї думки звернемося до офіційної статистики, яка показує, що провідними сферами економічної діяльності, за обсягами освоєння капітальних інвестицій, у І півріччі 2019 р. залишаються: промисловість – 40,3 %, будівництво – 10,8 %, сільське, лісове та рибне господарство – 10,1 %, оптова та роздрібна торгівля; ремонт автотранспортних засобів і мотоциклів – 7,9 %, транспорт, складське господарство, поштова та кур'єрська діяльність – 8,4 %, державне управління й оборона; обов'язкове соціальне страхування – 5,4 %, операції з нерухомим майном – 4,9 %, інформація та телекомунікації – 3,7 % [3].

Спробуємо проаналізувати мікрофактор – специфіку інвестицій в ІТ-галузь. Тут слід розрізняти інвестиції в ІТ самого підприємства, під якими слід розуміти будь-які витрати пов'язані з придбанням комп'ютерів, ліцензій, підтримання мереж тощо та інвестиції в спеціалізовані ІТ-підприємства та спеціалізовані малі підприємства ІТ-галузі. До числа останніх зазвичай відносять підприємства, пов'язані з виконанням наступних робіт:

- проєктування, розробка, впровадження інформаційних систем;
- проєктування, розробка і впровадження загального і спеціального програмного забезпечення;
- проєктування, розробка і впровадження апаратно-програмних комплексів;
- надання різноманітних інформаційних і ІТ-послуг.

Реалізація ІТ-проєктів самого підприємства здатна принести йому як кількісні (матеріальні) так і якісні (нематеріальні) вигоди. До можливих матеріальних (кількісних) вигод від реалізації ІТ-проєктів відносяться:

- збільшення обсягів продажів;
- зниження собівартості;
- зменшення складських запасів;
- скорочення термінів виконання замовлень;
- підвищення точності постачань;
- підвищення продуктивності;
- швидкість реагування на зміни в зовнішньому і внутрішньому середовищу;
- мінімізація витрат, різного роду виплат;
- зростання валового доходу, виручки, від реалізації прибули.

Можливими нематеріальними (якісними) вигодами від реалізації ІТ-проєктів є: поліпшення доступу до інформації; поліпшення взаємодії з постачальниками; підвищення задоволеності клієнтів; можливість своєчасно реагувати на зміни ринку; підвищення рівня конкурентоспроможності; оптимізація організаційної структури організації; підвищення ділової активності; поліпшення фінансової стійкості [4].

Основними видами інвестицій в ІТ підприємства є: власні кошти; кредити; посівне фінансування (Seed Capital, SC); венчурне інвестування (VC); приватні інвестори; стратегічне інвестування; акці-

онерний капітал. У публікаціях останніх років достатньо чітко систематизовано переваги та недоліки кожного з цих видів інвестицій (див. табл. 1) [5].

Таблиця 1

Переваги та недоліки основних видів інвестування в ІТ [5, с. 404]

№ з/п	Вид інвестиції	Переваги	Недоліки
1	Власні кошти	відсутність відсотків; швидкість отримання; свобода витрачання коштів	невеликий розмір інвестицій; відсутність зовнішньої експертизи; відсутність консультативного підтримання
2	Кредити	власник не поділяє власність з інвестором	відсутність матеріальних гарантій застави нерухомості; значна процентна ставка; кредитування лише найвигідніших проектів; значний час оформлення документів; наявність гаранта повернення коштів
3	Посівне фінансування (Seed Capital, SC)	налагодження зв'язків з дистриб'юторами; керівництво оперативною діяльністю досвідченими приватними інвесторами; наявність операційного плану виходу на ринок	супровід лише стартової фази
4	Венчурне інвестування (VC)	надання коштів та їх залучення на тривалий період; матеріальна застава не вимагається; зв'язки VC серед потенційних покупців і партнерів; можливість сумісного інвестування іншими інвесторами	придбання частини власності компанії в обмін на інвестування; право контролю інвесторів під час прийняття важливих рішень; наявність прав інтелектуальної власності; наявність оформленого бізнес-плану проекту
5	Приватні інвестори	швидкість ухвалення рішення про фінансування; отримання коштів за відсутності прибутку; реінвестування прибутку; швидкі темпи розвитку; активна участь інвестора	високий рівень ризику; невисокий рівень диверсифікації; неформальні контакти із засновниками бізнесу; значна частка акцій компанії належатиме інвестору
6	Стратегічне інвестування	значний обсяг інвестицій; експертна допомога; швидке входження до ринку	як мінімум блокуючий пакет акцій набуває стратегічний інвестор; управління та контроль з боку стратегічного інвестора; тривалий процес отримання коштів
7	Акціонерний капітал	великий обсяг фінансування; зміцнення репутації компанії;	публічне розміщення акцій – не відповідає малому та середньому бізнесу; тривалий процес отримання коштів; залучені кошти є «дорогими»; необхідність публікації внутрішньої інформації

Щодо інвестицій в спеціалізовані ІТ-підприємства, то слід зазначити, що у переважній більшості людей, коли мова заходить про ІТ-сферу, в першу чергу, виникає думка про послугу інтернету. Загалом, інвестиції в інтернет умовно можна підрозділити на три групи:

1) інвестиції в інтернет-компанії: це і електронні ЗМІ, і так популярні зараз інтернет-магазини, і пошукові системи, які на сьогодні є мало не основним рекламним джерелом, і так далі;

2) інвестиції в "Інтернет": створення сервісних служб, сайтів для компаній, реклама в "ме-режі";

3) інвестиції в інтернет-технології: це інтернет-провайдери, сервісні і телекомунікаційні компанії.

Електронні ЗМІ, інтернет-магазини, пошукові системи, сайти, реклама в інтернеті – це ті самі проекти, що приносять прибуток в найкоротші терміни і цим притягають більшість інвесторів, залишаючи практично без уваги інтернет технології.

Слід зазначити, що інвестиції в ІТ-сектор мають велику кількість переваг, але одночасно не слід забувати, що у них також є серйозна специфіка і високі ризики. Так, розглядаючи особливості інвестицій в ІТ-стартап слід зазначити, що переважна більшість бізнес-інкубаторів в ІТ-галузі працюють за

такою схемою. Першим кроком є створення сайдів, для розміщення стартап-проекту. Наступним кроком є презентація ідеї її потенційним інвесторам. У разі якщо проект зацікавить інвесторів він отримує день на розвиток. В подальшому інвестор, який вклав капітал в стартап, отримуватиме обумовлений відсоток від його прибутку.

Саме наявність подібних бізнес-інкубаторів відкриває для багатьох малих підприємств унікальну можливість знайти гроші для реалізації власного ІТ-проекту. Крім того, вони отримують безцінний досвід і заведуть знайомство, які будуть корисні їм в майбутньому. Нерідко в саме у бізнес-інкубаторі зустрічаються декілька учасників, які надалі придумують і реалізують успішний проект.

Щодо інвесторів то вони також зацікавлені в наявності подібних майданчиків, оскільки це дає їм можливість за досить короткий час знайти інвестиційно привабливий стартап. У даному випадку не слід забувати, що інвестиції в ІТ-стартап є украй ризикованими заходами, оскільки, як свідчить статистика тільки 10–15 % проектів виходять на рівень самоокупності і надалі починають приносити прибуток. Для інвестора – щось подібне до лотереї, де існування історій Facebook і Google серйозно мотивує все нових інвесторів на те, щоб спробувати свої сили у виявленні, фінансуванні і реалізації надприбуткових ІТ-стартапів. Це пояснюється тим, що в разі успіху розмір прибутку може бути таким, про який в інших напрямках інвестування не доводиться навіть мріяти.

Однак можливість отримання надприбутків не єдина перевага інвестицій в ІТ-галузь. Одним з головних аспектів, що спонукають інвесторів до фінансування проектів у сфері інформаційних технологій, є відносно не велика сума вкладень (5–10 тис. дол. США), що вигідно відрізняє дані інвестиції від інвестицій в реальний бізнес. Як показує досвід, для того, щоб створити інтернет-проект не потрібний навіть офіс. Команда розробників рідко складається більше ніж з кількох чоловік. Все що треба на першому етапі це декілька комп'ютерів, доступ в інтернет і наявність специфічних знань у групи розробників. Також можна навести приклад, коли багато відомих стартаперів ІТ-індустрії навіть не є програмістами. У даному випадку – головне, наявність якісної ідеї, а не членів команди, яких завжди можна підібрати, шляхом залучення фрілансерів.

Найчастіше нині інвестори вкладають свої грошові кошти в одно з трьох ІТ-напрямів:

- додатки для скачування на мобільні пристрої;
- платний сервіс розташований на сайті;
- продукт ігрової індустрії.

Щодо вад інвестицій в ІТ-проекти, то, як вже наголошувалось, найперше слід відзначити високі ризики щодо того, що проект в майбутньому не принесе бажаний рівень прибутку, а також не завжди наявний досвід інвестора і необхідні навички орієнтування у сфері інформаційних технологій.

Підвищення інвестиційної привабливості малих підприємств ІТ-сфери можливе в тісному поєднанні як макро- так і мікро- процесів, пов'язаних з

державним регулюванням інвестиційного забезпечення розвитку ІТ. Так, опираючись на дані Інституту стратегічних досліджень, основними проблемами на макро- рівні, які потребують негайного вирішення є:

- наявність проявів несанкціонованого прямого державного втручання в діяльність суб'єктів іт-бізнесу;
 - нестабільність податкового регулювання та стимулювання розвитку ІТ-сфери;
 - надмірне податкове навантаження на фонд оплати праці ІТ компаній;
 - неефективність державного регулювання захисту прав інтелектуальної власності;
 - поглиблення розриву між ІТ-сферою та фінансово-інвестиційними інституціями [6].
- Щодо мікро- рівня, тобто самих ІТ-підприємств, то залученню інвестицій сприяло б:
- “прозорість” фінансового стану малого підприємства як внутрішнього чинника інвестиційної привабливості. В умовах сучасної податкової системи важко давати якісь конкретні поради, але кожен підприємець має бути свідомий того, що саме грамотний фінансовий аналіз є основою для прийняття інвестиційного рішення;
 - реалістичність визначення стратегії бізнесу і стратегії розвитку підприємства;
 - SWOT-аналіз підприємства проведений третьою стороною.

Висновки. Таким чином, можна зробити висновки, що перспектива зростання інвестицій в малі підприємства ІТ-сфери потребує з одного боку виваженого державного регулювання інвестиційної привабливості ІТ-сфери загалом, шляхом усунення вищезазначених макропроблем, так і зусиль самого ІТ-підприємства, яке мусить забезпечити привабливість ІТ-проектів. Внаслідок такої взаємодії зацікавленість інвесторів малими ІТ-підприємствами зростає і як наслідок інвестиції в ІТ-сферу також зростатимуть.

Список використаних джерел

1. Україна в системі рейтингів Doing Business-2020. URL: <https://clck.ru/MajEK>
2. Україна піднялася в рейтингу глобальної конкурентоспроможності URL: <https://www.epravda.com.ua/news/2018/10/17/641667>.
3. Інвестиції як дзеркало розвитку. Аналітична записка. URL: <https://www.sfii.gov.ua/інвестиції-як-дзеркало-розвитку>.
4. Галкин Г. Магическое заклинание . URL: <http://www.setevoi.ru/new/mags/index.php?op=article&id>.
5. Катренко А.В., Пастернак О.В. Системні аспекти інвестування в галузі інформаційних технологій // Вісник Національного університету “Львівська політехніка”. 2014. № 805. С. 402–411.
6. Фінансово-економічні інструменти стимулювання розвитку ІТ-сфери України. Аналітична записка. Національний інститут стратегічних досліджень URL: <https://clck.ru/MajF8>

Taskaeva S.*Candidate of Political Sciences
Hulunbuir University***ПРОТЕКЦИОНИЗМ И ОТКРЫТАЯ ЭКОНОМИКА:
КОНВЕРГЕНЦИЯ ПО-КИТАЙСКИ****Таскаева С.***Кандидат политических наук
Хулулбуирский университет***Abstract**

Economists of different countries predict in the nearest future a new wave of global economic crisis. Under these conditions, China's experience in overcoming the previous crisis has enormous potential for theoretical study and practical application. The paper is devoted to the analysis of the economic measures taken by China to cope with the difficulties and dangers of the global crisis. The main postulate that guided China in foreign economic activity was that economic globalization leads to global interdependence and protectionism in foreign trade is unacceptable. However, when protectionism is declared by foreign partners, it is necessary to maintain economic and social stability within the country, therefore, China's economic measures were aimed at increasing internal demand and domestic consumption; in the future it reduced the dependence of the country's economy on external factors. The author makes the conclusion that China's convergence of free trade in the external economic sphere and a perspective-oriented policy of protecting the national producer in conditions of economic turbulence helped China, unlike other countries, to succeed in overcoming the crisis, rise the national economy to a new level, and the stability of the state foreign economic strategy strengthened China's reputation in the global market, increased its investment attractiveness.

Аннотация

Экономисты разных стран прогнозируют в ближайшее время новую волну мирового экономического кризиса. В этих условиях опыт Китая по преодолению предыдущего кризиса несет в себе огромный потенциал для теоретического изучения и практического применения. Исследование посвящено анализу экономических мер, предпринятых Китаем для преодоления трудностей и опасностей глобального кризиса. Основной постулат, которым КНР руководствовалась во внешнеэкономической деятельности, заключался в том, что глобализация экономики ведет к глобальной взаимозависимости и протекционизм во внешней торговле неприемлем. Однако в условиях протекционизма, декларируемого зарубежными партнерами, необходимо сохранить экономическую и социальную стабильность внутри страны, поэтому экономические меры Китая были направлены на повышение внутреннего спроса и потребления, что в дальнейшем уменьшило зависимость экономики страны от внешних факторов. Автор делает вывод, что сочетание Китая свободной торговли во внешнеэкономической сфере и перспективно-ориентированной политики защиты национального производителя в условиях экономической турбулентности помогло Китаю, в отличие от других стран, успешно преодолеть кризис, поднять национальную экономику на новый уровень, а стабильность государственной внешнеэкономической стратегии укрепила репутацию Китая на мировом рынке, повысила его инвестиционную привлекательность.

Keywords: protectionism, open economy, free trade, global economic crisis, export, economic strategy, convergence.

Ключевые слова: протекционизм, открытая экономика, свободная торговля, глобальный экономический кризис, экспорт, экономическая стратегия, конвергенция.

Как правило, в периоды экономических рецессий государства прибегают к протекционистским мерам, пытаясь оградить национальную экономику от кризисных явлений.

Во время глобального экономического кризиса 2008 года Всемирная торговая организация, опасаясь предстоящего усиления кризиса, призывала руководителей государств отказаться от политики протекционизма в мировой торговле. Лидеры стран G8, принимая во внимание печальный опыт времен Великой депрессии 30-х годов прошлого столетия, намеревались не сворачивать с курса свободной торговли, сообщая противостоять усилению общемирового протекционистского тренда и сохранить

свои рынки открытыми для иностранных товаров и инвестиций. Однако, на практике многие страны начали достаточно активно возводить заградительные барьеры при ввозе иностранных товаров, используя разнообразие инструментов внешнеторговой политики: импортные квоты, высокие ставки ввозных таможенных пошлин, лицензирование, различные технические барьеры и другие.

В частности, в феврале 2009 года Конгресс США призвал реализовывать проекты в рамках плана по стимулированию экономики с использованием произведенных в США металлов и промышленных товаров ("Buy American"). В России протек-

сионистские настроения проявились в провозглашении правительством принципа эскалации импортного таможенного тарифа в целях сдерживания потоков иностранных конкурентоспособных товаров, представлявших угрозу для российской экономики, что противоречило идеям «большой двадцатки» и «большой восьмерки».

Кризис был и для Китая полной неожиданностью, спутал его планы [1, с. 39]. Объявив еще в 1978 году политику реформ и открытости, КНР в течение тридцати лет двигалась в этом направлении: расширяла внешнеэкономические связи, создавала зоны свободной торговли, переводила предприятия на самостоятельное хозяйствование, внедряла иные рыночные механизмы.

С приходом кризиса на мировой рынок объемы продаж и производства в китайских экспортноориентированных отраслях (производство текстиля, обуви, одежды), значительно снизились из-за сокращения внешнего спроса на китайские товары в результате предпринятых торговыми партнерами протекционистских мер, в то время как в отраслях, ориентированных на внутренний рынок (машиностроение, агропромышленность), удалось избежать резкого спада благодаря концентрации усилий на решении внутренних социально-экономических проблем.

Для сохранения социальной стабильности и удержания экономики от падения в условиях глобальной экономической турбулентности Китай предпринял политические шаги, направленные на полномасштабную модернизацию основных отраслей промышленности, расширение внутреннего потребления, стимулирование внутреннего спроса, борьбу с ростом безработицы и создание новых рабочих мест, промышленное возрождение и реализацию инфраструктурных проектов, таких как, например, строительство скоростных железных дорог. Китай считал, что именно спрос на внутреннем рынке должен стать двигателем китайской экономики во время кризиса.

В то же время КНР активно поддерживала компании-экспортеры (в частности, для преодоления иностранных заградительных пошлин предоставляла субсидии – компенсации затрат на экспорт), проводила работу по дальнейшему привлечению иностранных инвестиций, поощрению внешнеэкономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (вследствие стагнации европейских и американского рынков – основных рынков сбыта в докризисный период) и предпринимала другие меры, что доказывало сохранение китайского курса «идти вовне».

Таким образом, в отношении зарубежных партнеров Китай осуществлял политику свободной торговли, не закрывал свой рынок для иностранных товаров, и, тем более, для технологий и инвестиций. Страна не сбилась со стратегического курса открытия экономики, но поскольку изменение внешних экономических условий поставило новые задачи, то для их решения руководство страны апробировало иные формы и методы хозяй-

ствования, которые могли бы способствовать защите национального производителя, раскрыла антикризисный потенциал реального сектора. Многовекторность и многоуровневость экономики удержала макроэкономические показатели Китайской Народной Республики от глубокого падения в отличие от других стран.

Если рассматривать период с 2008 по 2013 год, то можно увидеть, что экономические показатели Китая (экспорт и импорт) росли (при этом рост их был и остается сбалансированным); только в 2009 году они снизились, однако объемы ВВП выросли, что свидетельствовало о внутренней экономической устойчивости страны в тот период [4], а в 2010 году страна вышла на первое место в мире по экспорту товаров.

Иначе говоря, пока другие страны пытались защитить национальную экономику путем закрытия своих границ для иностранных товаров, Китай, поняв, что современная экономика является, прежде всего, денежно-ориентированной и глобально-взаимозависимой, используя «преимущества отсталости» [5, с. 221] и возможности финансово-экономического кризиса (которых другие страны не увидели), открыл свои границы, но в большей степени, не для иностранных товаров, а для привлечения прямых иностранных инвестиций, наукоемких технологий, высококвалифицированных кадров, иными словами, поменял эволюционно структуру китайского импорта и экспорта, перешел к стратегии «привлечения зарубежного», но «лучшего зарубежного». В долгосрочной перспективе это повлияло на дальнейший экономический подъем Поднебесной.

Одним из наиболее эффективных экономических инструментов, который они выбрали для реализации национальной стратегии открытия внешнему миру, послужили зоны свободной торговли – они помогли выйти за государственные рубежи и расширить сферу геоэкономического влияния [2; 3]. Эти зоны стали центрами притяжения иностранного капитала, высоких технологий и знаний, местом создания совместных предприятий с зарубежными партнерами [3, с. 131]

Конвергенция внешней открытости и внутренних реформ, протекционизма и свободной торговли, а также стратегическое постоянство и политико-экономическая стабильность – в этом заключается успех развития и устойчивости экономики Китая. Китай продемонстрировал миру неуклонное стремление к открытой экономике и экономической кооперации, несмотря на общемировые протекционистские настроения. В целом китайская промышленность была и остается ориентированной на экспорт, но преимущество все больше пользуется «сложный» экспорт – экспорт капиталоемкой, наукоемкой, инновационной продукции, приносящий наибольшую внешнюю выгоду. Можно сказать, что Китай осуществил «реинжиниринг» экономической политики, сменил парадигму экономического развития – концепция «догоняю-

щего развития» уступила место концепции ускоренного развития путем максимального использования «сравнительных преимуществ».

Заняв более высокую строчку в мировом экономическом рейтинге, КНР убедила иностранных торговых партнеров в верности своему курсу и стабильности экономических условий в стране, что положительно сказалось на инвестиционных потоках. Можно без преувеличения сказать, что Китай своими усилиями развернул мир (или его большую часть) лицом к экономической интеграции во внешней торговле, но при этом национальные интересы для Китая остались первостепенными.

Сегодня зарубежные и российские экономисты вновь говорят о том, что мир стоит на пороге экономических потрясений - «глобального суперкризиса». Торговая война США и Китая, американская протекционистская политика, падение цен на нефть, утверждают они, неизбежно приведет к такому развитию событий. У нас есть право соглашаться с этим или не соглашаться, но из опыта, пережитого во время предыдущего кризиса, страны должны извлечь уроки и понять, что рыночная экономика носит глобальный характер и экономическая изоляция в современном мире недопустима. Глубокая экономическая интеграция, глобальные производственные сети транснациональных корпораций, экономическая взаимозависимость государств – это объективные факторы, которые нельзя игнорировать.

Китай показал, что если у государства есть четкая, выверенная, долгосрочная экономическая стратегия, реализация которой не зависит от смены политических лидеров в стране, от изменений мировой политической ситуации, от экономической турбулентности, то это говорит об экономической и политической устойчивости государства, повышает его бизнес-репутацию и инвестиционную привлекательность, создает благоприятные условия для международной кооперации.

Список источников

1. Байчоров А.М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. – М.: Международный. отношения, 2013. – 192 с.
2. Дергачев, Владимир. Новая геополитическая архитектура Евразии от Атлантики до Тихого океана // Вестник аналитики: журнал аналитических материалов. - 2010. - № 4 (42). - С. 29 – 42.
3. Таскаева С.В. Свободные экономические зоны как инструмент «мягкой силы» Китая // Вестник ЗабГУ. - 2019. - № 4. - С. 125 – 134.
4. Чан Хао, Логинова В.А. Оценка влияния мирового кризиса на экономику КНР // Сборник научных трудов Sworld. 2014. - № 27(1). Электр. ресурс / URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21376563>
5. Чжан Юй. Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость / Пер. с кит. Ефановой В.А. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – 239 с.

ON THE ISSUE OF REGULATING THE CRYPTOCURRENCY MARKET

Tsurova L.

*PhD in Economic Science, Associate Professor of Finance and Credit Department
Ingush state University, Magas*

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ РЫНКА КРИПТОВАЛЮТ

Цурова Л.А.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита
Ингушского государственного университета, г. Магас*

Abstract

The article discusses current trends in the development of the digital currency market and its regulation. A review of government regulation options in developed countries is being conducted. The prospects for the development of the virtual coin market are analyzed and the directions of regulatory influence are proposed.

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные тенденции развития рынка цифровых валют и его регулирования. Проводятся обзор вариантов государственного регулирования в развитых странах. Анализируются перспективы развития рынка виртуальных монет и предлагаются направления регулирующего воздействия.

Keywords: cryptocurrencies, government regulation, fraud limitation, consumer protection, taxation.

Ключевые слова: криптовалюты, государственное регулирование, ограничение мошенничества, защита потребителей, налогообложение.

Системы регулирования цифровых валют обсуждаются в мире достаточно бурно, с множеством подходов различных правительств. Текущие меры регулирования находятся в зачаточном состоянии и развиваются параллельно с быстро развивающейся IT-индустрией.

Государственное регулирование обеспечит большую легитимность криптовалюте, пытаясь реализовать массу приемов. Правительства будут стремиться стандартизировать элементы рынка и минимизировать хотя бы некоторые из волатильностей. В попытках регулирования та же цель, что и

езде: ограничение мошенничества, защита потребителей, соблюдение экономических санкций, сформировать институт эффективных методов налогообложения. Краткая деталь текущей политики: криптовалюте в различных государствах предложат конкретность и широкий обзор попыток современного регулирования. Из-за короткой истории виртуальных валют, попытки правительства будут часто корректироваться.

США занимает слегка нейтральную позицию по отношению к криптовалютам. Актуальной проблемой, с которой сталкиваются регуляторы, является необходимость расширения существующих законов в силу необходимости учета уникальных аспектов и проблем виртуальной мировой валюты.

Для целей налогообложения виртуальные валюты будут рассматриваться как собственность, а не как валюта, и операции подлежат тем же налоговым нормам, что и другие виды собственности.

Ранние попытки правительств уточнить место криптовалют на финансовом рынке выразились в 2013 году заявлением, что поскольку индивидуальное использование виртуальных валют не считается формой финансового бизнеса, обмена и конвертации виртуальных валют не подпадают под определение финансовых бизнес-услуг [5, с.1045]. Как таковые, виртуальные валюты должны следовать требованиям правительства, если приняты в структурах, оказывающих финансовые услуги. Это значительное уточнение, так как требует определенной ответственности от виртуальной валюты, участвующей в транзакциях, а также еще один уровень защиты от мошенничества.

Отдельные Штаты США играют большую роль в установлении положений для развивающихся валют. В 12 штатах и Пуэрто-Рико установлен протокол лицензирования по операциям с использованием виртуальных монет [3]. В настоящее время в штате Калифорния обращение криптовалют имеет большую активность, чем у любого другого государства, расширяется включение цифровых валют в существующие финансовые механизмы [1]. В январе 2015 года криптовалюта обрела правовой статус в штате Калифорния.

Австралия, чьи граждане составляют примерно 7% пользователей биткоинов, официально не приняла правила виртуальной валюты, но создала систему налогообложения майнинга [7]. К сделкам, касающимся товаров или услуг с оплатой в криптовалюте, в ряде стран применяются существующие налоговые правила. В то время как австралийское правительство не признало Биткоин юридическим универсальным средством обмена и формой выплаты, оно предоставило пространство для криптовалют, как способу получения дохода.

В Канаде, возможно, самая сплоченная и развитая система регулирования, будучи первой в мире, которая ввела налог на виртуальную валюту. Канадская система налогообложения стремится минимизировать риски, связанные с криптовалютами: отмывание денег и легализация доходов, нажитых преступным путем. Банк Канады выразил готов-

ность признать развивающиеся виртуальные валютные рынки, но в настоящее время признает криптовалюты как инвестиции, а не валюты [3].

В ряде стран официально разрешены операции с биткоинами. Обычно они рассматриваются как товар или инвестиционный актив и для целей налогообложения подчинены соответствующему законодательству. Иногда биткоины признают в качестве расчётной денежной единицы (например, в Германии), в других странах (например, в Японии) Bitcoin является законным платёжным средством с налогом на покупку. В Швейцарии на криптовалюты действуют такие же правила, как и на иностранные валюты, и эта страна является одной из самых благоприятных юрисдикций для Bitcoin-стартапов и общественных блокчейнов.

В России на 2017 год никаких ограничений на использование биткоинов нет, но Россия отреагировала менее благосклонно к появлению криптовалют. Банк России разделяет озабоченность, что криптовалюты могут использоваться в процессе отмывания денег, легализации преступных доходов. Кроме того, в банке утверждают, что виртуальные валюты нарушают федеральное законодательство. В прошлом году Министерство финансов объявило о своем намерении ограничить использование криптовалюты в качестве средства платежа. В феврале 2015 года Генеральная прокуратура РФ утверждала, что биткоины не могут быть использованы физическими или юридическими лицами. [9]

И в апреле, заместитель министра финансов Алексей Моисеев подтвердил эту позицию, заявив, что закон, который предусматривает меры наказания за использование денежных суррогатов, наконец, будет принят в этом году. [10]. Действительно, гонения в России на валюту уже очевидны, по крайней мере, поджоги сайтов криптовалют заблокированы.

Этот скептицизм по отношению к денежным суррогатам является общим и для Китая, который также принял шаги, чтобы ограничить использование виртуальных монет. Тенденция к ограничению отражается и в других странах. Вьетнам настойчиво удерживает своих граждан от использования криптовалют. Пока нет регулирования, конкретно связанного с использованием виртуальной валюты, Банк Вьетнама предупредил, что Вьетнам не рассматривает виртуальную валюту в качестве законной формы обращения [3]. Операции с использованием криптовалют не подпадают под правовую защиту.

В то время как ритейлеры начинают официально оперировать на виртуальном валютном рынке, объем успеха валюты, в конечном счете, зависит от получения общественного признания. Ценность криптовалюты – в количестве ее пользователей; без общественного доверия система виртуальной валюты в качестве альтернативного метода оплаты является неустойчивой. Путь признания сложен и требует больших объемов знаний и гарантий, чтобы успокоить скептически настроенную общественность, особенно в свете последних событий с демонстрацией волатильности криптовалют.

Имеются как положительные, так и негативные факторы, связанные с общественным восприятием, что, вероятно, продолжит оказывать свое влияние на рост индустрии криптовалют.

Медленно, через нововведения и новаторов, отстаивая свои достоинства, криптовалюта набирает свое присутствие на мировом рынке. Однако, несмотря на недавний всплеск в СМИ, криптовалюты по-прежнему малоизвестны широкой общественности.

Coincenter.com проводит ежемесячные исследования за последние восемь месяцев, отслеживая американские общественные настроения по отношению к биткоин. Поскольку биткоин является наиболее заметным из криптовалют, многое можно понять через биткоин об отношении к криптовалютам целом. Итоги опроса свидетельствуют о том, что среднестатистический человек до сих пор практически ничего не знает о существовании биткоин. Только 4,5% опрошенных когда-либо пользовались криптовалютой [6, с. 85]. Эта статистика в сочетании с результатами исследования отражает скептицизм в отношении полезности биткоин.

Замер общественного восприятия новой концепции взаиморасчетов и инвестиций, включающий определение уровня риска и потенциал роста, как правило, сложен, так как его формированию способствует множество факторов. Количественные признаки успеха или неудачи тем не менее играют свою роль в информировании общественного мнения. В индустрии криптовалют крупнейшими показателями успеха являются: рыночная капитализация, число пользователей криптовалюты и ежедневный объем транзакций.

Все три фактора придают легитимность системе, так как указывают на уровень общественного доверия. Эти показатели будут служить индикаторами степени признания криптовалют публикой, как один из факторов для оценки общественного восприятия.

Точное количество пользователей криптовалют невозможно посчитать, даже приблизительно, так как одной из ключевых характеристик индустрии криптовалют является степень анонимности, предоставляемой его пользователям. Несмотря на то, что история транзакций прозрачна, адресность по-прежнему трудно проследить. Возможно, наиболее точный способ оценить количество пользователей – это изучить количество созданных кошельков. По состоянию на май 2017 года количество созданных биткоин-кошельков превысило 3,3 млн [9]. Количество электронных кошельков увеличивается приблизительно на 5000 в день. Несмотря на то, что это дает некоторое представление о количестве пользователей, следует помнить, что один пользователь может создавать несколько кошельков или открыть кошелек, необязательно имея биткоин в нем. Сведения о пользователях альткоинов получить еще сложнее.

В то время как число пользователей неизвестно, есть точные цифры, касающиеся ежедневного объема транзакций. С рыночной капитализацией в \$3,3 млрд., объем операций с биткоином

ежемесячно за прошлый год держался в среднем на уровне 50 миллионов долларов США [8].

В течение шести лет с момента появления биткоин и альткоинов в общественной сфере, несколько крупных ритейлеров уже начали принимать криптовалюту в качестве оплаты. Крупные ритейлеры, которые принимают биткоин – Overstock.com и Занга [2]. Учитывая, что криптовалюта все еще находится в зачаточном состоянии, это может быть воспринято как позитивный тренд развития.

Но многие используют криптовалюту неохотно, если транзакции с ней растут по оценкам пользователей базы. В статье «Биткоин – это память» Уильям Лютер и Иосии Олсон отмечают: «Несколько ритейлеров принимают биткоин в качестве формы оплаты из-за небольшого числа пользователей, лишь чтобы не отпугнуть новый сегмент клиентов, и не рекомендуют потребителям использовать биткоин, пока значительное число ритейлеров не начнут принимать биткоин-платежи. Проще говоря, сетевые структуры выступают за статус-кво.... Биткоин может не обрести широкого признания, даже если он превосходит существующие средства платежа» [3].

Страх заставил многие компании, в том числе банки, до сих пор отвергать встраивание криптовалюты в свои системы. Несмотря на то, что биткоин был создан как анархическая альтернатива жесткой политике и нормативно-сдерживающего характера централизованных валютных схем, именно указанное по иронии судьбы является одним из главных факторов, вызывающих беспокойство у финансистов. Система работает на доказательствах, а не доверии, но преодолеть зависимость от последнего оказалось сложно. Другие проблемы включают в себя возможность мошенничества, высокую волатильность биткоина, расчетный риск, потенциал для уклонения от уплаты налогов, спекуляции по поводу безопасности и недавние случаи банкротства. Так в 2011 году на бирже цифровых валют Mt.Gox в результате взлома системы было мошеннически переведено большое число биткоинов на одно имя. Пострадали счета с эквивалентом валюты в более чем на 8 750 000 долларов. После инцидента с несанкционированным доступом к данным пользователей MtGox ввела USB-брелок Yubikey для двухуровневой системы аутентификации.[9]

Д. Асват, профессор финансов Нью-Йоркского университета, пишет: «Вероятен конфликт с видением некоторых революционеров Биткоина. Биткоин-экономике может понадобиться своя собственная банковская система, которая регулируется и, возможно, даже застрахована по централизованному принципу» [3]. Это, однако, не только оспаривает видение некоторых биткоин пионеров, но и противоречит великой начальной цели биткоина. Данный факт вновь вводит понятие «доверие» в систему криптовалют, которая изначально пытается противопоставить ему механизм криптографических доказательств.

Прецедент с мошенничеством MtGox-бирже вывел уязвимость биткоина, что не способствует общественному доверию к криптовалюте.

Эта брешь в безопасности приводит к огромным потерям для законных владельцев монеты, и представляет виртуальную валюту в невыгодном свете в качестве нестабильной и небезопасной в отличие от других, не как валюту повседневного использования. Большая часть этих проблем могли быть смягчены адекватным регулированием.

Инструкции и правила придают определенную степень безопасности и стандартизации на волатильном рынке. Имея правительственную поддержку, криптовалюты усилят свою привлекательность для среднего потребителя, выдвигаясь в авангард рынка, а не оставаясь разновидностью эклектики программистов.

Таким образом, индустрия криптовалют стремительно движется вперед. Она показала свою устойчивость, несмотря на прецедент крупной кражи в системе, сопротивление правительств. Индустрия криптовалют значительно расширила количество и разнообразие виртуальных монет в настоящее время в обращении. Отрасль также показала свою креативность в выполнении практических решений для устранения недостатков в разработке новых электронных монет. Биткоин не может доминировать в отрасли в долгосрочной перспективе, но индустрия обязана своим существованием пионерской анархической виртуальной монете.

Список источников

1. Адам Бэк. Частичная схема сбоя на основе хеша. <http://dealbook.nytimes.com/2018/01/21/why-bitcoin-matters/>
2. Билл Чапелл. Рынок криптовалют. <http://www.npr.org/blogs/thetwo-way/2013/11/27/247577278/man-laments-loss-of-thousands-of-bitcoins-as-value-hits-1-000>
3. Ларри Рен. Доказательства скорости ставки: построение социальной валюты цифрового века. 2014. <http://dealbook.nytimes.com/2018/01/21/why-bitcoin-matters/>
4. Орешкин А.Х. Криптовалюта с равным доверием. <http://www.peercoin.net/assets/paper/peercoin-paper.pdf>
5. Цурова Л.А. Анализ тенденций возникновения новых вызовов для риск-менеджмента банка. Экономика и предпринимательство. 2017. № 2-1 (79-1). С. 1043-1047.
6. Цурова Л.А. К вопросу о временной оценке денег: экономическая объективность или лукавство? Сборник: Вузовское образование и наука Материалы региональной научно-практической конференции. 2014. С. 84-86.
7. David Schwartz, Noah Youngs, and Arthur Britto, «The Ripple Protocol Consensus Algorithm», Ripple Labs Inc.
8. Pete Rizzo. CoinDesk. <http://www.coindesk.com/mt-gox-loses-340-million-bitcoin-rumoured-insolvent/>
9. Блокчейн-инфо. <https://blockchain.info/>
10. Капитализация криптовалютных рынков. <http://coinmarketcap.com/>

PEDAGOGICAL SCIENCES

MEDICAL CULTURE IN THE EDUCATION SYSTEM

Madazizova D.R.,

Senior Lecturer, Tashkent State Dental Institute

Khasanova B.Z.

Senior Lecturer, Tashkent Pharmaceutical Institute

Abstract

This article examines the relationship between the multifaceted activity of a person, the area of medical culture that its aimed at preserving human health as an integral state, manifested in the physical, mental and spiritual aspects.

Keywords: Medical culture, human interaction, activity, condition, education, efficiency, tolerance, factor, level, result.

In modern society, effective professional activity to protect health and provide medical care to the population becomes an elusive goal without an adequate understanding of the role of sociocultural factors that influence this activity.

This is a unique culture, medical culture, which is unique in its spiritual and moral basis and practical significance. Medical culture is a complex, multifaceted sociocultural phenomenon, reflecting the characteristics of people's lives, which at the level of society, social groups and individuals affect their health. This is a factor determining the attitude of people to their health, especially human interaction with various healthcare institutions, medical and pharmaceutical workers and, as a result, a certain level of personal and public health.

The term "medical culture" is now increasingly used in modern science and everyday life to describe the various phenomena, processes and qualities of the socio-cultural life of people. Medical culture, understood in the same broad sense, is the totality of everything created by the main species that affect the preservation of human life and health, including the products of the natural environment, modified during the purposeful activities of people. This includes the types and forms of organizing the life and activities of people, human-created spiritual and material values, biomedical and medical-social technologies that affect human health. Medical culture arose in the process of the purposeful activity of people to recognize and change such an aspect of human existence as the existence of a person in a state of illness, incl. the possibility of its occurrence after an illness, as well as the development of means to maintain human health and life. Medical culture, synthesizing scientific, philosophical and other types of knowledge, develops its medical and philosophical understanding of human life. The specificity of modern medical culture lies in the fact that it uses social practices and biomedical technologies used in its field, aimed at preserving human life and health.

Medical culture is a comprehensive systemic education of people of spiritual, material and social activities. It includes interconnected components, such as ethical and axiological, epistemological, aesthetic, religious, philosophical and anthropological, social, economic, legal, technological components.

The spiritual sphere of medical culture is formed primarily by moral values and standards of medical ethics, the history of medicine, containing facts and examples of not only the achievements of the human spirit in medicine, such as heroism and self-sacrifice, but also examples of cruelty. , aligning the value of human life, a utilitarian approach to man. The system of scientific and diverse extra-scientific knowledge, being an integral part of the spiritual sphere of medical culture, has become the source of many ethical, philosophical and cultural problems.

One of the main distinguishing features of modern medical culture is the transformation of moral values. This process is due to the freedom of development of scientific and humanitarian knowledge in society. Components of the ethical basis of medical culture, such as "life is good", "death is evil", are considered in accordance with the concepts of quality of life, euthanasia and others.

The information environment of modern society is one of the most significant factors determining the development of medical culture in all its aspects and forms.

At the heart of medical and cultural events is the general human need to preserve life and health. Therefore, it is completely legal to consider all people who create the potential for knowledge about methods and means of maintaining health, diagnosis and treatment of various diseases, a subject of medical culture.

The subject of medical culture is a person who creates his products - medical and medico-social technologies, knowledge, material resources for carrying out medical activities and new human biosocial qualities. A person who treats diseases and alleviates the suffering of sick people, restores people's health and prevents the occurrence of diseases in the future. This concept is wider than the "doctor", because almost every person who has a positive effect on people's health acts as a doctor and uses special methods and techniques, including unscientific ones. The healer, doctor, doctor - these are the historical types of "personality of the doctor" that are present in the modern medical culture of society.

Distinctive features of modern professional medical culture are the computerization and informatization

of medical workers. Modern information technologies with the simultaneous use of audio and video information channels in combination with objective data of laboratory diagnostic studies of the patient's condition allow providing medical care without direct contact with the patient. The disadvantage of this type of interaction with the patient is the effect of "virtual communication".

No less urgent is the problem of the volume of individual professional knowledge of medical workers, which, with insufficient attention to it, leads to professional incompetence, errors, patient dissatisfaction with medical care and turning the situation from "medicine is powerless" to the "professional powerlessness of the doctor."

In an individual professional medical culture, to a certain extent, there is a system of medical knowledge, professional ethical ideas about the main moral categories and their life experience about the need and features of their application in real life. In modern society, the information flow does not allow a person to focus on the achievements of modern medicine and the possibility of healthcare without the help of popular culture.

"In the new information space, only what is claimed and standardized is massively demanded, unified products of mass culture, which are consumers ... - this is a mass that feels like everything, and not only is not suppressed, but it is satisfied in distinguishability ...

The influence of the information flow through the print media, television and electronic means of storage and transmission of information becomes the main factor in the formation of modern mass culture.

In its epistemological aspect, medical culture contains not only true scientific and medical knowledge, but also non-national knowledge, various sociocultural myths and stereotypes. Scientific and medical knowledge is simplified, schematized and acquired in a form accessible to the general public, which is not a member of the professional medical community.

References

1. Baghdasaryan N.G. Culturology: a textbook for universities. - M.: Higher education, 2007. - page. 272-273
2. Zhdanov Yu.A. Problems of the theory and history of culture / Zhdanov Yu.A., Davidovich V.E. The essence of culture. Ed. 2nd, rev. / Ans. ed. SOUTH. Volkov. - Rostov n / a: Nauka-press, 2005. - page. 61.
3. Zharova M.N. Physician: healer - healer - doctor // Almanac of modern science and education. Tambov: Literacy, 2010. No. 1 (32): in the 2nd part of Part 2. - page 39 - 43.
4. Latypov I.A. Information society. / Social Philosophy: Dictionary / Comp. and ed. V.E. Kemerov, T.Kh. Kerimov. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Academic Project; Ekaterinburg: Business Book, 2006. - page.186.

PERSONNEL POTENTIAL FOR REAL DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

Pereskokova T.,

Candidate of Pedagogical Sciences

Starooskolsky branch of the Russian State Geological Prospecting University

Soloviev V.

Candidate of Technical Sciences

Starooskolsky branch of NUST "MISiS"

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РЕАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Перескокова Т.,

Кандидат педагогических наук

Старооскольский филиал Российского геологоразведочного университета

Соловьев В.

Кандидат технических наук

Старооскольский филиал НИТУ «МИСиС»

Abstract

The problem of the correspondence of the personnel potential prepared in vocational education organizations to the needs of the modern economy entering the fourth industrial era is considered. During the training period, it is necessary to form in students not only professional abilities, but also such traits that will define them as developed personalities. It can be recognized that the goal of educational activity is the formation of professional consciousness of graduates, focused on the quality of their future activities.

Аннотация

Рассматривается проблема соответствия кадрового потенциала, подготовленного в организациях профессионального образования, потребностям современной экономики, вступающей в четвертую индустриальную эпоху. В период обучения необходимо сформировать у обучаемых не только профессиональные способности, но и такие черты, которые будут определять их как развитые личности. Можно признать, что целью образовательной деятельности является формирование профессионального сознания выпускников, ориентированное на качество их будущей деятельности.

Keywords: human resources, economics, vocational education, personality traits, learning objectives, educational paradigm.

Ключевые слова: кадровый потенциал, экономика, профессиональное образование, черты личности, цели обучения, парадигма образования.

Современный период развития мирового сообщества определяется как переход от индустриального этапа к информационному. Основой развития такого «постиндустриального» общества становится знание и его воспроизводство, а ключевым элементом его развития – технологии генерирования знаний.

В таком обществе именно знания становятся источником производительности, инноваций и конкурентных преимуществ [1].

Для всех развитых стран основным двигателем развития стало качество производимой продукции, уровень которой определяется сегодня не столько физическим, сколько интеллектуальным (человеческим) капиталом.

Вот почему признается, что развитие современной экономики определяется кадровым потенциалом, подготовленным в системе профессионального образования.

Другой важный фактор, требующий изменений в системе подготовки специалистов в вузе, – непрерывно меняющийся характер деятельности инженера. Неизбежно будет сокращаться численность инженеров эксплуатационников и возрастать численность инженеров исследователей и конструкторов, тех, кто создает новое, а не воспроизводит известное [2].

Мировая экономика уже ощущает веяния четвертой индустриальной революции. Она приведет к тому, что число работников в сфере материального производства будет уменьшаться и большая часть их будет связана с интеллектуальным трудом (разработки, исследования, проектирование). Как отметил Аренс В.Ж.: «Наука сближается с производством, она вносит в его структуру и содержание глубокие изменения, что превратило ее в производительную силу общества» [3].

Значит, экономика должна насыщаться кадрами новой формации, способными соответствовать вызовам времени. Это становится целью для системы получения образования, которая в XXI веке призвана не просто дать знания учащимся, а обеспечить их творческое развитие соответствующее современной жизни.

Получение профессионального образования – это не только обучение, но и весьма специфический процесс становления личности, в результатах которого заинтересованы многие, в первую очередь сами обучаемые. Такое понимание сферы образования будет способствовать большему вниманию к проблеме воспитания студентов вузов. Наш соотечественник Н.А. Некрасов провозглашал: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Ещё древние греки знали, что «не будет кораблю попутного ветра, если шкипер не знает конечного пункта плавания».

Для системы получения профессионального образования «конечный пункт» – это требования к

будущему специалисту. В настоящее время такими требованиями являются компетентности выпускников, сформулированные в федеральном государственном образовательном стандарте и образовательной программе каждого направления подготовки или специальности. Это и есть «присущие характеристики» продукции организаций профессионального образования. Они будут у выпускников разные (по уровню, широте, глубине, способностям), но они не должны быть ниже установленного уровня для будущего профессионала, члена нашего общества, нравственного, целеустремлённого, ответственного.

После завершения обучения выпускники организаций профессионального образования будут выступать как субъекты отношений и сознательной деятельности. Значит, в период обучения необходимо сформировать у обучаемых не только профессиональные способности, но и такие черты, которые будут определять их как развитые личности. На наш взгляд, рассмотрение подготовки будущего специалиста только с позиций формирования профессиональных компетентностей в отрыве от личностных качеств приводит к обеднению самого понятия «высшее образование», как это подмечено в работе В.С. Грызлова [4].

Российский психолог Л.С. Выготский (1896 – 1934) так сформулировал связь обучения с развитием человека: «Обучение может идти не только вслед за развитием, но и впереди развития, продвигая его дальше и вызывая в нем новообразование».

Конкретные профессиональные компетенции осваиваются значительно быстрее, чем формируется творческая личность. Основатели гуманистической психологии считали, что личность является открытой и саморазвивающейся системой (Г. Оллпорт, А. Маслоу) [5]. В своей знаменитой пирамиде потребностей человека А. Маслоу на самом верху расположил потребность в постоянном совершенствовании. В книге «Мотивация и личность» А. Маслоу сформулировал тезис: «Человек должен быть тем, чем он может быть».

Итак, основные черты личности: осознанные внутренние стремления и мотивы с одной стороны и приобретение опыта при общении с другими людьми с другой стороны. Именно эти положения легли в основу концепции личностно – деятельностного обучения, разработанного отечественными учеными И.А Зимней, И.С. Якиманской, В.В. Сериковым. Согласно этой концепции, обучение направляется на развитие личности обучаемого, а не только на приобретение знаний конкретного предмета [6].

Личность определяется не только своим характером, но и тем, что и как она знает, что и как ценит, что и как созидает. А главное – какова ее мера ответственности за свои поступки, решения, судьбу.

Это как раз то, что ожидают работодатели, особенно наукоемких инновационных отраслей экономики.

По мнению И.А.Зимней, профессионал – это человек, который в совершенстве владеет действиями, предусмотренными профессиональной деятельностью. Компетентный специалист, являясь профессионалом в своём деле, демонстрирует мотивированное владение сложными связями явлений и процессов, проявление межличностных компетенций, креативности и когнитивных способностей [7]. Таким образом, профессионализм – это всего лишь один из компонентов социально – профессиональной компетентности работника.

После принятия идеологии Болонской декларации в России (2003 год), как и в Европе в целом, в основу организации и осуществления образовательного процесса положен компетентностный подход.

Конечно, компетентностный подход не стал для отечественной педагогики чем –то необычным. В нашем высшем образовании в основу учебного процесса были положены ЗУНы (знания, умения, навыки). Но компетентностный подход ориентирует не только на знания и умения, но еще и на значимые личностные качества. Надо признать, что это продвижение в системе получения образования особенно высшего.

В действующих образовательных стандартах результаты освоения образовательных программ представлены как компетенции, хотя в процессе разработки макета стандарта (2005 год) были предложения о введении двух понятий: «компетенция»

и «компетентность», которые широко используются в нашей стране. Мы хотели бы обратить внимание на некоторые отличия этих двух понятий и представить нашу позицию по этому вопросу.

На Зальцбургском семинаре «Высшее образование на базе результатов обучения - Шотландский опыт» (февраль 2008 года) отмечалось: «отсутствие ясности и единого понимания в отношении некоторых ключевых терминов, связанных с введением результатов обучения, может препятствовать их эффективной реализации».

Вслед за И.А. Зимней мы рассматриваем **компетентность** как характеристику выраженной способности применять знания, умения и навыки и проявлять социально-личностные свойства, которая является фактической оценкой работодателем (потребителем) качества выпускника по его пригодности к результативной работе. Компетентности можно отнести к обобщенным характеристикам личности.

В целом же цель высшего образования заключается в формировании социально – профессиональной компетентности выпускников, как это сформулировала И.А.Зимняя (рис. 1).

Личностные свойства и способности обучаемых И.А.Зимняя определила как основания для формирования компетентностей.

В новом национальном стандарте системы менеджмента качества ГОСТ Р ИСО 9000-2015, соответствующем международному стандарту ISO 9000: 2015, также дано определение компетентности: «способность применять знания и навыки для достижения намеченных результатов». Практически полное соответствие!

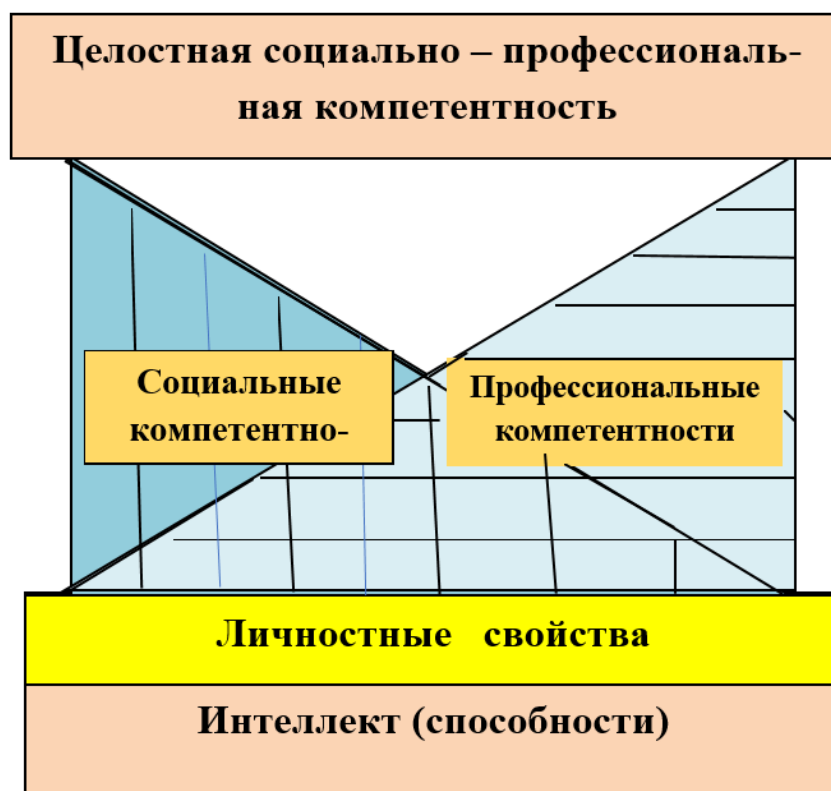

Рис.1. Модель социально – профессиональной компетентности (по И.А. Зимней)

Компетенции же - это способность к конкретному действию, т. е. практические умения, имеющие отношения к предметной области, формирующиеся при изучении каждой дисциплины, на практике, в процессе общения, научной работы. Компетенции характеризуют частные умения личности в отличие от компетентности. В общем виде соотношение компетенций и компетентности выглядит как общее (компетентность) и единичные (компетенции) (рис.2).

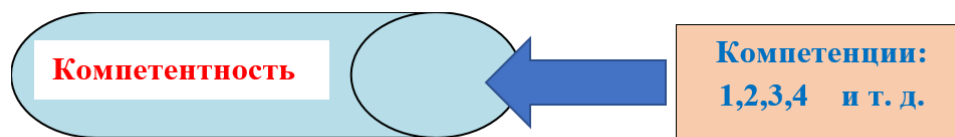

Рис.2. Формирование обобщенной компетентности на основе компетенций

Для гарантии качества подготовки выпускников и соответствия международным требованиям разработанную образовательной организацией компетентностную модель, необходимо предоставить на согласование и рецензирование работодателям, которые сопоставят ее с должностными обязанностями работников соответствующих квалификационных уровней или с профессиональным стандартом.

Как показал многолетний опыт, подготовка специалистов в организациях высшего образования будет результативной, если все учебные дисциплины взаимосвязаны по содержанию. Они должны

быть так выстроены в учебном плане, чтобы обеспечить не столько накопление знаний обучаемыми, сколько непрерывное повышение уровня готовности решения ими разнообразных проблем на основе синтеза знаний. Именно это достигается при проектировании учебного плана на основе анализа межпредметных связей, разработанного в Московском институте стали и сплавов [8].

После разработки программ всех учебных дисциплин важно провести оценку предлагаемой образовательной программы (ООП) на ее соответствие конечным результатам обучения. Для этого целесообразно построить "дерево" формирования каждой компетентности (рис.3).

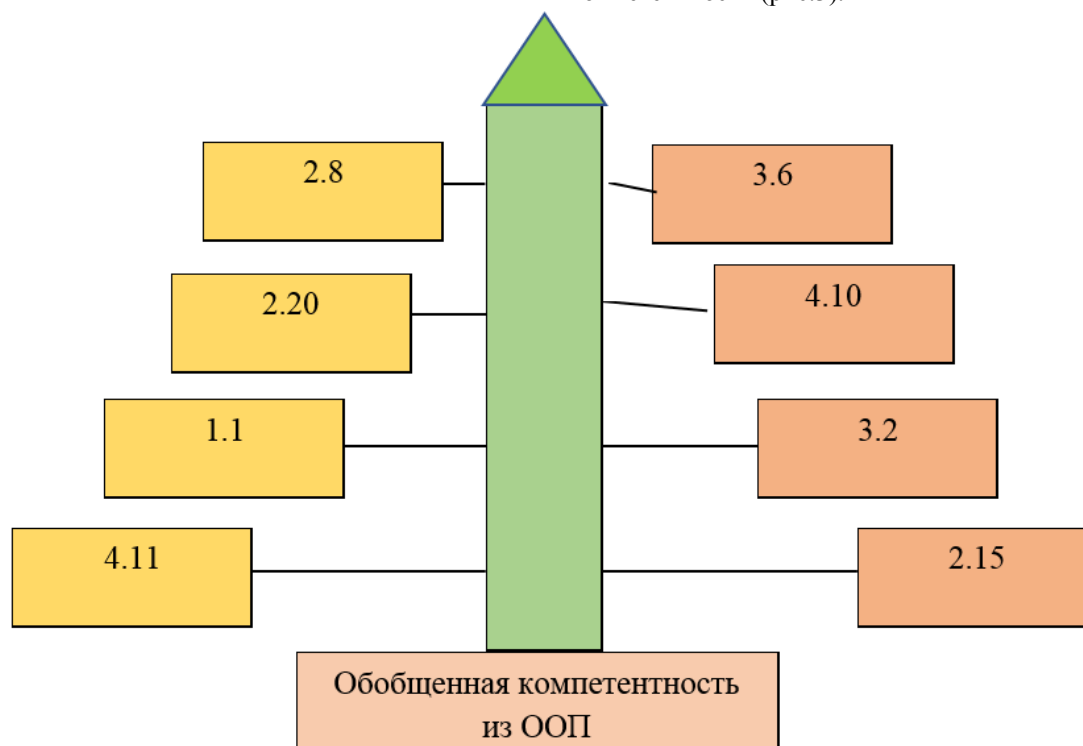

Рис. 3. «Дерево» формирования компетентности
(цифры обозначают номер дисциплины и номер компетенции)

Каждый листочек на рис. 3 – компетенции в разных курсах учебных дисциплин, связанные, так или иначе, с обобщенной компетентностью. Цифрами в «листочках» обозначены дисциплины образовательной программы в соответствии с учебным планом и номер компетенции из рабочей программы этой дисциплины. Понятно, что, чем больше «листочков» на дереве, тем выше вероятность формирования данной компетентности. А если компетенций мало? Два варианта: может быть, эта компетентность вообще не нужна или допущены ошибки в формировании учебных дисциплин и определении их содержания.

Данный анализ позволяет определить, насколько полно будут сформированы у выпускников те или иные компетентности, и при необходимости провести коррекцию содержания отдельных дисциплин или даже ввести новые.

В любой образовательной программе учебные дисциплины различаются не только содержанием, но и требуемым уровнем овладения. Целесообразно их рассматривать как цели обучения. Б.Блум выделил шесть уровней целей обучения: знание, понимание, применение, анализ, синтез и оценка.

Для описания результатов образования в соответствии с уровнями целей в рабочей программе рекомендуется использовать активные глаголы:

знание - воспроизводить, рассказывать, формулировать и пр.; **понимание** – классифицировать, распознавать и пр.;

применение – демонстрировать, решать и пр.;

анализ – вычислять, оценивать и пр.;

синтез – сопоставлять, планировать и пр.;

оценка – обсуждать, высказывать суждение и пр.

Российский ученый В.И. Тесленко представил уровни изучения учебных дисциплин в развернутом виде:

1. Информационный, требующий от учащегося узнавания известной информации.

2. Репродуктивный, основными операциями которого являются воспроизведение информации и преобразования алгоритмического характера.

3. Базовый, требующий от учащегося понимания существенных сторон учебной информации, владения общими принципами поиска алгоритма.

4. Повышенный уровень, требующий от учащегося преобразовывать алгоритмы к условиям, отличающимся от стандартных, умение вести эвристический поиск.

5. Творческий, предполагающий наличие самостоятельного критического оценивания учебной информации, умение решать нестандартные задания, владение элементами исследовательской деятельности.

Цель учебной дисциплины в виде уровня ее освоения предполагает соответствующие технологии обучения и контроля знаний и умений обучаемых. В соответствии с этим будет различаться трудоемкость изучения дисциплин.

Обращаем внимание на то, что базовым уровнем считается уровень «**применения**». Это должно стать основой образовательного процесса.

Для установления связи результатов образования с будущей профессиональной деятельностью целесообразно составить для каждой ключевой компетентности ее паспорт. В таблице 1 показан пример паспорта обобщенной компетентности «Управлять технологическим процессом», важным элементом которого являются признаки проявления данной компетентности в профессиональной деятельности. Сопоставление формируемых конкретных компетенций с признаками проявления обобщенной компетентности позволяет определить направленность обучения по каждой дисциплине, выполнения проектов, научно –исследовательской работы (НИР), проведения практики.

Таблица 1

Паспорт компетентности			
Компетентность	Проявления компетентности	Элементы образовательного процесса	Процедуры формирования
Управлять технологическим процессом	1. Понимает сущность технологического процесса 2. Выявляет несоответствия 3. Определяет управляющие воздействия 4. Осуществляет коррекцию процесса 5. Оценивает реакцию объекта на внешние воздействия 6. Понимает последствия принятых решений 7. Обучает персонал	1. Дисциплины (приводится перечень) 2. Практика 3. НИР	Лекции Практические занятия Лабораторные работы Практика Тренинги Инженерные игры Интеллектуальные игры

При этом учебный курс рассматривается как единая система. Цель изучения конкретного предмета – сформировать целостную систему активных знаний и выработать умение использовать знания для решения практических профессиональных задач.

Обычно у студентов серьезные трудности возникают при изучении фундаментальных дисциплин. Именно здесь вуз несет наибольшие потери в смысле профессионального самоопределения будущего специалиста, поскольку студент не видит прямых связей между фундаментальной наукой и практической деятельностью. Поэтому важно «сквозное» программное изучение фундаментальных дисциплин с проведением связей от них к другим дисциплинам и профессиональной деятельности. Это целесообразно осуществить при анализе матриц межпредметных связей содержания учебных дисциплин, как это показано в работе [8].

При этом принципиально важно обеспечить достаточную активность и управляемость познавательной деятельностью студентов.

Самое главное условие возникновения мыслительной активности заключается в том, чтобы задачи, предлагаемые студентам, были в личностном плане значимы для них.

Студент должен осваивать специальность по «восходящей ступени», моделируя в учебной деятельности процесс познания: от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т.д. Вовлеченность в специальность порождает потребность в углублении знаний, в том числе и по общенаучным дисциплинам. Содержание задач в спецкурсах может быть различным. Чаще всего – это задачи расчетного характера. Но для подготовки студента к реальной практической деятельности этого недостаточно. Необходимо постепенно вырабатывать у студентов инженерное

мышление, для которого важны не только теоретические сведения, но и деятельность с материальными объектами, чертежами, схемами.

Психологи подчеркивают особую важность оперативного характера инженерного мышления (умения в ограниченное время решать производственные или научные задачи).

Поэтому формирование инженерного мышления требует включения в содержание практических занятий и оперативного аспекта в виде «аварийных» и «технических» игр.

И еще один аспект – развитие творческого мышления. В этом случае на практических занятиях решаются не типовые задачи, а творческие, для которых неизвестны заранее ни конечная цель, ни пути ее достижения.

Развивающий характер обучения наиболее эффективен при специальной направленности взаимодействия преподавателей и обучаемых на всестороннее развитие личности. Наибольший результат развития личности достигается при использовании интерактивного обучения, т. е. такого обучения, при котором осуществляется обмен действиями студентов с преподавателем и самих студентов друг с другом.

В инженерных и профилирующих дисциплинах необходимо «погружать» обучаемых в реальные ситуации с назначением на реальные должности. Особенно наглядно проявляются личностные качества обучаемых при «погружении» в реальную аварийную ситуацию.

Подготовкой к интерактивному обучению является использование методики проблемного обучения.

Разрешение проблемной ситуации может осуществляться по схеме, представленной на рис.4. Причем, эту методику сначала использует преподаватель, а затем обучаемые.

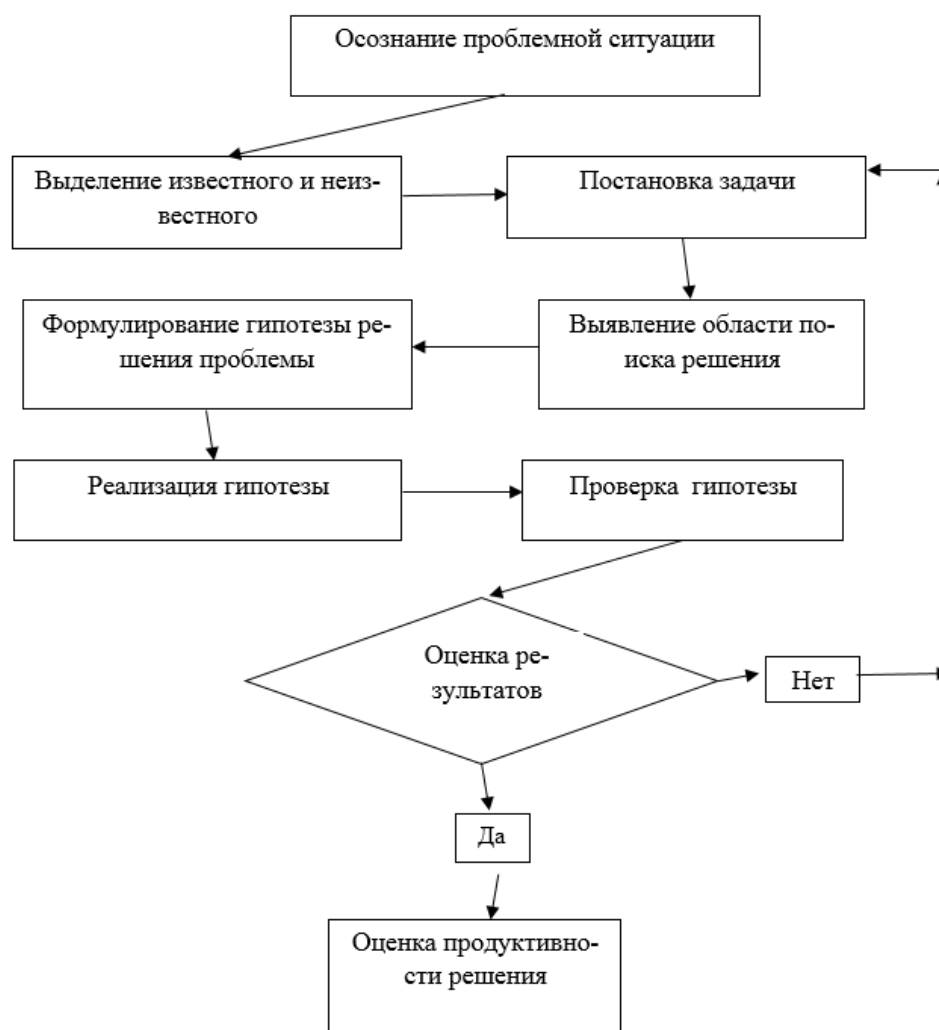

Рис.4. Алгоритм разрешения проблемной ситуации

На каждом этапе решения конкретной проблемы должны предлагаться разные варианты. Выбор оптимального варианта должен быть связан с принятием ответственности за будущие результаты. Обучаемых необходимо учить, в том числе, и риск – ориентированному мышлению. Это предполагает не только выбрать вариант решения, но и обосновать возможные риски, меры их предупреждения и ликвидации последствий.

Но важно помнить, что активизация студентов требует определенных стимулов, которыми являются жизненность решаемой проблемы и осознание ее реальности.

Необходимо ввести в учебные планы дисциплину «Введение в специальность» и провести процесс обучения компактно в течение первого месяца, чтобы как можно быстрее «погрузить» обучаемых в идеологию специальности.

И конечно нужно самое серьезное внимание обратить на практику студентов. Её должно быть много, она должна быть разнообразной. Но осуществить это можно только с заинтересованным участием работодателей, которые должны стать реальными партнерами системы получения профессионального образования.

В нашей стране, как и в других европейских странах, произошла смена парадигмы получения образования: от образования на всю жизнь к образованию через всю жизнь. Это тоже отвечает современным вызовам времени. Как отметили Адлер Ю.П. и Шпер В.Л.: «В наступающем на нас новом технологическом укладе каждому предстоит переучиваться не раз и не два за время своей сознательной жизни» [9]. Но это нужно понять и этому нужно научиться еще на школьной и студенческой скамье.

В настоящее время многие из молодых людей получают второе высшее образование. Принятой парадигме образования соответствует новая структура самой системы получения образования. На рис. 5 представлены возможные траектории получения высшего образования в России.

Стремление к переучиванию связано еще и с тем, что при выборе первоначальной специальности молодые люди и их родители часто допускают ошибки.

Нами проводилась оценка соответствия личности типу профессии с использованием опросника Кабардиной Л.Н. [2]. В опросе принимали участие студенты региональных вузов. Полученные результаты показали, что только 50 - 60% студентов в каж-

дой группе (информатика и управление, инженерия, экономика и менеджмент) ориентированы на базовые типы профессий (наиболее высокий показатель в группе информатика и управление). Более 25% студентов, из числа участвующих в исследовании, не проявили склонности ни к одной из профессий.

Разочаровавшись в профессии, молодые люди стремятся исправить допущенные ошибки путем получения второго высшего образования. Возможностей для этого, как следует из схемы рис.5, много. Чаще всего молодые люди второе образование предпочитают получать уже по заочной системе.

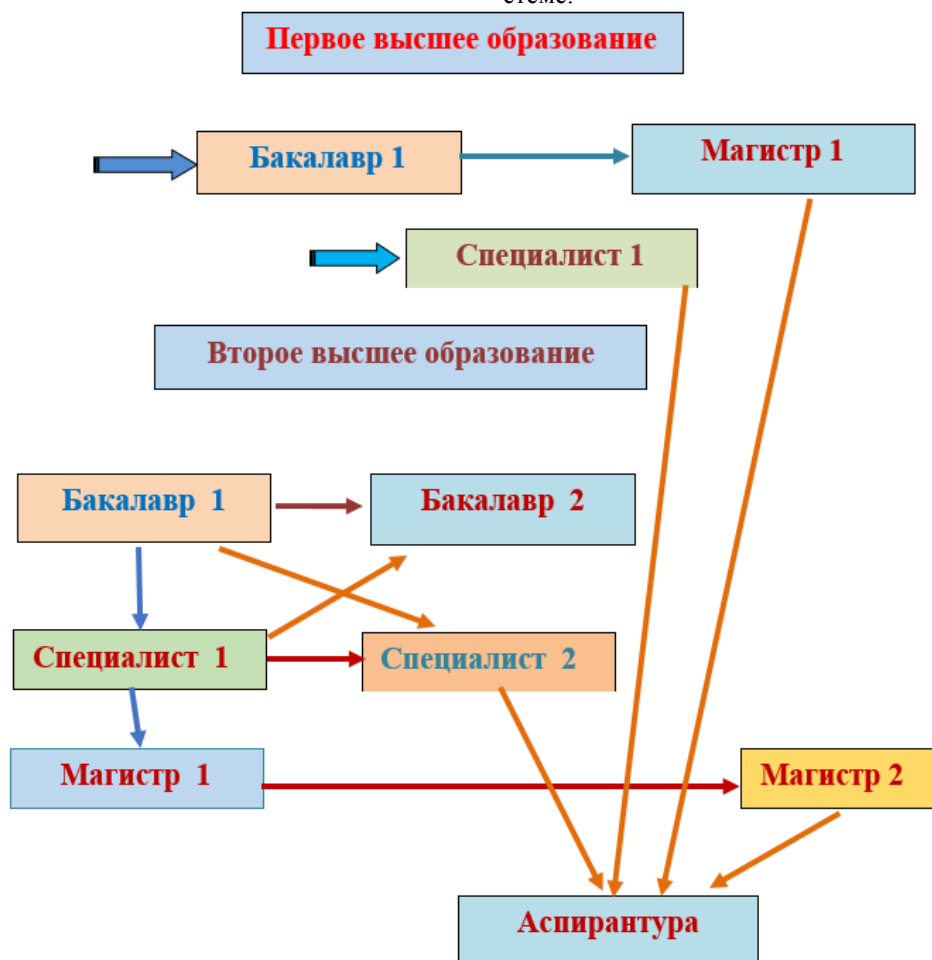

Рис.5. Траектории получения высшего образования в России

Личность существует, проявляется и формируется в деятельности и общении. Студент должен готовиться к противоречию между растущими требованиями общества и наличным уровнем его собственного развития. Сглаживать возникающее противоречие можно только повышением уровня собственного развития.

Интеграция личности в трудовом коллективе и обществе связана с адаптацией к различным социальным ситуациям. Именно в период обучения студенты должны приобрести черты и свойства личности необходимые для выполнения своей социальной роли в процессе трудовой деятельности.

Итак, можно признать, что целью образовательной деятельности является формирование профессионального сознания выпускников, ориентированное на качество их будущей деятельности.

В качестве характеристик профессионального сознания принято считать:

- общий образовательный уровень,
- структура знаний,
- культура и методология мышления,
- степень специальной подготовки,

- владение подходами к решению профессиональных задач,
- способность и потребность самообразования,
- адаптивные и инновационные возможности деятельности,

- мировоззрение и социальные позиции.

Такие выпускники организаций профессионального образования составят кадровый потенциал экономики. Это соответствует подходам принятым в Европе как стандарты Европейской сети гарантии качества в высшем образовании (ENQA - European Network of Quality Assurance in Higher Education):

- политика и стратегия постоянного улучшения,
- совершенствование образовательных программ во взаимодействии с работодателями,
- совершенствование процедуры оценки студентов,
- повышение компетентности и квалификации преподавательского состава,
- достаточность и доступность ресурсов,
- результативность информационных систем,

- информирование общественности.

На наш взгляд, для обеспечения устойчивого инновационного развития экономики необходимо следующее:

- определить приоритетные направления экономического развития и научные школы университетов способные обеспечить воспитание требуемых специалистов (именно воспитание, а не просто обучение);

- выделять целевые средства на научную и образовательную деятельность именно этих школ, не распыляя их в целом на университеты;

- увеличить сроки обучения по приоритетным направлениям (возможно даже для отдельных университетов), повысить уровень требований к выпускникам таких направлений;

- ввести государственную гарантию трудоустройства выпускников таких направлений и их материального обеспечения после окончания обучения;

- оценку организаций высшего образования проводить независимыми экспертами по уровню подготовки обучаемых и квалификации преподавателей;

- осуществить проверку качества подготовки студентов технических направлений по заочной форме обучения и при недостаточном уровне подготовки приравнивать ее к повышению квалификации.

Получение образования – это область человеческой деятельности, обреченная на перманентное состояние кризиса. Такое состояние определено самой природой развития человечества, обусловленное соответствующим уровнем науки и производительных сил. Образование граждан непосредственно «служит» прогрессу, а его получение само трансформируется под воздействием потребностей общества [10].

Это происходит и на наших глазах. В результате научных открытий «родилась» Всемирная сеть, которая кардинально изменила жизнь людей нашей планеты. И это не могло не сказаться на системе получения образования. Можно сказать, что это привело к серьезному кризису в системе получения образования. Преодолением этого кризиса занимаются во всем мире.

Итак, цель преобразований в системе высшего образования – качество подготовленных выпускников. Это может быть достигнуто только в продуманном современном образовательном процессе, в котором будут гармонизированы высокий профессионализм преподавателей (кто учит) и целеустремленность, настойчивость студентов к приобретению знаний, умений, формированию характера (кто учится).

Признано, что образование должно развиваться с «опережением» для обеспечения запросов экономики. А сама система профессионального образования должна озаботиться подготовкой рынка труда к восприятию выпускников новой формации.

Это связано с рядом современных общественных процессов, проходящих в мире. К ним в первую очередь необходимо отнести:

- существенные изменения технологических процессов и, как следствие, изменение профессий и специальностей;

- возрастание роли горизонтальной мобильности работников в течение трудовой жизни;

- децентрализация экономической ответственности и ответственности за качество продукции (услуг);

- изменение стилей жизни на всех уровнях: социальном, организационном, индивидуальном;

- усиление фактора динамизма и неопределенности;

- усиление роли «личностного развития» («умения на всю жизнь»).

В последние годы в связи с развитием информационных технологий в образовательных учреждениях руководители университетов стали всё чаще напоминать, что обучение «глаза в глаза» стоит 30 тыс. долларов в семестр, а дистанционное – 2 тыс. Это подчёркивает основополагающую роль преподавателя в формировании личности будущих выпускников. Не случайно, ведущие университеты «гонятся» за преподавателями, к которым пойдут учиться, которые пользуются успехом у молодежи. Такие преподаватели понимают, что, как это следует из народной мудрости, не мыслям нужно учить, а мышлению. Воздействие преподавателей на студентов необходимо для формирования профессионального сознания специалистов, которых ожидает современное общество.

Список источников

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ- ВШЭ. 2000. 449с.
2. Набойченко С.С. Идентификация профессионального образования как процесса воспроизводства интеллектуального капитала. Инженерное образование, 2005. № 3. С. 6 – 13.
3. Арнс В.Ж. Творчество в науке. М.: МГГУ, 2007. 335с.
4. Грызлов В.С. Некоторые задачи актуализации ФГОС ВО технического направления. Sciences of Europe. 2016, №11 том 1. С.42 – 48.
5. Немов Р.С. Психология. М.: Юрайт. 2010. 639 с.
6. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М. Логос, 2000. 383с.
7. Зимняя И.А. Общая культура и социально – профессиональная компетентность человека. Высшее образование сегодня. 2005. №11. С.14-20.
8. Перескокова Т.А., Соловьев В.П. Педагогические аспекты повышения качества образования. ТНТ. 2018. 199с.
9. Адлер Ю.П., Шпер В.Л. Образование в XXI в.: проблемы, перспективы, решения. «Качество и жизнь». 2015. №4.
10. Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире. Системный анализ. М.: Прогресс. 1970. 261с.

PHILOLOGICAL SCIENCES

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH LEXICAL UNIT ВОЗДУХ/AIR IN RUSSIAN AND ENGLISH

Feruza F.T.

Senior Teacher,

"Languages and literature" department

Art Criticism Faculty

National institute of Fine Arts and design named after K.Behzod

Tashkent, Uzbekistan

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЕЙ ВОЗДУХ/AIR В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Феруза Ф.Т.

Старший преподаватель,

Кафедра "Языки и литература"

Факультет Искусствоведение

Национальный институт художеств и дизайна имени К.Бехзода

Ташкент, Узбекистан

Abstract

The perception and interpretation of the realia surrounding us is different among the representatives of different nations of the world. It manifests itself very clearly in phraseological units of the language as idioms accumulate the knowledge of the people and reflect culture, history, wisdom, beliefs, customs and traditions of the certain ethnic group. Comparative syntactic and grammatical analysis of phraseological units with the word воздух/air in the Russian and English languages represented in the article can reveal some aspects of the national mindset, linguistic and cultural peculiarities of the two nationalities.

Аннотация

Восприятие и интерпретация окружающих нас реалий у представителей разных народов мира различны. Оно очень четко проявляется в фразеологических единицах языка, поскольку идиомы накапливают знания народа и отражают культуру, историю, мудрость, верования, обычаи и традиции определенной этнической группы. Сравнительный синтаксический и грамматический анализ фразеологических единиц со словом воздух/воздух/воздух в представленном в статье русском, английском и французском языках позволяет выявить некоторые аспекты национального мышления, лингвистические и культурные особенности двух национальностей.

Keywords: phraseological linguistic means, national mindset, language consciousness, linguistic and cultural community, cultural identity, phraseological interpretation of the world, imagery base.

Ключевые слова: фразеологические лингвистические методы, национальное мышление, языковое мышление, языковая и культурная среда, культурная идентичность, фразеологическая интерпретация мира, изобразительная основа.

По мнению Э.В. Урисона, языковые системы предлагают изначально иное представление об окружающей действительности: "Мы знаем, что каждый язык делит мир по-своему, то есть имеет свой особый способ его концептуализации. В основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий организует содержание того, что он говорит в соответствии с этой моделью" [11, с. 3].

Язык является частью культуры говорящего на нем народа - он сохраняет эту культуру и передает ее другим поколениям. С.Г.Тер-Минасова называет язык зеркалом окружающего мира "...он [язык] отражает реальность и создает свою собственную картину мира, специфическую и уникальную для каждого языка и, следовательно, для народа, этнической группы, речевой общности, используя данный язык как средство общения" [10, С. 38].

Фразеологические формы языка являются одной из категорий, в которых проявляется национальный самосознание. Идиомы, с содержащимися в них образами, символами и стереотипами народного сознания охватывают большую часть человеческого опыта и несут в себе лингвокультурный код нации. Они отражают многовековую историю, религиозные убеждения, мудрость народа, его нравственные ценности, составляющие основные составляющие национальной культуры. В.Н.Телия считает, что фразеологические единицы "...ассоциируются с культурными и национальными нормами, стереотипами, мифами и т.д. и при использовании в речи отражают менталитет, характерный для той или иной лингвокультурной общности" [9, с. 64].

С.Г.Тер-Минасова приписывает огромную роль фразеологическим единицам в процессе формирования языка и культуры: "Идиоматический слой языка, т.е. в слое, который, по определению, является специфическим для каждого конкретного народа, хранит ценности, общественную нравственность, отношение к миру, к людям и другим нациям. Идиомы, пословицы и поговорки иллюстрируют образ жизни, а также географическое положение нации, историю и традиции сообщества, объединенного одной культурой" [10, с. 80].

В.А.Маслова утверждает, что идиомы играют важную роль в определении национальных и культурных особенностей. Они являются душой каждого национального языка, выражают дух языка и самобытность народа. Фразеологические единицы не просто описывают окружающий нас мир - они призваны интерпретировать его, оценивать, выражать наше субъективное отношение к нему [4, с. 82]. Идиомы участвуют в формировании мировоззрения человека и общества.

Сематическая структура фразеологических единиц в первую очередь зависит от внеязыковых факторов, а фразеологические единицы наиболее полно и четко отражают различные сферы жизни и условия жизни конкретного народа, его коллективное сознание, многовековой опыт народа, сохраненный в форме словесных высказываний.

Одно и то же явление реальности, окружающее человека, может получить как абсолютно идентичное, так и совершенно различное толкование фразеологической системы на определенном языке "...идиомы, кажется, навязывают говорящему особое видение мира и ситуации" [4, с. 82]. Например, в русском и английском языках быстрые и решительные действия, когда необходимо без колебаний начать с самого главного, описываются одними и теми же идиомами, они являются полными семантическими, структурными и грамматическими эквивалентами: брать быка за рога - брать быка за рога. Известно, что бык - упрямое и опасное животное, если хочешь, чтобы он повиновался, нужно быть храбрым и решительным. Образ быка в этих фразеологических единицах ассоциируется с неотложным делом, задачей, которая должна быть выполнена без промедления. Это такие идиомы, как: когда рак свистнет (буквально: когда раки свистят) - когда свиньи летают (буквально: все тридцать шесть дней месяца) объединены значением "неизвестен, когда, в неопределенном будущем, никогда", но выбор образов отличается. Эти примеры показывают, что национальная и культурная самобытность фразеологического фонда проявляется в сравнении двух и более языков.

Рассмотрим проявление культурной идентичности на примере фразеологических единиц с компонентом воздух/воздух на русском и английском языках.

Область настоящего исследования ограничивается понятием воздуха как "среды обитания человека" и "смеси газов, составляющих атмосферу Земли", поскольку эти определения воздуха присутствуют во всех трех анализируемых языках и

формируют внутренний образ анализируемых фразеологических единиц. Значения "внешнего вида", "внешнего", "ария", "мотив" отражены только на английском языке и поэтому не будут являться предметом анализа [6, Р. 79; 13, Р. 34; 17, Р. 32].

Как известно, такие природные элементы, как вода, земля, огонь и воздух, занимают важное место в жизни людей. Воздух является основным источником жизни, он необходим для всех живых организмов на нашей планете.

Воздух всегда считался символическим для людей. Этот природный элемент ассоциируется со свободой, как физической, так и духовной, для которой нет преград, так как воздух не имеет границ. Он также ассоциируется с легкостью мысли, тонкостью и непредсказуемостью [7, Р. 33; 15, Р. 96-97]. В мифологии воздух является одним из фундаментальных элементов Вселенной и описывается как дыхание, дуновение ветра, он связан с принципом жизни (библ.: Святой Дух). Воздух дает жизнь, но этот природный элемент также может ее забрать. Воздух является домом для таких божественных посланников, как ангелы, а также для демонов, представляющих зло. Все эти понятия связаны с понятием "воздух" и находят свое отражение в языке.

После сравнительного анализа фразеологических единиц с компонентом воздух/воздух на двух языках выяснилось, что в основе ряда образных идиом лежит одна из важнейших функций воздуха - обеспечение жизни всех живых существ на Земле.

Жизнь человека зависит от дыхания, от свежего, чистого воздуха, насыщенного кислородом. Это универсальные знания о воздухе, которые находят свое отражение в следующих фразеологизмах: *рус.*: на свежем воздухе (на свежем воздухе), на воздухе (снаружи), как воздух (как будто это воздух) (о чем-то сущностном, жизненном); *англ.*: подышать воздухом, брать воздух; В этом смысле интересна следующая английская идиома с точки зрения национальной специфики, пришедшей на воздух - передохните, отдохните, оправьтесь, это заимствование у австралийского англичанина. Этот фразеологизм представляет собой образное переосмысление свободной комбинации, пришедшей в эфир, которая была семантически обновлена, изменив свое специфическое значение. Предположительно, это выражение заимствовано из речи искателей жемчуга [1, с. 35].

Известно, что раньше дайверы жемчуга не имели специального оборудования для подводного дыхания, поэтому, чтобы дышать воздухом, им нужно было подниматься на поверхность.

Понятие жизни связано не только с обеспечением человека воздухом как источником кислорода. Наличие пищевых и денежных ресурсов является жизненно важным условием существования человека, их отсутствие отрицательно сказывается на качестве и уровне жизни. Таким образом, фразеологические единицы в русском языке, связанные с воздухом, связаны с понятием бедности и голода: питаться воздухом/святым духом (есть воздух, Святой Дух). Примеры показывают, что в фразеоло-

гизме русского и английского языков воздух является главным символом жизни, поскольку он представляет собой кислород;

С точки зрения физики воздух - это смесь газов, составляющих атмосферу Земли (с голландского "газ" восходит к древнегреческому "χᾶος"). В древности эта тонкая форма была чем-то средним между материей и духом. Натуралист Ян Баптиста ван Гельмонт, давший название этой группе соединений, считал, что газ - это нечто неопределенное, неупорядоченное, хаотичное, связанное с духами, и нечто невидимое, но его все равно можно было почувствовать. Эти свойства воздуха как газообразного вещества также отражены в фразеологических единицах изучаемых языков.

В сознании представителей двух культур воздух является символом неопределенной ситуации, незавершенности чего-то: русского: висеть в воздухе (повисеть в воздухе); английского: быть в воздухе - быть в неустойчивом положении, держать smb. в воздухе - держать кого-то в состоянии неизвестности, неопределенности, ожидания, уходить в воздух smb./smth. - оставить в недоумении, озадаченным, оставить ум. неразрешенным, незавершенным;

Примечательно, что образ случайности фразеологизмов в русском языке выражается через боевой глагол: носиться в воздухе (летать в воздухе - об идеях, планах, событиях), в английском - через бездействующий глагол: быть в воздухе, в этом выборе глаголов, скорее всего, ассоциируется с менталитетом людей, восприятием окружающей действительности.

Воздух представлен как безграничное пространство, где можно легко заблудиться, исчезнуть, исчезнуть, убежать - это отражено в фразеологических единицах английского языка: Английский: исчезнуть в воздухе, взять воздух - исчезнуть бесследно, раствориться в воздухе, убежать; В русскоязычном сознании эти стереотипы передаются другими фразеологическими единицами, например: как в воде канул (как будто утонул в воде), как сквозь землю провалился (исчез бесследно), дать стрекача (повернуть хвост), наострить лыжи (взобраться на пятки).

Несущественность вещей, планов, разговоров и угроз в английской фразеологической системе также отражается в идиомах с составной частью воздуха. Например, в английском языке образная база идиом рыба/пах в воздухе - "сделать что-то неважное", "тщетно попробовать" - это невозможность поймать рыбу и вспахать в воздухе. Фразеологическая единица горячий воздух - мусор, чепуха, мусор основывается на физическом свойстве воздуха - после нагревания его масса уменьшается, становится легче - пустые слова, как и горячий воздух, не имеют никакого веса. В русской фразеологии вода является символом неуместности: толочь воду в ступе (протекторная вода), носить воду в решете (нести воду в сите), переливать из пустого в порожнее (выливать из сита).

Для человеческого восприятия воздух - это воплощение безмятежности, тишины, спокойствия и

чистоты. Нарушение этого состояния отражается в фразеологических единицах с негативным оттенком. Нарушение тишины, спокойствия, порядка: Английский язык: переводить воздух - нарушать тишину, видеть воздух, выражать отрицательные эмоции: Английский: поднимись в воздух. В фразеологизме сделать воздух синим слово синий является носителем культурной информации. В индоевропейском протоязыке синий цвет символизировал зло [3, с. 67].

В русском языке нет фразеологизмов, которые бы называли подобные действия и содержали компонентный воздух. Такая идентичность в представлении окружающей действительности в фразеологизме английского языка, в отличие от русского, может быть объяснена давней исторической, культурной и лингвистической связью англичан.

Анализ грамматической структуры рассматриваемых фразеологизмов показал, что словесные фразеологические единицы доминируют во всех языках (42 РУ): **рус.:** питаться воздухом, висеть в воздухе, носиться в воздухе; **анг.:** подниматься в воздух, брать воздух, быть в воздухе, держать кого-л. в воздухе, выходить в воздухе кого-л./см., исчезать в разреженном воздухе, брать воздух, рыба/плуг в воздухе, делать воздух, видеть воздух, быть в воздухе, делать воздух голубым;

Кроме того, существует небольшое количество субстантивных и адъективных фразеологических единиц: существенная (10 РУ): **рус.:** на свежем воздухе, на воздухе, как воздух; **анг.:** горячий воздух;

Проведенный сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом воздух/air в русском и английском языках показал, что они составляют значительный пласт словарного запаса с точки зрения лингвокультурного аспекта, отражая при этом национальную идентичность двух народов.

Список литературы

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин; Лит. ред. М.Д. Литвинова. - 4-е издание перераб. и доп. - М.: Русский язык, 1984.
2. О выражении значения деятеля именных неопределенно-личных предложений в соотносительных синтаксических конструкциях английского языка // Диалог языков и культур в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции в 2-х томах. Т. 1. - М.: МГОУ, 2007. - с. 199-205.
3. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка / М. М. Маковский // - М.: Изд. дом «Диалог», 1999. - 416 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова // - М.: Академия, 2007. - 208 с.
5. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова и др.; под ред. В. Г. Гака. - М.: Рус. яз. - Медиа, 2005. - XX, 1625, [3] с.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1987. – С. 79.
7. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / авт.-сост. В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын; под общ. ред. В. Л. Телицына. – 2-е изд. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – с. 33.
8. Телия В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия // – М., 1996. – 284 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия // – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация /С. Г. Тер-Минасова// – М.: Слово, 2000. – 624 с.
11. Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – №2. – С. 3-21.
12. Французско-русский словарь / Сост. К. А. Ганшина. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 34.
13. Французско-русский фразеологический словарь / Сост. В. Г. Гак, И. А. Кумина, И. П. Лалаев [и др.]; Под ред. Я. И. Рецкера. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 1111 с.
14. Хайруллина Д. Д. Фразеологические единицы с компонентом «вода» в английском, русском и татарском языках / Д. Д. Хайруллина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – С. 172.
15. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / авт.-сост. В. Андреева и др. – М.: МИФ: АСТ, 2001. – С. 96-97.
16. Bírová J. About theoretical definitions of pluralistic and Pluricultural approaches / J. Bírová // XLinguae. – Roč. 6, č. 2 (2013). – S. 91-103.
17. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Limited, 2003. – P. 32.

INTERCULTURAL AND CROSS-BORDER COMMUNICATIVE INTERFERENCE ON GAME OF THRONES

Gulieva D.O.

Senior Lecturer, department of Intelligent Computer Systems, National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute»

МІЖКУЛЬТУРНА ТА МІЖМОВНА КОМУНІКАТИВНА ІНТЕФЕРЕНЦІЯ НА МАТЕРІАЛІ «GAME OF THRONES»

Гулієва Д.О.

старший викладач кафедри інтелектуальних комп'ютерних систем Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут»

Abstract

This article analyzes the phenomenon of communicative interference, that is, certain features of speech or behavior that stand out from those that are familiar to the society in which the conversation takes place. This phenomenon needs special attention, as a full-fledged dialogue with a representative of another culture must be understood to the rules he adheres to in order to avoid conflict points. Such an approach will make it possible to convey and receive information (which is one of the main goals of communication and language in general) faster and without losing important details that may be lost due to certain socio-cultural characteristics of the dialogue actors.

Анотація

У даній статті проаналізовано явище комунікативної інтерференції, тобто певних особливостей мовлення або поведінки, які виділяються із тих, які є звичними для соціуму, де відбувається розмова. Це явище потребує особливої уваги, оскільки для повноцінного діалогу із представником іншої культури слід розуміти, норми яких він дотримується, аби уникати конфліктних точок. Подібний підхід надасть змогу доносити та отримувати інформацію (що і є однією з головних цілей спілкування та мови взагалі) швидше та не втрачаючи важливих деталей, які можуть бути втрачені через певні соціально-культурні особливості акторів діалогу.

Keywords: communicative interference, cultural interference, communication, linguistic behavior.

Ключові слова: комунікативна інтерференція, культурна інтерференція, комунікація, мовна поведінка.

Мета статті полягає у виявленні та описі комунікативної інтерференції, яка може спостерігатись під час спілкування представників різних соціальних або культурних груп на прикладі героїв серіалу «Гра престолів»

Актуальність даної роботи зумовлена необхідністю розуміння всіх аспектів мови, аби розмова нею була комфортна та найбільш продуктивна, що неможливо, якщо людина не розуміє особливостей мовної поведінки під час комунікативного акту.

Об'єктом дослідження в даній статті є комунікативні акти між представниками різних соціальних та культурних груп, під час яких ми можемо помітити явище комунікативної інтерференції.

Предметом дослідження є засоби втілення комунікативної інтерференції та наслідки, які викликає це явище під час розмови.

Матеріалом роботи виступають комунікативні акти між представниками різних соціально-культурних груп з англійського серіалу «Гра престолів».

Сьогодні вже немає необхідності переконувати фахівців в тому, що ефективна комунікація в іншомовному середовищі вимагає значно більшого, ніж прості знання в області мови. Все більш глибоко і детально ми розуміємо ті тонкі області спілкування, де для того аби дійсно відчувати себе комфортно в іншомовному середовищі потрібно розуміти особливості цього соціуму як на культурному, так й на лінгвістичному рівні.[4] Однією з проблем яка може постати перед людиною під час спілкування з носіями іншої мови є комунікативна інтерференція.[2]

Комунікативна інтерференція – це мовна поведінка, що відповідає одним умовам спілкування, але помилково та неадекватно застосовується індивідом в інших умовах спілкування.[1] Яскравим прикладом інтерференції може слугувати поведінка недостатньо вихованої людини в пристойному суспільстві, тобто коли люди переносять звички спілкування у звичному для них колі в спілкування іншого роду та іншого рівня. Людина плутає комунікативні сфери, що виділяє її мову серед інших співбесідників. Таким чином, людина не може повноцінно стати частиною даного суспільства, оскільки занадто сильно виділяється з нього та відштовхує суспільство від себе на психологічному та соціальному рівнях.[3]

Якщо мова йде про явище комунікативної лінгвістики в рамках вивчення іноземної мови, то слід зауважити, що це може бути однією з тих самих «якорів», які не дозволяють людині почувати себе комфортно в іншомовному суспільстві, бо відсутність розуміння певних стилістичних особливостей притаманних різним соціальним групам в іншій мові дійсно виділяє особу серед тих, для кого дана мова була рідною.[5]

Отже, вивчення даного аспекту лінгвістики є досить важливим на сьогоднішній день та потребує дослідження в рамках живої англійської мови, яку ми можемо зустріти в повсякденному житті.[6] Яскравим прикладом такого джерела для роботи в цій статті було обрано американський серіал в жанрі фентезі «Гра престолів».

Причина вибору саме цього багатосерійного фільму є той факт, що не дивлячись на певні сюжетні обмеження (події серіалу відбуваються у вигаданому фентезійному світі), майже всі головні герої розмовляють британською мовою, яка до того ж збагачена надскладними конструкціями, які притаманні інтелігенції в нашому сьогоднішньому. У рамках серіалу це, скоріше за все, зроблено, щоб з точки

зору постанови підкреслити аристократичне походження та високий соціальний рівень певних осіб у цьому вигаданому світі. До того ж, іноді в фільмі можна зустріти представників не тільки різних соціальних слоїв, а й взагалі інших культур, та як наслідок, взаємодії цих культур. Для дослідження це буде вдалим прикладом, того як саме інтерференція може впливати на людські відношення та характеризувати осіб, які потрапляють в подібні ситуації під час спілкування.[7]

Першим прикладом явища комунікативної інтерференції є наступний діалог:

Season 1 Episode 1 «Winter is coming»

Khal Drogo: Jadi, zhey Jorah andahli!

Jorah Mormont: Khal vezhven. A small gift, for the new khaleesi. Songs and histories from the Seven Kingdoms.

Dayneris: Thank you, ser. Are you from my country?

Jorah Mormont: Ser Jorah Mormont of Bear Island. I served your father for many years. Gods be good, I hope to always serve the rightful king.

Даний комунікативний акт відбувається під час дотракійського (народ нецивілізованих «варварів» у світі «Гри Престолів») весілля між Дейнеріс Таргарієн та Кхалом Дрого. Зазначений діалог дуже сильно відрізняється від подій, які відбуваються під час цієї події, де відбуваються бійки, їжа лежить майже на голій землі, а чоловіки займаються сексом із жінками прямо перед усіма іншими присутніми. У подібних відносинах навіть чоловік, який є представником одного з найдавніших та найповажніших родів у всьому світі веде себе не відповідно до свого статусу: (виражається некультурними словами, сидить на землі тощо). Але один з гостей, а саме Джорах Мормон, вирішує подарувати декілька книг Дейнеріс у якості весільного подарунка. Під час свого звернення він робить декілька жестів, які виділяються з усіх інших подій, після чого між ними відбувається діалог, де звучать поважні слова («thank you»), звернення та підкреслення статусу (ser, king), що притаманне представникам інших культур, бо цей народ не має ніяких особливих статусів, таких як «сер» або «король». Інтерференція у цій розмові виділяє цих осіб настільки сильно, що майже всі, хто чув їх були здивовані такою поведінкою. Наприклад, за реакцією брата Дейнеріс ми можемо зрозуміти, що він не очікував зустріти тут людину з подібними манерами, а Кхал Дрого взагалі віднісся до іноземця з підозрою, що ми бачимо у його прискіпливому спостереженні за Джорахом протягом всього діалогу.

Схожа ситуація відбувається під час іншого прикладу:

Season 3 episode 1 «Valar Dohaeris»

Tormund: What's your name, boy?

John Snow: Jon Snow. (після затяжної паузи вирішує, що від нього чогось чекають, дивиться по сторонах) Your Grace (невпевнено, встає на коліно)

Tormund: Your Grace? (насміхаючись) Did you hear that? From now on, you'd better kneel every time I fart. (звертається до інших у кімнаті)

KingbeyondtheWall: Stand, boy. We don't kneel for anyone beyond the Wall.

Цей комунікативний акт відбувся між сином одного з найвпливовіших лордів, який є відомий своєю вихованістю та звичкою дотримуватись норм честі, Джоном Сноу, та представниками племені «одичалих», людей, які живуть далеко на Півночі та ніколи не були членами феодальних відносин. Для них не існує васалів та феодалів або інших прикладів субординації взагалі. Саме тому під час своєї першої зустрічі разом з представником іншої культури Джон Сноу вирішує запобігти до звичних йому паттернів поведінки, але серед «одичалих» така поведінка (вставання на коліно під час звернення до особи, яка є старшою по статусу) та такі слова ("grace", що виділяє статус у людини) викликають сміх у всіх присутніх. Вони вважають такі дії дивними та, певною мірою, неправильними, що підкреслюється останню фразою про те, що «тут» так не роблять, нагадуючи, що людина не є частиною цієї культури та цього соціуму. Аналізуючи цей приклад, можна побачити, як саме комунікативна інтерференція заважає людині спілкуватися із іншими. Певні дії або слова, які вживаються не в тому соціумі та не в тій ситуації демонструють відособленість людини від даної культури. Це в свою чергу загрожує ризиками пов'язаними із наступним розвитком відносин між суб'єктами комунікативного процесу, бо відсутній один з головних його аспектів – єдина система кодування та декодування інформації між співрозмовниками.[8]

Останній приклад комунікативної інтерференції відбувається у наступному діалозі між Дейнеріс, яка звикла бути не тільки на рівному статусі з чоловіками, а навіть керувати ними, та групою розбійників, які вкрали її та вирішують, що робити із цією «здобиччю»:

Season 6 episode 4 «The book of stranger»

1'st man: I'd like to know what a khaleesi tastes like.

2'nd man: The Wise Masters of Yunkai want her. They're offering ten thousand horses in exchange. What is more: one pink little girl or ten thousand horses?

1'st man: I'll take their horses for myself!

Dayneris: Don't you want to know what I think? (усі здивовано дивляться на дівчину та починають посміхатися)

1'st man: You'd rather be sold into slavery? Or maybe you'd like to show Rhalko here what you taste like? (Інтоніційно дає зрозуміти абсурдність цього запитання)

Цей приклад демонструє інтерференцію, яка проявляє себе на соціальному рівні. Ці чоловіки не звикли вважати жінок за тих, хто має право голосу та тих, хто виражає якісь думки, навіть якщо мова йде про їхню власну долю. Саме тому, коли Дейнеріс, яка займає у своєму соціумі дуже високий статус, починає розповідати про свої права та власну думку, вони спершу дуже дивуються самим фактом того, що дівчина заговорила без питання, що вважається неприпустимим у їхньому розумінні. Коли ж вони все ж таки зрозуміли, що відбувається, вони

почали посміхатись, ніби знухаючись з жінки, а потім почали задавати питання, які підкреслювали статус «жінки-річ» у їхніх очах, оскільки ці питання мали під собою варіанти продовження подій, де вона була б або продана в рабство, або зґвалтована цими розбійниками. Фактично, ця розмова ілюструє явище комунікативної інтерференції, яке виникає не тільки в наслідок різних культурних або мовних середовищ, в результаті чого люди можуть декілька відмінно сприймати певні речі. У даному контексті, ми бачимо, як дівчина, яка робить та говорить під час спілкування речі, які не вважаються нормальними в цьому конкретному середовищі, викликає великий спектр реакцій: від незрозуміння до неприємливих жартів. Також ми бачимо на даному прикладі головну проблему інтерференції для будь-якої людини, яка починає спілкування в суспільстві, яке є чужорідним для тебе та твого світогляду, особливо якщо ця різниця обумовлена різними мовами чи культурами взагалі.[10]

Отже, проаналізувавши певні діалоги та сцени з даного добутку, ми можемо зробити наступні висновки, щодо явища інтерференції взагалі. Інтерференція – це одна з головних проблем, яка може постати перед людиною, яка спілкується з новими для себе людьми.[9] Якщо ці люди є представниками іншої мови, то слід розуміти певні особливості вживання слів, оскільки певні відтінки у значенні можуть вплинути на сприйняття вашої мови. Особливо слід бути пильним, якщо під час свого спілкування ви маєте діалог з представниками іншої культури, де панують свої порядки, свої звички та свої норми поведінки. Якщо не приділити цим речам достатньої уваги та не намагатися максимально уникати комунікативної інтерференції (у будь-якому її прояві) людина може потрапити в певному сенсі складне положення, де соціум буде відноситися до нього з певним скепсисом, що звісно буде обмежувати не тільки діяльність, а й навіть спілкування взагалі. Приклади, які були представлені в даній роботі дуже чітко демонструють чітку тенденцію, що суспільство не ігнорує порушення якихось власних канонів поведінки та завжди помічає відмінності у мові людей. Вони схильні відштовхувати таких людей, насміхатись над їхніми помилками тощо. Такі проблеми стають одним з додаткових бар'єрів між людьми. Це є особливо важливим для людей, які вивчають англійську мову, оскільки міжнародний статус сильно змінив її, бо велика кількість людей, різних культур та різних паттернів поведінки розмовляють нею. У таких умовах знання тільки слів та граматичних правил стає недостатнім, оскільки мова, як основний засіб спілкування, стає дуже модифікованим та змінюється під впливом особливостей соціуму.[11] Людям потрібно більше детально вивчати потенційних співбесідників та розуміти, які помилки можна допустити та намагатися уникати явища комунікативної інтерференції в своєму житті.

Список використаної літератури

1. Азимов Е. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения мо-
вам) / Е. Г. Азимов, А. Н. Щукин. - М.: ИКАР, 2009. - 448 с.
2. Вайнрайх У. Мовні контакти. Стан і про-
блеми дослідження / У. Вайнрайх. - Благовес-
щенськ, 2000. - 264 с.
3. Гумбольдт В. фон. Мова і філософія куль-
тури / Вільгельм фон Гумбольдт. - М.: Прогрес,
1985. - 452 с.
4. Інтерференція // Психологія спілкування:
Енциклопедичний словник / За заг. ред. А. А. Бо-
далева. - М.: Изд-во "Когито-Центр", 2011. - [Ел.
ресурс] <http://vocabulary.ru/dictionary/1095> (дата
Звернення 29.06.2014).
5. Полуяхтова С. В. Феномен інтерференції в
іншомовній професійній міжкультурній комуніка-
ції / С. В. Полуяхтова. // 2012. - С. 108-110.
6. Тімачев П. В. лінгвокультурного інтерфе-
ренція як комунікативна перешкода (на матеріалі
англійської мови) 2005. - 17 с.
7. Утехіна А. Н. Міжкультурна дидактика:
монографія / А. Н. Утехіна; під. ред. Т. І. Зеліні-
ної. - М.: ФЛІНТА, 2012. - 280 с.
8. Федорова Н. П. Подолання лінгвокульту-
рної інтерференції в процесі навчання іноземної
мови студентів немовних вузів (на матеріалі ан-
глійської мови) / 2010. - 20 с.
9. Мовознавство. Великий енциклопедичний
словник / Гол. ред. В. Н. Ярцева. - 2-е вид. 1998. -
685 с; ил. Коваль Т.Л.
10. Вайнрайх У. Мовні контакти: стан і про-
блеми дослідження. - Київ: Вища школа, 1979. -
263 с.
11. Виноградов В. Лінгвістичні аспекти нав-
чання мови. - М., 1976. - Вип. 2, с. 28-56.

**GENERATION OF CONJUNCTION WORD OF THE SYNTHETIC TYPE, THAT COMBINES PARTS
OF HYPOTAXIS OF TEMPORAL SEMANTICS IN THE ERGATIVE LANGUAGE**

Tarieva L.U.
Doctor of philology
Ingush State University

**ГЕНЕРАЦИЯ СОЮЗНОГО СЛОВА СИНТЕТИЧЕСКОГО ТИПА, ОБЪЕДИНЯЮЩЕГО ЧАСТИ
ГИПОТАКСИСА ЭРГАТИВНОГО ЯЗЫКА**

Тариева Л.У.
Доктор филол. наук
Ингушский государственный университет

Abstract

Adverbial dependent sentences with the semantics of time in the ergative language are attached to the main sentence by means of conjunction words, structure of which is motivated by autonomous lexemes, that are extracted into a synthetic world. The subject of the interpretation in this article is the derivative conjunction word «massaza» «every time», that is presented as means of cohesion between the main and subordinate parts of the complex construction of the nakh language. Individual full-valued words of the Ingush language turned historically and formed a synthetic word, that in the process of development passed into the area of conjunctions, having undergone a process of desamentization. The words, that have undergone these kind of transformations represent an evidence base, that confirms relation of wordforms of the studied type to the original plast of the researched language.

Аннотация

Обстоятельственные зависимые предложения с семантикой времени в эргативном языке присоединяются к главному посредством союзных слов, структура которых мотивирована автономными лексемами, экстрагированными в синтетически оформленное слово. Предметом интерпретации в данной статье является производное союзное слово *массаза* 'каждый раз когда', выступающее как средство когезии между главной и придаточной частями сложной конструкции нахского языка. Отдельные полнозначные слова ингушского языка исторически свернулись и образовали синтетическое слово, которое в процессе развития языка перешло в область союзов, претерпев процесс трансформации семантики. Слова, претерпевшие подобного рода преобразования, представляют собой доказательную базу, подтверждающую отнесенность словоформ, исследуемого типа, к исконному пласту исследуемого языка.

Keywords: conjunction word, adjunction, synthetics, morphemic seam, preposition, postposition.

Ключевые слова: союзное слово, примыкание, синтетичность, морфемный шов, препозиция.

Введение.

Возникновение союзных слов в генетически неродственных языках (например, в эргативном и номинативном) разнится с точки зрения их значения и функции в составе сложноподчиненной конструкции. В эргативном ингушском языке интерес представляет своеобразие возникновения различных союзных средств, заключающееся в их непосредственной связи с элементами синтетического строя языка. **Актуальность** исследуемого в статье союзного средства обусловлена неразрешенностью проблемы дифференциации зависимой конструкции в составе сложного предложения от развернутого члена предложения эргативных языков. Одним из снований их неразличения считается отсутствие научно обоснованной и четко определенной группы союзов (союзных слов), участвующих в разграничении частей сложноподчиненных предложений в эргативных языках.

Нахский ингушский язык относится к языкам, в которых наблюдаются и элементы языка изолирующего строя, в котором ведущим принципом соединения языковых единиц является примыкание, как вид синтаксической связи.

Элементы синтетического строя, в определенной степени проявляющиеся на различных уровнях структуры ингушского языка, следует отграничивать от аффиксоидного словообразования, широко представленного в ингушском языке [9].

Слова с мотивированной основой, транспонирующиеся в область такой служебной части речи, как союз, часто состоят из двух частей (например *алате* 'как только'), одна из которых, финальная, экстрагируется в аффиксоид [7, с. 155, 189], или представляют собой такое сочетание слов, которое синхронно неоднозначно членится на значимые отрезки, квалифицируемые нами как элементы изолирующего строя языка.

Для нахского языка характерны сложные слова (в нашем случае – производное союзное слово *массаза* 'всякий раз когда'), состав которого демонстрирует комбинацию неизменяемых односложных слов, диахронически объединившихся в составе производной лексемы.

В статье поставлена **цель** – исследовать способ возникновения одного из союзных средств в составе сложноподчиненного предложения нахского ингушского языка с придаточным обстоятельственным временем. Важной **задачей**, требующей разрешения, наряду с проблемой становления союзного слова, представляется и анализ позиции связующего средства в составе сложной конструкции.

Научная новизна проблемы состоит в интерпретации компонентов, входящих в состав композитного (или синтетического) слова, в связи с определением позиции мотивированного союза, выступающего средством связи между частями ингушского гипотаксиса, отличного от сложноподчиненных конструкций номинативных языков.

Исследование отношений между частями сложного предложения, наряду с анализом структуры союзных средств, используемых в организации сложноподчиненного предложения нахского

языка, отмечается в работах ингушесведов, изданных в разные годы (Ф.Г. Оздоева (1975), И.А. Оздоев (1981), Н.Ф. Яковлев (2001), З.К. Мальсагов (2011), Х.Р. Хайрова (2007), А.З. Гандабоева (2018), Л.У. Тариева (2013, 2017, 2019)).

Методика.

Основным методом представления языкового материала является сравнительно-сопоставительный, затрагивающий различное состояние языковой единицы (союзного слова), в зависимости от его эволюции в процессе исторического развития, применяется также описательный метод и метод компонентного анализа.

Основная часть.

Союзные слова, участвующие в оформлении сложноподчиненного предложения с придаточным временем в ингушском языке, обладают неоднозначной мотивацией. Одним из таких составных союзов и является производный союз *массаза* со значением 'всякий раз когда, каждый раз когда':

1. *Унахочун оаз (NOM) массаза хоз, сихха длатлаводар лор (NOM) цунна* 'Всякий раз, когда слышался голос больного, врач быстро подходил к нему'.

2. *Сох бер (NOM) хьа массаза кхет, да хоатт цо (ERG) сога* 'Каждый раз, когда ребенок встречается со мной, он спрашивает у меня про отца'.

Союзное слово *массаза* не вошло в список союзов, представленных в грамматике, составленной З.К. Мальсаговым [4]. В работах Ф.Г. Оздоевой, посвященных анализу союзов ингушского языка, дифференцированных на простые и составные, оно также отсутствует [1, с. 209-214; 6, с. 466-475].

В разговорной речи возможен (в результате действия закона экономии языковых средств) усеченный вариант (*мā*) от производного союза *массаза*:

3. *Сох бер (NOM) хьа мā кхетт, да хоатт цо (ERG) сога* 'Когда ребенок встречается со мной, он спрашивает у меня про отца'.

Упрощенный вариант (*мā*) от союза *массаза* омонимичен союзу *ма* 'как' (*аз ма алара* 'как я сказал'), частице *ма* с усилительным значением, а также частице *ма* с грамматическим значением запрета (инг. *ма зло* 'не ходи').

Происхождение сложного слова *массаза* в ингушском языке связано со структурой элементов изолирующего строя, а позиция данного союза в составе высказывания указывает на синтетические, или композитные отношения. Исторически союз *массаза* сложился из нескольких компонентов:

1) *масса* 'сколько';

2) *аз* 'я';

3) *а* 'в пространстве' (сравните с инг. поговоркой: *е цлагла вац, е а вац* 'ни в доме, ни в пространстве').

Первая часть местоимения *масса* диахронически также распадается на две части: *мас* 'сколь' и *са* 'мое', объединение которых произошло по способу элементарного примыкания друг к другу неизменяемых слов без каких-либо морфонематических изменений (*масс+са=масса*). Композитное слово

масса 'сколько' со значением «меры и степени» диахронически примкнуло в одному из компонентов парадигмы лица (лицу Произносящему vs. лицу Говорящему), в ингушском нахском языке представленному личным местоимением первого лица ед. числа в эргативной форме имени *аз* 'я' (*масса+аз=масса́з*).

Местоименные слова, количественное (*мас-са* 'сколько') и личное (*аз* 'я'), а также наречие с локативной семантикой (*а* 'в пространстве') диахронически, в результате регулярного последовательного употребления в отрезке речи со стандартным фиксированным порядком слов объединились по способу примыкания и по смыслу. Объединение двух лексем является обычным соположением двух автономных слов: вопросительного и посессивного местоимений (*мас* 'сколь и *са* 'мое'), давших производное композитное слово (*масса* 'сколько') с семантикой «мера и степень». Примыкание композита (*масса*) к личному местоимению первого лица единственного числа в эргативной форме имени *аз* 'я' вызывает фонематический ассимилятивный процесс, связанный с категорией краткость / долгота гласного звука (*мас+с[а+а]з*).

Слияние двух одинаковых гласных звуков второго и третьего контактных слов (*мас-с[а]* и *[а]з*) обусловлено в ингушском языке, прежде всего, фонетической позицией двух соположенных лексем (*мас-с[а+а]з+а* дало *масса́з*). Два не сильно разнящихся по краткости / долготе *[а]*: финальный, сильно краткий звук *[ъ]* в ауслауте сегмента *са* 'мое' (*мас-с[ъ]* 'сколько') и анлаутный звук *[а]* местоимения первого лица ед. числа в эргативной форме имени *[а]з* 'я', т.е. среднедолгий *[ā]*, наложились один на другой и в результате прогрессивной, контактной, полной ассимиляции двух схожих по ряду и подъему, но различающихся по краткости / долготе гласных звуков, образовали композит [*мас-сāз*] с сильно кратким *[ъ]* во втором слоге. Последняя четвертая часть образовавшегося синтетического сегмента речи (*массāз+а*, т.е. *а* 'в пространстве') сместила местоимение *аз* 'я' в инлаутную позицию, заняв ауслаутную в структуре новообразования. Наречие *а* 'протстранство', 'в пространстве', состоящее из долгого гласного *[ā]*, оказавшись в слабой позиции абсолютного конца слова (*масса́з*), претерпело изменения по признаку краткость/долгота: из длительного звука *[ā]* в изолированном произношении (например: *е ā вац е цлагла вац* 'ни в пространстве, ни в доме' – о нерадивом человеке) в условиях синтетического фрагмента речи (или композита), т.е. в абсолютном конце слова *масса́з* звук *[ā]* (нареч. *а* 'в пространстве') редуцировался в краткий звук [*масса́зъ*], претерпев количественное изменение в слабой для него позиции.

В словаре современного ингушского языка лексема *масса́з* 'всегда' является неизменяемым словом – наречием, лексическое значение которого естественно соотносится с семантикой слов диахронически его представляющих (*мас-са-аз-а* 'сколько мое аз 'я' в пространстве', т.е. всегда). Если учесть тот факт, что в центре этого сильно

синтетического отрезка располагается эргативное местоимение *аз* 'я' эго, представляющее в структуре ингушского языка *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа (vs. *кхета саг* 'человеку разумному', экспонированному номинативной (*со* 'я') формой имени) [7, 268, 296], то логично, почему «всегда». Употребление данного слова в качестве союзного средства связано с модификацией значения его составляющих с последующим приобретением им грамматического значения: союз с темпоральной семантикой (*масса́з* 'всякий раз когда').

Следует иметь в виду, что компонент *са* сегмента *масса́з* обозначает *са* 'мое, а не 'са 'душа'. Лексема *са* 'мое' отличается от слова-омонима *са* 'душа' меньшей краткостью финального гласного звука *[ā]* (инг. *сā сā* 'моя душа'), чем среднедолгий звук лексемы *сā* 'душа'.

Конфигсно прилегающие к эргативной форме имени наречные формы (*масса (аз) а*), сгруппировавшиеся вокруг личного местоимения *аз* 'я', представляющего в структуре ингушского языка понятийную категорию *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа, связаны между собой такой синтаксической связью, как примыкание, свойственной языкам изолирующего строя (например, китайскому, или языкам Юго-Восточной Азии). Однако методическая прикрепленность данного сегмента речи (*масса́з* 'сколько мое я в пространстве') к глаголу-сказуемому в составе высказывания, указывает на синтетические отношения в прошлом между анализируемыми сегментами высказывания.

В процессе трансформации прототипического значения композитно оформленных слов в отрезке речи (наречия *масс-са-аз-а*) в сферу действия одноименного союзного слова его приглагольная позиция не меняется:

4. *Вошо* (ERG) *гон масса́з* *тох, лувкхера* (NOM) *юхалув* 'Всякий раз, когда брат ударяет молотом, эго вторит ему' (букв. *Брат, «сколько аз 'я' эго в пространстве», ударяет молотком*).

Препозиция союзного слова *масса́з* по отношению к глаголу-сказуемому естественна, так как оно сложилось из неизменяемых лексем, диахронически стандартно, регулярно следовавших друг за другом (по принципу «примыкание»), не отрываясь от глагола (*гон масса́з тох* букв. ударяет молотком сколько мое аз 'эго' в пространстве). Такая «тесная» связь союза *масса́з* с действием глагола обуславливает его мобильность с левой части производного глагола-сказуемого: это может быть позиция на морфемном шве после первой приставки перед корневой частью глагола:

5. *Жлале клаза дас* (ERG) *дла масса́з хец, цу сахъте сона млехъа додар из* (NOM) 'Как только отец выпускал щенка, он тотчас бежал за мной'.

Союзное слово может занимать место после двух приставок перед производным глаголом:

6. *Циска аз* (ERG) *члкъара длама́ла масса́з кховдабу, цох хъажъйоаккхар цо* (ERG) 'Как только я протягивал кошке рыбу, она ее нюхала'.

При двойных приставках союз *массаза* занимает позицию после обоих префиксов непосредственно перед корневой частью глагола придаточного предложения:

7. *Дас* (ERG) *машен дIачу массаза лоал, саьнча эькха куни* (NOM) 'Всякий раз, когда отец загоняет машину, белка забивается в угол'.

После трех-четырех приставок скрепа *массаза* также не меняет позиции и располагается перед корневой частью глагола:

8. *Унахо* (ERG) *тIаклалтIа массаза воал, узамаш доал цунгара* 'Когда больной переворачивается, у него вырывается стон'.

9. *Аз* (ERG) *гIомарахь гIала IомIаклалтIа массаза тох, бер* (NOM) *раьза хулар* 'Всякий раз, когда я разрушаю песочный замок, ребенок остается довольным'.

Позиция союзного слова *массаза* после первого именного компонента составной предикации, аналитически представленной, не выходит за пределы левой части глагола-сказуемого:

10. *Аз* (ERG) *болх массаза бу, аьрда оагIув* (NOM) *лазабоал са* 'Когда я работаю, у меня заболела левый бок'.

А.З. Гандалоева отмечает по поводу союзных слов с временной семантикой, что «Уж хоттаргаш латт дилла сказуема хьалха 'Эти союзы стоят всегда перед сказуемым' [3, с. 174]. Однако, следует иметь в виду, что их позиция перед глаголом фиксированная, но не стабильная, этот союз может располагаться и в интерпозиции предикации, т.е. за его первой корневой частью перед вторым корнем-суффиксоидом (например, *ду* (*йу, ву, бу* 'делаю')):

11. *Аз* (ERG) *бурчолг оага массаза ю, бераш* (NOM), *гIадухаш, делар* 'Всякий раз, когда я качаю качели, дети, радуясь, смеются'.

Внедрение союза *массаза* в сказуемое, разрывая его на морфемном шве, создает эффект акцента части глагольного действия, в данном случае (пример 11) эргативного каузативного глагола, состоящего из двух частей: номинативного глагола (инг. *ага* 'качнуться') и эргативного доминантного глагола *ду* (*ву, бу, йу*) 'делаю, осуществляю', экстрагирующегося в морфемную зону аффиксоидов [7, с. 234-235] при фактитивной каузации.

Союзное слово *массаза* может разрывать и не каузативный мотивированный глагол-комполит, состоящий из двух частей, именной и глагольной:

12. *Сона* (AFF) *керда гIишлош бIарг массаза гу, цар гIишлонча хоалу сона* (AFF) 'Как только я вижу новые здания, я узнаю (чувствую) их строителя'.

Союз *массаза* 'всякий раз когда' зависимой части сложного предложения может внедряться также и в редупликативный глагол, равно как и союзное слово *миел*:

13. *Гургал* (NOM) *тоха массаза тох, ийченаш* (NOM) *гIарьеча берех хьальюзар* 'Всякий раз, когда звенел звонок, коридоры наполнялись галдящими детьми'.

14. *Сона* (AFF) *неш га массаза гу, вайцига ех аз* (ERG) *из* 'Всякий раз когда я подругу видеть вижу, я приглашаю ее к нам'.

Позиция связующего средства между двумя частями редупликации усиливает действие глагола-сказуемого. Особенно это проявляется при опрощении союзного слова *массаза*, заменяемого в ингушском языке сокращенным вариантом *мā* (вместо *массаза*), свойственным разговорной речи:

15. *Сона* (AFF) *керда гIишлош бIарг мā гу, цар гIишлонча хоалу сона* (AFF) 'Когда я вижу новые здания, я узнаю (чувствую) их строителя'.

Долгота сокращенного варианта *мā* от союзного слова *массаза* указывает на союз *пока*, со значением продолжительности во времени:

16. *Гургал* (NOM) *тоха мā тох, ийченаш* (NOM) *гIарьеча берех хьальюзар* 'Всякий раз, когда звенел звонок, коридоры наполнялись галдящими детьми'.

При интерпретации языковой единицы *мā* с различным значением, имеющей омонимичные формы в ингушском языке, следует учитывать языковой процесс опрощения (трансформации *массаза* в *мā*).

В принципе, как следует из иллюстраций (примеры 1-16), мотивированное союзное слово *массаза* может примыкать к глаголу и быть подвижным только с левой части глагола-сказуемого. Подобного рода «мобильная» неотрывность сегмента речи *массаза* от глагола-предиката, квалифицируемого в качестве центра высказывания, демонстрирует отношения синтетичности, которые квалифицируются нами в качестве фрагментов синтетического строя языка, или его рудиментов сохранившихся в современном эргативном ингушском языке.

Выводы.

Союзное слово *массаза*, соединяющее части сложноподчиненного предложения с придаточным обстоятельственным времени ингушского нахского языка, возникло в результате экстрадиции компонентов, составляющих наречие *массаза* 'всегда' ('*мас* 'сколько', *са* 'мое', *аз* 'эго', *а* 'в пространстве'), в область такой служебной части речи, как союз со значением «периодическая продолжительность во времени», т.е. *массаза* 'каждый раз когда, или всякий раз когда'.

Союзное средство с темпоральной семантикой *массаза* представляет интерес с точки зрения:

1) способа его образования (сегмент речи *мас-са-аз-а*, оформленный по принципу «примыкание», состав и функция которого в пределах высказывания, дает основание для его квалификации в качестве элемента синтетического строя языка);

2) места, занимаемого в составе сложной конструкции (строго слева от предикации: препозиция, интерпозиция по отношению к глаголу - сказуемому);

3) отношений, возникающих между частями гипотаксиса при помощи союзного слова (временные, иногда с коннотациями, синкретично толкуемыми вторичными смыслами).

Мотивированное союзное слово *массаза* со значением 'всякий раз когда' неотрывно связано с глаголом-сказуемым, может располагаться:

- 1) в позиции после глагола-сказуемого (не встречается);
- 2) в позиции перед глаголом сказуемым (примеры 1, 4, 17, 19-21);
- 3) после приставки перед корнем глагола-сказуемого (примеры 2, 5, 22-23);
- 4) после двух префиксов перед корнем глагола (примеры 6, 7);
- 5) после трех-четырех префиксов перед корнем глагола (примеры 8, 9);
- 6) после именной части составного сказуемого перед глагольной частью (примеры 10, 24);
- 7) после именной части производного глагола-сказуемого перед глагольной частью (пример 12);
- 8) после корня перед вторым глагольным корнем-аффиксоидом, экстрагированным в морфемную зону (примеры 11, 18, 25);
- 9) между аналитически представленной редупликативной формой глагола (примеры 13-14);
- 10) в сочетании с морфемно-автономным средством связи (пример 26);
- 11) перед глаголом в качестве опущенного варианта структуры союзного слова *массаза* (примеры 3, 15-16).

Кроме своей основной связующей функции союзные слова могут придавать предикации и оттенков усиления значения, примыкая к нему в позиции или внедряясь в его состав на морфемном шве различного характера.

Предикация сложной конструкции с зависимым обстоятельственным временем может состоять из однородных глаголов или глаголов различных корпусов, прототипически кодирующих различные лица парадигмы. Части конструкции могут состоять из сочетания номинативного в главной и эргативного глагола-сказуемого в зависимой части, или эргативной в главной и номинативной в зависимой частях (см. примеры текста).

Релевантность синтетических отношений, демонстрируемых составом и функцией таких организованных по принципу примыкания союзных слов как *массаза* (или *алале*, *алалехъа*, *миел* и др.), позиционно привязанных к глаголу-сказуемому, может быть подтверждена исследованиями деривационных процессов других союзных средств ингушского языка и его диалектов, которые должны

быть определены, чтобы показать логику взаимосвязи между нахскими языками и наречиями, в одних из которых исторически отсутствовала фонема [ф].

Литература

1. Ахиева и др. Хланзара глалглай мотт. – Назрань. 1997. – 286 с.
2. Баркинхоева З.М., Хайрова Х. Р. Проблемы синтаксиса ингушского языка. – Назрань, 2007. – 153 с.
3. Гандалоева А.З. Хланзара глалглай мотт. Синтаксис. (Дешара пособи университета студенташта лаьрх1а). – Назрань. ООО «КЕП». 2018. – 352 с.
4. Мальсагов З.К. Ингушская грамматика со сборником ингушских слов. – Владикавказ. 1925. – 159 с.
5. Оздоев И.А. К вопросу о сложноподчиненном предложении в ингушском литературном языке. // В кн.: Вопросы вайнахского синтаксиса. Грозный, 1981.
6. Оздоева Ф.Г. Союзы в современном ингушском языке // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Известия, том X, выпуск 2, языкознание. Чечено-Ингушское книжное издательство. – Грозный. 1975. – С. 223-239.
7. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань. ООО «Кеп», 2017. – 376 с.
8. Тариева Л.У. Смысловой и просодемический аспекты интерпретации сложного бессоюзного предложения в ингушском языке // Материалы международной научно-практической конференции «Кавказоведение в системе общей культуры и образования» (к 25-летию со дня рождения З.К. Мальсагова). – Магас, 2019. – С. 212-220.
9. Аффиксоиды в процессе генерации новообразований в ингушском языке // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы». – Самара, 2013. – С. 261-265.
10. Яковлев Н. Ф. Синтаксис ингушского литературного языка. – М., 2001. – 472 с.

FINAL USA PRESIDENTIAL DEBATE: REFLECTIONS ON SOME ARGUMENTATIVE-COMMUNICATIVE STRATEGIES

Allahverdiyeva A.

*PhD in philological sciences, Associate professor
Azerbaijan University of Languages*

Abstract

The article aims to reveal the basic rhetorical-argumentative strategies employed by Hillary Clinton and Donald Trump during the final debate in 2016 US presidential campaign. We distinguish a number of extra-linguistic and linguistic means of argumentation to fostering competitiveness, showmanship and personification of the political process. The article is due to the constant increase of argumentative power in turning TV debates from an ordinary example of political discourse into a powerful tool of influence on voters. It is the degree of credibility based on argumentative strategies that often shape the political future of candidates. These strategies are viewed as a means of influencing the opponent and the electorate in general, also denigrating the opponent for the purpose of creating a more beneficial personal profile.

Keywords: political discourse, political debates, argument, communicative argumentation, argumentation strategies.

Introduction.

Although the name of the US president has long been known, the details are so far fresh in memories because of numerous linguistic and extra-linguistic moments. The 2016 final US presidential debate can be said to have marked a kind of new stage of the genre spread around the world – the political struggle. It is time to study rhetorical behavior of the candidates and try to impartially assess the argumentative strategies to confirm or disprove the hypothesis and assumptions regarding the patterns of verbal behavior and applicable arguments.

Such categories as topic, speech strategy, and language tools are differentiated among the important elements of discourse. The study of speech strategies occurs within communication (Markovich 1998, p. 420) in which these strategies are observed as awareness of goals, and the definition of means to achieve them. By combining several strategies, it is possible to intensify or weaken the emotional response and the degree of persuasion (Markovich 1998, p. 418). Since the main purpose of political discourse is to inspire the recipients for “politically correct” actions or assessments, i.e. the purpose of political discourse is to convince the addressee, to represent arguments for reasoning and action, this process is best obvious in political discourse. It makes the study of argumentation vital in political discourse. Politicians have a specific task — to win the support of the population, spreading convictions in the masses that correspond to their own interests, however, realizing it so that the masses perceive these convictions as correspondence to common social interests. Since this task cannot always be fulfilled with the help of rational persuasion or logical evidence, politicians use the strategies and the means of speech to influence on audience’s emotions (Kuntsevich 2005).

The most distinguished argumentative strategies observed during the above mentioned debate are: attack, defense, ignoring, interception and interruption.

Background.

Analysis of political speeches allows identifying the strategies and tactics of argumentation used to convince the audience. The studies of speeches by famous

politicians allow to predict their further actions and intentions on the one hand, to establish the most effective ways of influencing listeners on the other hand. That is why, the proposal of the study of spoken communication, in particular, the strategies and tactics of argumentation used in political discourse through dwelling in greater detail on the system of linguistic means seems justified.

Since the times of ancient Greek and Roman philosophers, argumentation has been of interest to rhetorical research as one of the ways of controlling the behavior of audiences or individuals. Plato, Aristotle, Cicero, Socrates dealt with questions of rhetoric, considering oratory as one of the most important and most effective ways of influencing and persuading audiences.

Linguistic manipulation of political consciousness in political discourse is realized through verbal implication due to ideology, evaluation, modality, mobility, semantics and pragmatics of the word, variability of denotative and connotative meanings the same linguistic signs under the influence of social, cultural and other factors. Politicians understand the need to learn in this style of speech and literary language standards that are able to give the highest efficiency. Any politician is faced with the need for the correct location, layout of language units, then there is all that constitutes the essence and specifics of the construction of speech (Andreev 1999, p. 86).

On defining argument.

Argument is the evidence to change the position or beliefs of the audience, which usually consists of a single statement or more than one related statements. It serves to support the thesis of argumentation - a statement by which an arguing side finds it necessary to impress. It must be noted that a statement can become an argument when it is used in communication process to achieve a specific goal. Interactivity and focus - these are the main communicative and pragmatic properties of argumentative communication.

The nature of argumentation as a linguistic phenomenon is studied by the theory of argumentation.

This theory explores and classifies the ways of persuading audiences in various communicative situations — both in science and in political discussions or speeches, as well as the ways of their expression. This is a multidisciplinary field embracing linguistics, discourse analysis, communication theory, social psychology and philosophy. By studying the structure and nature of argument in real, natural situations argumentation becomes a multilateral phenomenon. “In this sense, it has a long interdisciplinary tradition that starts with ancient rhetoric, dialectic, and logic and continues today to include recent research in areas such as online communication and artificial intelligence.” (Lewinsky, Mohammed 2016). Or: “All discourses are governed by universal-pragmatic “rules of argumentation” (Habermas 1981, p. 25). Linguistic studies on the theory of argumentation are also based on the works by K. R. Wallace, R. L. Anderson, C. D. Mortensen, J. Dewey, R. Rorty, J. Habermas, S. Toulmin, S. Jackson, S. Jacobs, H. Perelman, G. Johnston, F. Van Eemeren, R. Grootendorst and others.

According to the theory of argumentation, one of the components of influencing by speech, the main strategic objectives of argumentation is persuasion which is aimed at transforming the addressee's world picture, thereby controlling his consciousness. In other words, argument is the main tool of persuasion: “Argumentation is a verbal, social and rational activity, aimed at convincing a reasonable critic of the acceptability of a standpoint by putting forward a constellation of propositions justifying or refuting the proposition expressed in the standpoint.” (Eemeren, Grootendorst 2004, p. 1).

Depending on communicative goals and evaluation criteria of the sides, the form of argument can vary. Taking into consideration the comprehensiveness of the classification, we accept the one suggested by J. Habermas: 1) *theoretical* - affecting cognitive-instrumental statements; 2) *practical* - thematizes normative correctness; 3) *aesthetic* - the focus is the relevance of standards of values with its evaluative statements; 4) *therapeutic* - using expressive statements and seeking to establish the credibility of expressive means; 5) *explanatory* - aimed at clarity and correctness of symbolic constructions (Habermas 1981, p. 45). Although this is not the objective of our research, we just mention we are also of the opinion that each of these forms appears in political discourse. Politicians are enabled by the non-material nature of social values to make appeal to a more diverse encirclement of people by combining contradictory values (Gordon, Miller 2004). Hence, as stated by observers of political rhetoric, argument should be regarded as a means of combining various values as more compulsory due to the scope of interests they encircle (Sanders, Hamilton 2001).

It is suggested that in political debates the addressee's socially conditioned attitude to the opponent which is compliance and fit in the situation, the structure of the situation, the aspect of dynamic processes embedded in the scheme of the impact itself, is also included to the structure of argument (Sanders, Hamilton 2001). Sharing this approach, we are of the opinion that in political discourse, the result of the influence by

speech depends not only on the correctness of the chosen strategy or tactics, but also on the identity of communicants. In this respect, non-resistance includes active support or, at least, tolerance for the intentions and interests of the interlocutor. This, invariably, takes place not only in political context, but also in specific cultural, historical or social contexts.

Argument can also be classified according to the nature of audience. Given this, argument can be universal (or rational) or contextual (or irrational).

Universal reasoning is applicable to any audience since the universal methods of argumentation include: direct (empirical) confirmation; indirect empirical confirmation (in particular, confirmation of consequences); diverse ways of theoretical argumentation: deductive justification, systemic reasoning, methodological argumentation, etc. All the diverse ways of universal argumentation can be divided into empirical and theoretical ones. Among various methods of theoretical argumentation, of particular importance are: 1) *deductive argument* - the derivation of a substantiated statement from other, previously accepted statements; 2) *systemic argument* - substantiation of an assertion by including it in a well-tested statement system, or theory; 3) *principal verifiability and fundamental refutability* - demonstration of the fundamental possibility of empirical confirmation or refutation of substantiated statement; 4) *compatibility condition* - demonstration that the substantiated position is in good agreement with laws, principles and theories relating to the area of phenomena under study; 5) *methodological argument* - substantiation of the statement by reference to the reliable method with which it was obtained.

All the above-mentioned methods of universal (empirical and theoretical) and contextual reasoning form the basis of all methods of reasoning, but they do not exhaust many other possible methods of persuasion (like the classical method, the method of contradiction, the extraction of conclusions, the comparison (analogy, paradox), etc.)

Summarizing the above mentioned, we generalize the inherent features of argumentation as following:

- argumentation is a purposeful activity - its task is to strengthen each speaker's convictions;
- argumentation is a social activity aimed at other people, and it implies a dialogue and an active involvement of the other side to the arguments presented;
- argumentation presupposes the rationality of those who perceive it, their ability to rationally weigh the arguments and accept or challenge them;
- argumentation is expressed in the language in the form of pronounced or written statements, and the theory of argumentation explores the relationship of these statements.

Methods.

— The qualitative and interpretive method of analyzing discourses - the method of intent-analysis is used to achieve our aim.

— We analyze different excerpts of dialogues extracted from the YouTube final debate recordings between the candidates for the USA presidency broadcasted on CBS News TV channel on October 19, 2016 (Watch the Final Clinton-Trump Debate (Full Debate -

10/19/16)

<https://www.youtube.com/watch?v=6ru6uvTq39I>) and the transcript of the debate (Full transcript: Third 2016 presidential debate – POLITICO: <https://www.politico.com/story/.../full-transcript-third-2016-presidential-debate-23006...>) to fulfill the study.

— It is almost a two-hour political debate where the two candidates – Hillary Clinton and Donald Trump do their best to convince the audience. The programme is moderated by Fox News anchor Chris Wallace who asks the opponents questions and tries to manage the turns. The main topics of the debate were the key issues of the election campaign - economic development, creation of new jobs, racial problems, police brutality, cyber security, terrorism, “Islamic State”, etc.

Analisis.

As Pickering and Gambi suggest: “Comprehenders do not delay a word, phrase or sentence before performing lexical access, parsing, and semantic analysis. In fact, they analyze each word as they encounter it and integrate it with prior context in a highly incremental fashion.” (Pickering, Gambi 2018). The approach can hardly be refuted since in the course of the analysis we came across with considerable linguistic means that serve as argumentative strategies in the debate.

First of all, it must be mentioned that the most important feature of the debate like all other presidential debates, is their dialogical nature. As Rassinskaya suggests, “Political text is a dialogical apriori. In case of the TV debates, we deal with the so-called double dialogue: the dialogue by politicians with each other and with the audience.” (Rassinskaya 2015, p. 412). It must be mentioned that both the levels are equally important. Everything said by candidates are addressed not only to opponents, but also to audience as a whole. Each candidate wants to influence audience whom they try to manipulate by deliberately chosen communicative strategies. The choice of turn-taking mode is not random; it depends on the strategic planning of the candidates, who view it as a means of projecting their personality as well as their political program onto the audience. Thus the dual nature of discourse is highlighted: dialogue between candidates and dialogue with audience.

Analysis shows that Clinton took full advantage of the time at her disposal and attention of the audience. The point here is in skillful use of classical rhetorical tricks which made Clinton’s speech slender and more convincing. At the very beginning of the first round of the debate, Clinton stated that, above all, she is a mother and a grandmother. In the background of general restraint of a candidate for presidency, such a personal message was a strategy of manipulation based on the gender role and as described by researcher Sheinov “a female strategy” (Sheinov 2019).

From rhetorical point of view, also from the point of view of some political scientists, Trump’s whole speech is based on the well-known conceptual opposition “we-they” as described by Alieva (Alieva 2008, p. 18). Conversation techniques, boorish interruptions, appeal to the opponent by “she” instead of “Hillary,” are supposed to make him “we-man” in the eyes of

Americans. “We” means inclusive, as opposed to “they”. Trump’s style:

“Are you with me for a new America or with Clinton, who is in power in the United States for thirty years when nothing changed?”

— ... is not a simple question; it is a kind of offering the audience a choice. Why does he need it? From the point of view of linguistic psychology, the expected question can be answered by creating a contrasting background that allows to better conveying ideas to audiences, and even denigrating the opponent to put it simultaneously.

In the examples below, we traced some interesting and fruitful communicative-argumentative strategies in the debate used by each participant. These strategies, in our opinion, are lined up in the regulations that determine individual communicative styles of D.Trump and H.Clinton.

In the passage below, we observe an interesting communicative situation, based on remarks, without role switching. We see that Clinton continues bringing forth arguments to support her thought without paying attention to what Trump says. As for Trump, it is not legible whether he refers to his interlocutor, the moderator or the audience. Most likely, he simply comments on her view-point and does not put in a claim to obtain the communicative role:

CLINTON: Well, Chris, I am on record as saying that we need to put more money into the Social Security Trust Fund. That’s part of my commitment to raise taxes on the wealthy. My Social Security payroll contribution will go up, as will Donald’s, assuming he can’t figure out how to get out of it. But what we want to do is to replenish the Social Security Trust Fund...

TRUMP: Such a nasty woman.

CLINTON: ... by making sure that we have sufficient resources, and that will come from either raising the cap and/or finding other ways to get more money into it. I will not cut benefits. I want to enhance benefits for low-income workers and for women who have been disadvantaged by the current Social Security system. But what Donald is proposing with these massive tax cuts will result in a \$20 trillion additional national debt. That will have dire consequences for Social Security and Medicare. And I’ll say something about the Affordable Care Act, which he wants to repeal. The Affordable Care Act extended the solvency of the Medicare Trust Fund. So if repeals it, our Medicare problem gets worse. What we need to do is go after...

TRUMP: Your husband disagrees with you.

CLINTON: ... the long-term health care drivers. We’ve got to get costs down, increase value, emphasize wellness. I have a plan for doing that. And I think that we will be able to get entitlement spending under control by with more resources and harder decisions.

Although Trump’s remark is built into the stream of speech, Clinton does not make a pause without intending to concede the role, nor does she mean the so-called “role switching.” Pauses are not recorded at the junction of remarks. Trump interrupts at the junction of the syntagm, makes an evaluative comment and draws back.

However, evaluative remarks are not solely Trump's style. In the following example, Clinton also uses this tactic in building her dialogue:

TRUMP: And our country has no idea.

CLINTON: ... agencies.

TRUMP: Yeah, I doubt it. I doubt it.

Thus, in this debate remarks expressing disagreement, as a rule, transform strategy of interception - "statement-comments" are poured into a whole chain which, from linguistic point of view, could be called the period of simultaneous speaking. As can be seen, the desire to express the disagreement with a partner is the moment of birth of the strategy.

As a rule, the last interrupted syntagm, is characterized by semantic incompleteness and does not have a terminal tone:

CLINTON: There is a lot of evidence about the very good work...

TRUMP: It's been very well studied.

CLINTON: ... and the high rankings...

TRUMP: ... and it's a criminal enterprise, and so many people know it.

As can be seen in the example, immediately after the interruption, Trump tries to be selected for the role. Practically the same is seen in Trump's communicative behavior below:

CLINTON: ... about a potential nuclear - nuclear competition in Asia, you said, you know, go ahead, enjoy yourselves, folks. That kind...

TRUMP: And defend yourselves.

CLINTON: ... of language — well...

TRUMP: And defend yourselves. I didn't say nuclear. And defend yourself.

In the following example, interruptions resulted in a whole chain:

TRUMP: ... that's offshore back into the country. We are going to start the engine rolling again, because right now, our country is dying at 1 percent GDP.

CLINTON: Well, let me translate that, if I can, Chris, because...

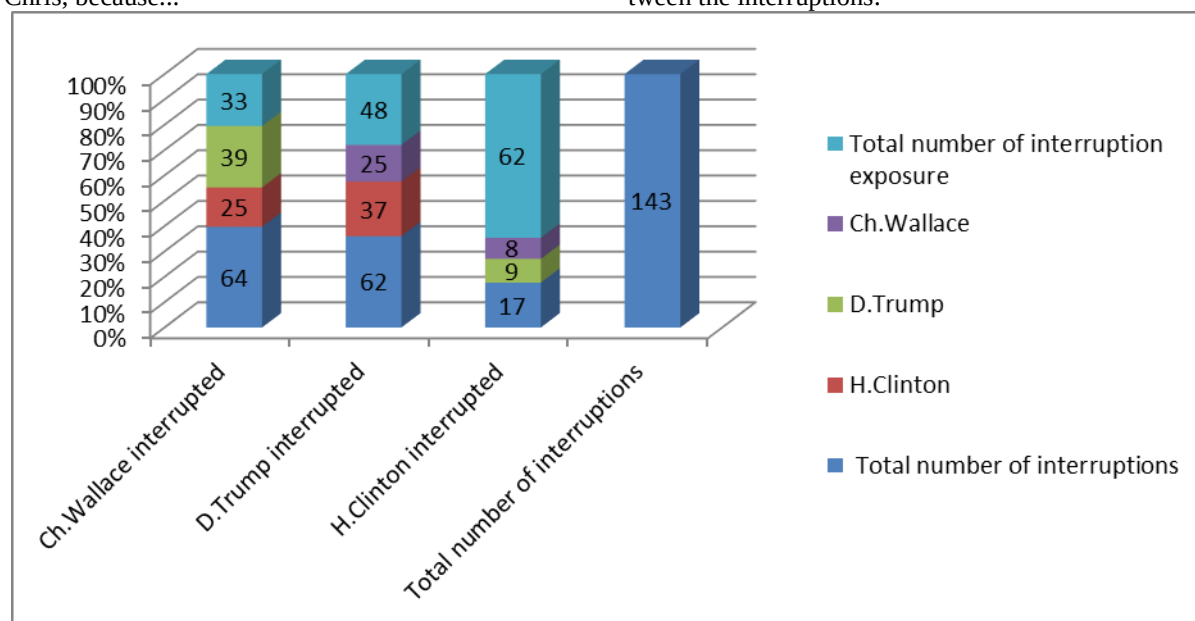
TRUMP: You can't.

CLINTON: ... the fact is, he's going to advocate for the largest tax cuts we've ever seen, three times more than the tax cuts under the Bush administration. I have said repeatedly throughout this campaign: I will not raise taxes on anyone making \$250,000 or less.

Dangling phrases do not have semantic or logical completeness. Besides that, opponent interruptions are often perceived by the audience as the elements of conflicting style, the violation of cooperative communication. Since the interrupted syntagms do not yield semantic completeness, the meaning of the remarks is captured by the listeners with difficulty. A large number of interruptions can take the dialogue beyond cooperative communication. But as the speech of the debate is strictly regulated by Fox News moderator Chris Wallace, the opponents do not "slip" into the conflicting style, though they try it more than once. In a real dialogue, the interruption of more than 25% of the remarks is a sign of an unfolding quarrel.

The total number of the interruptions taking part during the debate is 143, including the ones made by Chris Wallace. The majority of the interruptions were made by Ch.Wallace who was obliged to do it in order to keep the sides focused on the issues and in line: 39 against D.Trump, 25 against H.Clinton, which makes 64 interruptions. D.Trump comes next according to the number of interruptions made: 37 against H.Clinton, 25 against Ch.Wallace, which makes 62 interruptions. He consistently interrupted H.Clinton - four times as much in the debate. D.Trump also talked over Ch.Wallace far more than H.Clinton. H.Clinton comes last according to the number of interruptions made: 9 against Trump, 8 against Ch.Wallace which makes just 17 interruptions. On the one hand, she is the least interrupting side, on the other, the most interrupted side – she has been interrupted 62 times. D.Trump was interrupted 48 times, whereas Ch.Wallace 33 times.

The diagram below figures out the differences between the interruptions:

In the following excerpt although the immediate transcript holds two remarks, role switching does not occur even once. Clinton does not respond to the opponent's comments, and her cue is not interrupted:

CLINTON: At the last debate, we heard Donald talking about what he did to women. And after that, a number of women have come forward saying that's exactly what he did to them. Now, what was his response? Well, he held a number of big rallies where he said that he could not possibly have done those things to those women because they were not attractive enough for them to be assaulted.

TRUMP: I did not say that. I did not say that.

CLINTON: In fact, he went on to say...

TRUMP: I did not say that.

CLINTON: He went on to say, "Look at her. I don't think so." About another woman, he said, "That wouldn't be my first choice." He attacked the woman reporter writing the story, called her "disgusting," as he has called a number of women during this campaign. Donald thinks belittling women makes him bigger. He goes after their dignity, their self-worth, and I don't think there is a woman anywhere who doesn't know what that feels like. So we now know what Donald thinks and what he says and how he acts toward women. That's who Donald is.

Overlaying time saving and communication efforts are also included into argumentative strategies - the higher the degree of cooperation, the more overlapping occurs. There are the excerpts in the debate, which can be explained by the format of the communication. Those single instances when the candidates still resort to them are the communicative situations when they begin to make a statement immediately after the moderator's remark:

WALLACE: Well?

TRUMP: That was a great pivot off the fact that she wants open borders, OK? How did we get on to Putin?

Or:

WALLACE: All right.

CLINTON: ... because it's an important part of the American experience.

Although the last syllables of the moderator's words are no longer audible, the listeners do not mind: the imposition of two remarks on the nuclear tones of the latter is not perceived as an interruption. The following example shows that there is nothing personal in this strategy. In some cases, Clinton does not react not only to her opponent, but also to the moderator:

TRUMP: But what she doesn't say is that President Obama has deported millions and millions of people just the way it is.

WALLACE: Secretary Clinton, I want to...

CLINTON: We will not have open borders. That is...

WALLACE: Well, let me — Secretary...

CLINTON: That is a rank mischaracterization.

WALLACE: Secretary Clinton...

CLINTON: We will have secure borders, but we'll also have reform. And this used to be a bipartisan issue. Ronald Reagan was the last president...

In this example Clinton, violating the regulations, gets the communicative role and starts the response cue. Moderator of the debates Wallace tries to besiege her twice, to make respect for the previously agreed rules for conducting the debate. But Clinton ignores him - her strategy is to make a spectacular conclusion, regardless of interruptions or remarks, or their sources.

As a result, it turns out that Trump as a master of the evaluative comments and Clinton with her strategy of ignoring the interlocutor formed a perfect duet:

CLINTON: Well, that's because he'd rather have a puppet as president of the United States.

TRUMP: No puppet. No puppet.

CLINTON: And it's pretty clear...

TRUMP: You're the puppet!

CLINTON: It's pretty clear you won't admit...

TRUMP: No, you're the puppet.

CLINTON: ... that the Russians have engaged in cyber-attacks against the United States of America.

Partner interruptions are most likely, the manifestation of what researcher Alyoshina calls, "persuasive" or "conscripted" type of political discourse (Alyoshina 2015, p. 80), and serve as a tool to create a contrasting background for more vivid positioning of personal political characteristics. Next, politicians cite statistics as a logical argument. It is believed that such data represent real statistical studies and talk about real facts. Therefore, listeners do not question them and treat them as indicators of the work done:

CLINTON: We have 11 million undocumented people. They have 4 million American citizen children, 15 million people.

Thanks to the arguments that create the effect of obviousness and well-knownness of certain facts the sides try to influence the audience's consciousness, forcing them to believe in the truth of what was said, or agree with their own opinion. This strategy requires the usage of the so-called "empty words" as: *obviously, undoubtedly, frankly, (as) you know, look* and so on:

TRUMP: And frankly, when you look at her real record, take a look at Syria.

Or:

CLINTON: And, you know, look, I understand that Donald's been strongly supported by the NRA.

Reference to individuals and organizations that have credibility or wide recognition also creates the effect of significance of the statement. If the speaker mentions the support by such an organization, it helps him not only to keep the attention of the audience, but also to gain trust:

CLINTON: Well, everything I did as secretary of state was in furtherance of our country's interests and our values. The State Department has said that. I think that's been proven. But I am happy, in fact I'm thrilled to talk about the Clinton Foundation, because it is a world-renowned charity and I am so proud of the work that it does.

In political discourse, personal experience of the sides is also a great strategic tool to persuade. During election campaigns, it is vital for a politician to make it clear to voters that he/she is the best leader, and his/her achievements confirm this. Narratives help to achieve this – "short stories" about the work done, as well as

abstracts that give a clear understanding of the speaker's achievements:

CLINTON: You know, back in the 1970s, I worked for the Children's Defense Fund. And I was taking on discrimination against African-American kids in schools. In the 1980s, I was working to reform the schools in Arkansas. In the 1990s, I went to Beijing and I said women's rights are human rights.

Besides these, certain stylistic devices (rhetorical questions, questions-in-the narrative) and rhetorical-grammatical means (implicative imperatives, expressed using modal verbs, conditional constructions and inclusive language elements) also function as strategies to secure persuasion in the debate. The opponents resort to the use of rhetorical questions which help to focus the attention of the audience on the most important points. Also with the help of rhetorical questions, the addressee establishes contact with the audience, as if involving them in the conversation:

TRUMP: We protect Saudi Arabia. Why aren't they paying? She immediately - when she heard this, I questioned it, and I questioned NATO. Why aren't the NATO questioned - why aren't they paying? Because they weren't paying. Since I did this - this was a year ago — all of a sudden, they're paying.

Or:

CLINTON: Does it create jobs, raise incomes, and further our national security? I'm against it now. I'll be against it after the election. I'll be against it when I'm president.

Based on the data analysis, we were able to identify other group of argumentative-communicative strategies used by the opponents that induce a certain opinion or action through pressure, implicative imperatives, expressed using modal verbs and conditional constructions:

TRUMP: But I feel that at this point in our country's history, it is important that we not reverse marriage equality, that we not reverse Roe v. Wade, that we stand up against Citizens United, we stand up for the rights of people in the workplace, that we stand up and basically say: The Supreme Court should represent all of us.

The call for unity (of the whole nation), with the abundant use of the pronoun "we" (or the so-called inclusive language), awakens the spirit of patriotism in the audience, and if the speaker focuses on national unity, this causes a positive reaction from the audience and is a kind of stimulus for action:

CLINTON: We're going to pull the country together. We're going to have trade agreements that we enforce. That's why I'm going to have a trade prosecutor for the first time in history. And we're going to enforce those agreements, and we're going to look for businesses to help us by buying American products.

Despite the variety of argumentation strategies that influence the audience, politicians often resort to less worthy strategies to achieve their goals. Based on the data obtained, we have identified a special type of strategies used by politicians to deal with the opponent. Highlighting oneself by diminishing the dignity of the opponent or a direct refutation of what the opponent has

said, implying the accusation of lying are mainly observed accompanied by the stylistic device antithesis as an effective tool:

TRUMP: She mentions this, which is all fiction, all fictionalized, probably or possibly started by her and her very sleazy campaign. But I will tell you what isn't fictionalized are her e-mails, where she destroyed 33,000 e-mails criminally, criminally, after getting a subpoena from the United States Congress.

Or:

CLINTON: ... it just shows you're not up to doing the job. And let's -- you know, let's be clear about what he is saying and what that means. He is denigrating -- he's talking down our democracy. And I, for one, am appalled that somebody who is the nominee of one of our two major parties would take that kind of position.

Conclusion.

Summarizing the analysis, we can state that the debating behaviors of the opponents fit into the framework of a number of several communicative-argumentative strategies and tactics.

First of all, we mostly observe the strategy of interception of the initiative accompanied by evaluative comments, simultaneous speaking, repeating certain words or syntagms and dangling phrases without semantic or logical completeness. This strategy is the reflection of the violation of cooperative communication and is perceived by the audience as the element of conflicting style. Although each debate is of dialogical character, not every remark made by the opponents enables to entail role switching. The remarks made by both sides in the debate express not attention, understanding of the speaker, agreement with the position expressed, but disagreement with them or even their denial. These remarks are evaluative in character and are addressed directly both to the opponent and the audience. Secondly, the opponents address to the strategy of opinion inducement accompanied by implicative imperatives, expressed using modal verbs and conditional constructions. Another widely observed argumentative strategy in the debate is citation and reference to individuals or organizations. We witness citation of statistics in proper which is urgent to be accepted as the indicators of the work done accompanied by the so-called empty words. By means of this strategy the opponents succeed to influence the audience's consciousness and to gain trust. The next argumentative strategy in turn is the utilization of the personal experience by the opponents in the debate. In order to convince the audience in terms of his/her ethos, the sides make use of the narratives about their personal achievements. Thirdly, rhetorical questions and questions-in-the narrative are the next actively used argumentative-communicative strategies in the debate. By these rhetorical tools the opponents focus the attention of the audience on the most important points and also establish contact with them, as if involving them in the conversation. Then, we observe the strategy of inclusive language represented with the abundant use of the pronoun "we" which is perceived as a sign of "the call for unity" by the audience and is the best stimulus for action. In spite of the above mentioned argumentation strategies, the opponents often resort to less worthy strategies in order to

achieve their goals. Here we observe highlighting oneself by diminishing the dignity of the opponent or a direct refutation of what the opponent has said, implying the accusation of lying. These strategies are accompanied by the stylistic device antithesis.

Analysis enable us to state that argumentation is a type of speech act that affects perception on several levels at once and is used to convince a rational listener of the truth of what was said and to increase the likelihood of speaker's success in front of audience. The effectiveness of political discourse can be determined relative in terms of this goal.

We are of the opinion that it is impossible to represent the full analysis of all the argumentative-communicative strategies that are present in the debate. Of course, there might be other(s) implied, which make the debate the object for further research.

References

1. Gordon A., Miller J.L., Values and persuasion during the first Bush-Gore presidential debate. // *Political Communication* 21. 2004, pp. 71–92.
2. Habermas J., *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt, Germany: Suhrkamp. 1981. 222 p.
3. Lewiński M., Mohammed D., *Argumentation Theory*. // *The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy*, 2016, pp. 1-15
4. Pickering M., Gambi Ch., Predicting While Comprehending Language: A Theory and Review. // *Psychological Bulletin*, 144(10), 2018, pp. 1002-1044.
5. Sanders J., Hamilton V.L., *Handbook of Justice Research in Law*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2001.
6. Van Eemeren F.H., Grootendorst R., *A Systematic theory of argumentation: The pragma-dialectical approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
7. Алиева Т.В., Концептуальная оппозиция «свой - чужой» в политическом дискурсе Великобритании (Великобритания - США). // *Вестник Тамбовского Университета*, 11 (67), 2008, стр. 216-220.
8. Алёшина Е.Ю., *Публичный политический дискурс конфликтной ситуации*. Москва: Прометей, 2015.
9. Андреев В.И., *Деловая риторика: Практический курс делового общения и ораторско мастерства*. Москва: Народное образование, 1999.
10. Кунцевич С.Е., Психологические аспекты политического дискурса. // *Вестник Минского государственного лингвистического университета*. Серия 1, Филология 4 (20), 2005, стр. 37-50.
11. Маркович А.А., Аргументативная коммуникация. Методология исследования политического дискурса. // *Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*. Белгосуниверситет. Выпуск 1, 1998, стр. 412-421.
12. Рассинская О.В., Речевые особенности политической коммуникации. // *Молодой учёный*. 1 (81), 2015, стр. 412-413.
13. Шейнов В.П., Социальные взаимодействия асертивной личности с окружающими людьми. // *Системная психология и социология*. 1 (29), 2019, стр. 47-57.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

CULTURAL IDENTITY OF THE TRANSFORMING KAZAKHSTAN (to the question of methodology)

Karipbayev B.
Doctor of Philosophy
KarGU of named E.A.Buketov

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ КАЗАХСТАНА (к вопросу о методологии)

Карипбаев Б.И.
доктор философских наук,
профессор КарГУ им.Е.А.Букетова

Abstract

In this article, the author considers and analyzes possible axiological and epistemological approaches to the study of the phenomenon of cultural identity of Kazakhstan. The author points out the need for an interdisciplinary approach to this problem and suggests the author's methodology for understanding the phenomenon of cultural identity.

Аннотация

В данной статье автор рассматривает и анализирует возможные аксиологические и эпистемологические подходы к исследованию феномена культурной идентичности Казахстана. Автор указывает на необходимость междисциплинарного подхода к этой проблеме, предлагает авторскую методологию к осмыслению феномена культурной идентичности.

Keywords: history, ethnicity, identity, values, language, traditions, culture, future

Ключевые слова: история, этнос, идентичность, ценности, язык, традиции, культура, будущее

В XXI веке перед Казахстаном встал целый ряд насущных целей и задач, которые требуют своевременного и основательного разрешения. Одной из них является необходимость формирования нового типа культурной идентичности, которая была бы релевантна духу времени и вместе с тем сохраняла в себе лучшие образцы наследия прошлого.

Процесс политической глобализации в качестве неперемного условия своей реализации предполагает проведение конкретных мер по модернизации общественного сознания населения Казахстана. Тем сложнее осуществляются подобные мероприятия и процедуры, чем неоднозначнее складывается сама ситуация современности, которая зачастую характеризуется противоречивыми тенденциями и конфликтогенными диспозициями.

В этих условиях возникает необходимость формирования нового типа культурной идентичности, которая с одной стороны давала бы образ имманентного самоосмысления народа Казахстана в собственных глазах, а с другой стороны — целостно репрезентировала субъектоспособность Казахстана в качестве полноправного участника процесса мировой политической и межкультурной коммуникации, а не стороннего наблюдателя на задворках цивилизационных процессов

На XXV сессии Ассамблеи народа Казахстана Президент Нурсултан Абишевич Назарбаев обозначил 6 параметров, которые должны характеризовать облик современного казахстанца. Согласно

Назарбаеву, личность, могущая выступить как достойный представитель народа Казахстана, это:

- 1) созидательная личность, конкурентоспособная в глобальном мире.
- 2) прагматик и реалист, ориентированный на достижение конкретных целей.
- 3) человек, укрепивший национальную идентичность и отказавшийся от всего, что сдерживает развитие нации.
- 4) человек на пике глобальных знаний, для которого культ образования имеет первостепенное значение.
- 5) сознательный гражданин, который четко понимает — только эволюционное развитие даёт народу шанс на процветание.
- 6) человек, обладающий открытым сознанием, полиязычный интеллект, готовый к переменам и восприятию лучшего мирового опыта.

Именно эти 6 параметров можно и необходимо использовать в качестве критерия описания нового типа культурной идентичности. Главная опасность, которая подстерегает народ Казахстана в деле формирования новой культурной идентичности — это подмена подлинного гармонического синтеза вышеперечисленных качеств современной личности формализованной эклектикой. Способом предотвращения подобной субституции может стать поиск и определение общего основания, устанавливающего внешнюю когерентность и внутренний изоморфизм всех частей.

На наш взгляд, таким основанием, во-первых, является история, понятая не как констелляция контингентных сингулярностей, а как общая духовная судьба народа, его связь, сохраняющая свое единство во времени, несмотря на пространственную (географическую) реконфигурацию.

Во-вторых, это язык, который, по слову одного философа Мартина Хайдеггера, есть «дом бытия», а по слову другого философа Людвиг Витгенштейна есть «форма остальные слои основания, придавая им смысловую целесообразность и аксиологическую фундированность».

Третьим уровнем общего основания новой культурной идентичности являются традиции, воспроизводимые на новом витке исторического процесса не просто как музейные реликты, а как релевантные духу времени способы деятельности, симультанно аккумулирующие в себе семантические и технологические аспекты: мудрость прошлого и интенсивность настоящего.

Последним и завершающим моментом интегративной матрицы культурной идентичности современного казахстанца выступают ценности, которые пронизывают все социальное бытие.

Проблемы понимания сущности истории, языка, традиций и ценностей активно разрабатывались в рамках классического и современного философского дискурса. Необходима концептуализация контуров культурной идентичности Казахстана сквозь призму синтетического единства истории, традиций, ценностей и языка в условиях нового мирового порядка

В данной научно-исследовательской позиции мы оставляем в стороне достижения мыслителей Античности, Средневековья и Нового Времени, имея в виду специфику исторических обстоятельств, сопровождавших их творчество. Традиционные представления об истории как линейном процессе, развернутом во времени в качестве необратимо летящей стрелы, направленной из прошлого через настоящее в будущее были дезавуированы открытиями современных научных дисциплин, таких как: синергетика, структурная антропология, квантовая физика, а также рядом некоторых историко-философских концепций. Осознавая, что сложность исторического процесса в Новейшее Время, в частности, в XX и XXI веках многократно возросла, в качестве методологического и общетеоретического ориентира исследования истории как основания новой культурной идентичности Казахстана мы опираемся на авторов, чей концептуальный аппарат способен адекватно отразить особенности и нюансы столь сложного феномена. Среди этих авторов можно выделить: Николая Гартмана (1), анализирующего проблемы исторического бытия с позиции онтологического стратификационизма; Карла Ясперса (2), трактовавшего историю как прорыв к трансценденции и просветление экзистенции; Марка Блока (3), разработавшего конкретизированную феноменологическую методику изучения истории, чьим главным предметом является человек во времени; Артура Данто (4), предложившего ори-

гинальный вариант аналитической философии истории, в которой структура истории раскрывается через анализ исторических типов мышления и языка.

Не менее сложных дискурсивных практик требует артикуляция культурологических потенциалов языка. Для исследования этого уровня основания новой казахстанской культурной идентичности необходимо привлекать как работы собственно лингвистов: Хомски (5), родоначальника картезианской лингвистики; Греймаса (6), синтезировавшего идеи семиотики и структурализма; Бенвениста (7), занимавшегося оригинальными сравнительно-историческими исследованиями языка; Тодорова (8), Барта (9) — общепризнанных авторитетных теоретиков постструктуралистского языковедения, так и работы авторов, занимавшихся изучением философских аспектов языка: Витгенштейна (10), заложившего основные предпосылки лингвистического поворота в философии; Кассирера (11), разработавшего самобытную концепцию языка как разновидности символических форм сознания; Хайдеггера (12), реактуализировавшего онтологический статус языка в эпоху его сугубо функционального применения; Мура (13), Остина (14), рассматривавших язык с позиции повседневного употребления; Крипке (15), произведшего детальный логико-семантический анализ языковых классов; Патнэма (16), анализировавшего язык на стыке методологий реализма и концептуализма; Гудмена (17), расценивавшего язык как средство создания миров.

Относительно аспекта традиций, которые объективируют историю в том числе и в языке, мы обращаемся к исследованиям ведущих культурологов и социологов. В частности, к трудам Геллнера (18), полагающего, что традиции — это модернистский конструкт, созданный на заре индустриальной эры и обеспечивающий экономическую стабильность нации; Андерсена (19), утверждающего, что традиции — это средство воображаемого конституирования национальной идентичности; Смита (20), считающего традиции основой этнической принадлежности. Также используются работы Соловья (21), Хобсбаума (22), Балибара (23), Бека (24), Баумана (25), Латура (26).

В вопросе изучения ценностей мы апеллируем к исследованиям: Розова (27), занимавшегося анализом аксиологической проблематики в условиях социокультурной пертурбации; Брентано (28), Гуссерля (29) и Ингардена (30), типологизировавших оценивающие акты сознания в русле феноменологической философии; Леонтьева (31), постулирующего ценность в качестве междисциплинарного понятия; Кагана (32), создавшего авторскую теорию ценностей в разрезе био-социо-культурной природы человека.

В казахстанской науке тематика культурной идентичности стала предметом самого пристального интереса с момента обретения Казахстаном независимости. За это время были созданы оригинальные концепции и проведены фундаментальные

исследования. Однако увеличение темпа социального времени, которое сегодня является уже не просто метафорой, а вполне объективным фактом, требует выработки новых концепций культурной идентичности в условиях быстроменяющегося современного мира.

Культурное и шире человеческое бытие является динамически-воспроизводимым, а не статично-покоящимся феноменом.

Общественная задача формирования принципиально нового типа личности современного казахстанца требует скрупулезного учета всех макро- и микрофакторов, обуславливающих мультикультуральную и полиязычную идентичность. Это, в свою очередь, вызывает необходимость создания работающей модели исторического сознания, сочетающего в себе как традиционные, так и прогрессивные ценности; сознания, являющегося в своей сути открытым для лучших достижений мирового социально-политического и культурного опыта, что достигается за счет гибких форм новой рациональности и фундаментальной корреляции языка и мышления. Прагматическая импликация данной проблемы предполагает использование не только традиционной методологии научного описания, но и постклассическую методологию экспериментального проектирования предмета исследования. Когда речь идет о феноменах, чей бытийный статус является сугубо антропологическим, то есть, зависящим исключительно от мышления и деятельности людей, необходимо помнить, что к ним неприменим номотетический способ изучения. Формирование новой культурной идентичности Казахстана в данном случае следует рассматривать как масштабный экзистенциальный проект (а сартровском смысле), который стоит перед всем народом, но реализовывать который можно только через индивидуальную интенцию. Именно поэтому нельзя ограничиваться чисто теоретическим описанием исторически сложившихся обстоятельств, важно активно воспроизводить выработку эффективных способов реального конструирования социальной и культурной действительности.

Не только перед специалистами, но и перед каждым гражданином возникает более чем насущная задача определения места и роли своей личности и своей страны во взаимоотношениях с окружающей действительностью. Это (само)определение в первую очередь предполагает выяснение оснований и пределов собственных возможностей, а также ценностей, целей и задач, являющихся смыслобразующими и приоритетными.

Эти проблемы важны и потому, что те или иные подходы к вопросу о сущности культурной идентичности, о характере его отношения к существующей социальной реальности затрагивают исходные мировоззренческие установки каждого человека.

Таким образом, понятие культурной идентичности в рамках данной научно-исследовательской позиции рассматривается в качестве проектируемого конструкта, чье созидание достигается за счет оторефлексированной социальной деятельности.

Данный конструкт имеет своим основанием общность истории, языка, традиций и ценностей, сомкнутых не только в объективно-имперсональном ключе, но и в экзистенциально-волевой устремленности каждого отдельного гражданина.

Список использованной литературы

1. Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе. (Перевод А. Н. Малинкина) // Культурология. XX век: антология / Сост. С. Я. Левит. — М., 1995. — С. 608—648. — 703 с.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
3. Блок М. Апология истории — М: Наука. — 256 с.
4. Данто А. Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной под ред. Л. Б. Макеевой. — М: Идея-Пресс, 2002. — 292 с.
5. Хомски Н. Of Minds and Language: A Dialogue with Noam Chomsky in the Basque Country (edited by Massimo Piattelli-Palmarini, Juan Uriagereka, and Pello Salaburu). Oxford: Oxford University Press.
6. Греймас А. The Semiotics of Passions: From States of Affairs to States of Feelings. trans. Paul Perron and Frank Collins. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.
7. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование/ (пер. с фр. Андреева Н. Д.; под ред., предисл, прим. Горнунга Б. В.) Изд. 2-е, стереотип. 2004. — 264 с.
8. Тодоров Ц. Теории символа. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. — 408 с.
9. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — С. 306—349. 2-е изд.: М.: Академический проект, 2008.
10. Витгенштейн Л. Витгенштейн Л. Избранные Работы. М., Территория будущего, 2005
11. Кассирер Э. Кассирер, Э. Философия символических форм: В 3 тт. / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.—СПб.: Университетская книга, 2002.
12. Хайдеггер М. Статьи и работы разных лет / Пер., сост. и вступ. ст. А. В. Михайлова. — М.: Гнозис, 1993.
13. Мур Дж. Опровержение идеализма // Историко-философский ежегодник = The Refutation of Idealism / Перевод и предисловие к публикации И. В. Борисовой. — М.: Наука, 1987. — С. 242-265.
14. Остин Дж. Л. Слово как действие. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. — М., 1993.
15. Крипке С. «A Problem in the Theory of Reference: the Linguistic Division of Labor and the Social Character of Naming», Philosophy and Culture (Proceedings of the XVIIth World Congress of Philosophy), Montreal, Editions Montmorency: 241—247.

16. Патнэм Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1992. С. 377—390.
17. Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея—Пресс, Логос, Праксис, 2001.
18. Геллнер Э. *Anthropology and politics: revolutions in the sacred grove*. Oxford, 1995.
19. Андерсен Б. *The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the World*. — London: Verso, 1998.
20. Смит Э. *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. London: Routledge.
21. Соловей В. Несостоявшаяся революция. — М.: АСТ : Астрель, 2011. — 541 с.
22. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). — М.: Издательство Независимая Газета, 2004. — 632 с.
23. Балибар Э. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Номо. 2003.
24. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
25. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — Москва: Весь Мир, 2004.
26. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - 384 с.
27. Розов Н. Ценности в проблемном мире. — Новосибирск, 1998.
28. Brentano Ф. Brentano, Ф. Избранные работы. — М., 1996.
29. Гуссерль Э. Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») — 464 с.
30. Ингарден Р. Книжечка о человеке = *Książeczka o człowieku* / [Сост., пер. и вступ. ст. Е. С. Твердисловой]. — М.: Изд-во Московского университета (МГУ), 2010. — 205, [2] с.
31. Леонтьев Д. Ценность как междисциплинарное понятие: Опыт многомерной реконструкции. — Вопросы философии. 1996. № 4.
32. Каган М. Философская теория ценности. — СПб., 1997.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

STRESS RESISTANCE AS A PSYCHOLOGICAL FEATURE OF THE MILITARY

Harkusha I.V.,

Ph.D in Social Communications,

Associate Professor,

Associate Professor of Pedagogy and Psychology,

Alfred Nobel University,

Kaiko V.I.,

Candidate of Psychology,

Associate Professor,

Associate Professor Department of Criminalistics,

Forensic Medicine and Psychiatry,

Dniprovsky State University of Internal Affairs,

Matsiievska S.M.

Master of Psychology,

Rivne Institute of Higher Education

«Open International University for Human Development» Ukraine,

Abstract

The article deals with the determinants of resistance to the combat stress of the military Ukrainian Armed Forces, which contributing to high productive activity in the extreme space.

The professional activity of many people takes place in extreme conditions – especially the military Armed Forces of Ukraine. Each stressful situation in a professional or other activity causes a complex of assessment processes, agreements, and settlement when a person interacts with stressors. Stress resistance can be distinguished as a personality trait that provides a harmonious relationship between all components of mental activity in an emotional situation and, thereby, contributes to the successful implementation of actions.

There are three types of a person's relationship to himself in a situation of stress caused by extreme conditions. The first is a primitive-selfish attitude toward oneself as a «victim». The second type can be called objectively individualistic. The third type, allows attitude to yourself as one of a number of people, most conducive to effective activity under stress.

The level of self-esteem is complexly linked from stress. Individuals with fairly high self-esteem, as a rule, do not respond to emotionally severe or stressful stimuli. People with low self-esteem have a high level of fear or anxiety under the threat of a threat and see themselves as having inadequate abilities to withstand them. The ability to cope with stress depends on how well a soldier is prepared for it, on the attitude to the daily requirements that are imposed by life. The ability to adapt is not only an individual, but also a person's personality trait. Adaptive abilities depend on the psychological characteristics of the individual, which are determined by the possibility of adequate regulation of physiological states.

Keywords: personality, military armed forces, stress, adaptability, resistance to combat stress, physiological features.

In the modern world, the professional activity of many people takes place in extreme conditions – especially the Armed Forces of Ukraine. The effectiveness of such activities is determined not only by professional knowledge, skills and abilities, but also by professionally important properties, including resistance to stress, which is a component of the person's adaptability.

In psychology and psychophysiology, resistance to stress is studied as a personality trait that promotes high productive activity in extreme space. Often, its definition is based on the identification and differentiation of conditions (external and internal), as well as on the definition of multilevel physiological, psychophysiological and actual psychological factors that influence in various laboratory or real extreme (stress) conditions, and that specify the high or low degree of resistance manifestation to stress. Physiological, intellectual, emotional, volitional and other characteristics of a person that promote resistance to stress are revealed.

Analysis of recent research. Psychological and pedagogical literature describes a considerable amount of research, which has established that every situation in the profession or any other activity causes a complex of processes of evaluation, approvals, and adjustments in the interaction of the person with the stressors. The problem of personal resistance to stress was addressed by B.H. Vardanyan, P.B. Silberman, Yu.V. Shcherbatykh and others. The urgency of the problem is due to the fact that not everyone, including military personnel of the UAF, can overcome stress alone in an extreme situation and regulate their psycho-emotional state.

Goal formulation. The purpose of the article is to reveal certain aspects of the problem of resistance of military personnel of the Ukrainian Armed Forces to combat stress in extreme space.

Basic material. Stress resistance is a special interaction of all components of mental activity, including emotional.

B.H. Vardanyan writes that stress resistance can be defined as the ability of a person, which provide harmonious relationships between all of components of mental activity in an emotiogenic situation and thereby contribute to successful implementation of actions [3, p. 542].

At the same time, P.B. Silberman believes that one of the essential parties of stress resistance is an inappropriate phenomenon. He draws attention to the fact that resistance may indicate that the changed situation is not adequately reflected, and it indicates a lack of flexibility and poor fitness.

He offered one of the most successful interpretations of stress resistance as an «...integrative personality trait characterized by such interaction of emotional, volitional, intellectual and motivational components of mental activity of an individual that ensures optimum successful achievement of the goal of activity in a complex emotional environment» [14, p. 54].

According to the opinion of some scientists, under stress resistance is understood «the individual ability of the organism to maintain normal performance during the stressor». On the one hand, this definition allows us to relatively determine the moment of stress and the reduced efficiency, but on the other, it doesn't take into account the price paid by the organism to support its work capacity [15, p. 117].

V.I. Medvedev identified three types of attitude of the person to himself in the situation of stress caused by extreme conditions. The first type is a primitive-selfish treating oneself as a «victim». Fixing on this idea exacerbates stress. The second type could be called objectively individualistic. Combination of treating oneself as a «victim» and awareness of one's value promotes self-preservation. According to the author, the third type promotes most effective activity in stress. It involves treating oneself as one of a number of people.

Lot of researchers tend to consider stress resistance as a result of training, but it should not be denied that each person has a certain set of personal traits and physiological features that determine its resistance to stress.

To the most famous physiological features that provide increased resistance to stress belong: type of nervous system, hormonal features, cognitive complexity.

Type of nervous system. People with weak type of nervous system are less resistant to stress. In extreme types (choleric, melancholic persons), adaptation to stressors is not persistent. Early on factories, to invest in a psycho, bring to the development of neuroses, which are characterized by disorganization as psychic, so and vegetative functions. As a rule, melancholic reactions are more often related to the constitutions, for example a fright, a dismay, a phobia, a neurotic anxiety, a nervousness and an insomnia. Choleric have a typical stress reaction of wrath, fear of failure and fear of losing control, fear of making mistake. Under the influence of stress, the activity of the thyroid gland decreases, metabolism slows down, and blood sugar could rise by phlegmatic. In stressful situations they eat and sleep a lot and as a result get fat. There is a state of

lethargy. Strong nervous system of sanguines allows them to cope easily with all the stress.

Hormonal features. People with low blood cortisol level are less likely to be stressed. This peculiarity is also observed in animals. Experiments conducted in the wild showed that in the monkey herd, the top of the hierarchy is headed by a female with the lowest level of cortisol in the blood, which makes it capable of rapid reaction to the threat and promotes improved survival. It is known that a high level of cortisol not only leads to cardiovascular disease or cancer (due to genetic predisposition and influence of the environment), but also increases the likelihood of depressive, melancholic mood [12, p. 28-30].

Some personal traits are caused by the high stability. Thus, the level of self-esteem is integrated with stress. Individuals with a high enough self-esteem, as a rule, will not respond to emotionally severe or stressful stimuli. When a page occurs, they deal with it more often than a person with low self-esteem, which gives the person additional information about their capabilities and promotes further self-esteem. People with low self-esteem have a high level of fear or anxiety about being threatened and perceive themselves as possessing inadequate abilities to withstand it. Negative self-perception impedes the struggle against difficulties, consciously proceeding from the inability to cope with them. At the same time, Ya. Reykovsky (1979) believes that the person with adequate self-esteem have a high-level of stress resistance [15, p. 115].

Cognitive complexity. According to J. Bayer, cognitive complexity can be estimated on the basis of the number of personal constructs and the degree of differentiation of the structural system. A cognitively complex person is capable of encoding nuances and subtleties, and also the inevitable contradictions of the surrounding world, has good differentiated constructs that can clearly distinguish himself from others and, accordingly, his world from another's, is capable of predicting the behavior of other people. According to the G. Triandis studies, the cognitively complex person is easier to adapt to foreign culture and to new situation, as it is more capable of generalizing a new socio-cultural experience and of altering one's own value system. For a cognitively complex person, lesser characteristics are such as authoritarian, rigid, and intolerant, including intolerance to insignificance, which also increases the effectiveness of mastering new social values, norms and language.

One of the main personal characteristics capable of influencing individual adaptation in difficult life circumstances is the *locus of control*. According to some authors, the locus of control is one of the most important personal variables that determine the predisposition to mental illness in the result of path situations.

As is known, the internal locus of control – a conviction in the ability to influence and control the situation, and external locus of control – a certainty that events take place on the will of the fate, and of other people, are distinguished. People with an internal locus of control are able to take responsibility for the event and to seek a way out of crisis situations. They are

characterized by a high level of self-regulation, which allows them to block the impact of traumatic events on the psyche, perception of the positive and negative sides of events in their totality, increased sensitivity to the peculiarities of the situation, the ability to anticipate distant consequences, accepting extreme situations as a challenge to be overcome, ability to actively convert negative situations. Such qualities of people with an internal locus of control, as personal responsibility and control contribute to the overcoming of the page, increase adaptation and mental health.

Individuals with an external locus of control have weakly differentiated perceptions of themselves, low motivation to achieve, avoid difficult situations, or be ready to submit to circumstances, they have insufficient ability to evaluate specific circumstances (Antsiferova, 1994). The external locus of control, otherwise called the fatalistic one, is associated with a passive life orientation, which reinforces the page, since the inability to control the events of one's own life does not allow one to achieve one's goal or to avoid one's failure. Stressogenic events constantly maintain tension and people with an external locus of control are unable to influence the course of life events.

The pessimistic view of the world contributes to the emergence of physical and mental illnesses, the decrease of immunity, companionship after illnesses, leads to self-destruction, compels perpetuation, causes excessive adopting of bad and minimizing good, shortening life expectancy. The failures are attributed to stable, global and internal causes, and, on the contrary, the optimistic style has a positive effect on health, mitigates the influence of the page. Illusions at the expense of «My self» can lead to false optimism, but make the personality more adaptive [15, p. 119].

The level of personal anxiety is a persistent tendency to perceive wide range of situations as threatening.

Anxiety is not an inherently negative trait. A certain level of anxiety is a natural and indispensable feature of an active personality that supports the instinct of self-preservation. At the same time, high personal anxiety is closely related to the presence of a neurotic conflict, emotional breakdowns and psychosomatic disorders. Therefore openness, interest in changes, and treating them not as a threat, but as an opportunity to develop such an adequate level of personal anxiety, leads to increased stress resistance.

Balance of achievement and avoidance motivation. People who are motivated to achieve something can tolerate a more difficult situation than people motivated to avoid.

Psychologists advise to analyze the situation in each specific case. Think about what you may be affected by, what external circumstances you may influence or not. And therefore choose a behavioral strategy that is specific to one role or another.

The ability to deal with the page depends on how well the military is prepared for it, and on his attitude to the daily demands of life. The military comes to the test of life, making considerable efforts and often getting into unpredictable situations. And if some of them are born with good abilities to overcome, then

others need to acquire and constantly develop these abilities. These abilities include: persistence, ability to make decisions, rational comprehension of their actions, organization, ability to create their own circle of communication, ability to communicate well, ability to control themselves.

The events that have stirred us up today may turn out to be not so significant tomorrow.

All of these features can be developed, thereby increasing the stress resistance and producing effective coping strategies for behavior in the race situation [12, p. 35].

Attempts to comprehensively comprehend personal characteristics that are responsible for successful adaptation, and to cope with life's difficulties, are defined in modern national psychology. The concept of personal adaptation potential, the ultimate resistance of a person to extreme factors, proposed by A.G. Maklakov, and the concept of personal potential proposed by D.O. Leontiev on the basis of the synthesis of philosophical ideas M.K. Mamardashvili, P. Tillich, W. Frankl and E. Fromm.

A.G. Maklakov considers the ability to adapt not only to the individual but also to the personal property of a person. Adaptation is regarded not only as a process, but also as a property of a living self-regulated system, which seems capable of adapting to changing external conditions. Adaptive abilities of a person depend on the psychological peculiarities of the individual, which determine the possibilities of adequate regulation of physiological states. Adaptive abilities, according to A.G. Maklakov, ensure normal transparency and high efficiency of activity when exposed to psychogenic factors of the external environment. The higher the level of development of these characteristics, the higher the likelihood of successful human adaptation and, more importantly, the range of factors of the external environment to which they can adapt. According to A.G. Maklakov's psychological features of a person make up his personal adaptation potential, which includes such characteristics:

- neuro-psychic stability, the level of development of which provides tolerance to stress;
- self-esteem of the individual is the nucleus of self-regulation, and determines the degree of adequacy of perception of the conditions of activity and their capabilities;
- a sense of social support that gives rise to sense of self-importance for others;
- the level of personality conflict;
- experience of social communication [15, p. 116].

Assistance in the adaptation process is a conscious choice of different environmental life forms in order to withstand the changes of growth, to help find the surrounding microenvironment [5].

By A.K. Osnitsky adaptation includes the following statements:

- physical aggression – the use of physical force against another person;
- indirect aggression – expressed in the use of

gossip, rumors, and non-verbal reactions;

- verbal aggressions – expressing negative feeling, both through the form (cry, scream) and through the content of verbal responses;
- irritation – the willingness to express negative feelings at the slightest disturbance;
- negativism – the oppositional behavior from passive resistance to active struggle against established customs and laws;
- insult – envy and hatred of others for real and fictional actions;
- suspiciousness ranges from distrust and caution towards people to belief that other people plan and bring harm;
- feelings of guilt express the possible opinion of the subject that he is a bad person, he experiences the reproaches of conscience.

N.I. Berezina regards stress resistance as a characteristic features:

- psychophysiological (type, properties of the nervous system);
- motivational (changing motivation may change emotional stability);
- emotional (experience of the individual, accumulated in the process of overcoming the negative effects of extreme situations);
- willed (expressed in conscious self-regulation of actions, bringing them in line with the requirements of the situation);
- high level of professional preparedness, knowledge, and readiness of the individual to perform certain tasks;
- intelligent (assessment of the requirement of the situation, forecast of its possible changes, deciding on course of action) [1; 2, p. 39].

Important risk factors for developing a stress disorder and low stress resistance are individual qualities of a person such as accentuation of character, mental personality disorders with the predominance of asocial manifestations characterized by contempt for social obligations, by lack of sympathy or by cruel indifference, and by the presence of alcohol or drug addiction.

History of psychiatric disorders (genetic predisposition) may increase the risk of stress disorders after trauma. It is also influenced by previous traumatic experience. Age factors in case of military personnel are also important. It is more difficult for young people and the elderly to overcome extreme situations.

States in the conditions of «acute» emotional stress are characterized by slowing down of mental operations, complete indifference to the environment, inadequate perception of the environment, inability to make decisions independently, fuzzy meaningfulness of events [10].

Soldiers who are in an emergency situation should be able to constantly monitor their condition, be prepared for rapid decision-making, adequately assess the situation, and be able to give their lives when absolutely necessary. All this requires considerable mental effort and psychological stability [6].

Successful upbringing of military personnel resistance to combat stress involves systematic

exercises in the situation of danger and risk, in the conditions of training, training, as close as possible to combat, combined with special psychological simulators. Psychological training of the military is a system of purposeful actions aimed at forming and consolidating psychological readiness and resilience of military personnel, mainly on the basis of self-improvement of personal and development of professionally important qualities, gaining experience of successful actions in simulated extreme conditions

The essence of psychological preparation revealed by I.P. Pavlov: «The point here is not only the strength of interacting stimuli, but in their novelty. The main reaction of the passive defense reflex is not so much the force as the novelty» [9, p. 212]. To paraphrase the above quote, it could be noted that during the training and education of any serviceman, the formation of a wide range of necessary qualities for the performance of professional activity is envisaged. And in general the problem is solved successfully. However, the experience of combat shows that not every quality previously formed can manifest in a soldier when changing conditions (weather, terrain, visibility, fire exposure, etc.), especially during the transition to real combat. There are many examples where a soldier successfully strikes a target in training sessions and does not shoot in the best possible way in changing combat conditions, when passive-defensive reflexes in an extreme situation actually contribute to the inappropriate behavior of a serviceman and reduce the effectiveness of combat activity. That is, the factor of novelty sometimes plays a decisive role in the display of the previously formed qualities of a serviceman, and therefore in the performance of the task. The task is to, during peacetime, during training and education, anticipate and put the learner in the conditions in which the psychological qualities necessary for the combat task will be developed. In other words, in the course of day-to-day combat training, minimize all the new, unknown things a soldier might encounter in combat.

The main task of psychological training is the purposeful formation and consolidation of mental images of future or future actions by military personnel. The greater the number of future psychic images that are most relevant to the combat situation, formed in the military, the less likely to fall into a situation of uncertainty, uncertainty, which, as a rule, entails triggering his passive defensive reflex, and therefore inadequate actions. At the same time, the setting alone for solving the problems of psychological training is not enough. The success of a serviceman's actions largely depends on how much his mental images formed correspond to reality. To do this, a serviceman must sensually fill the mental image of a combat work model: perform practical actions during training, exercises, firing, day and night flights. In these circumstances, you can widely use methods that allow you to consolidate the figurative basis of the model of combat by quenching the necessary professionally important qualities. They may include: exercises and training on special simulators, simulators, training fields, airfields; physical and sports exercises for overcoming special obstacles, barriers,

blockages, water lines; special sports games and competitions; psychological exercises for purposeful development of cognitive, emotional and volitional qualities; psychological training on team cohesion, formation of compatibility, collectivism, etc.

Conclusions. In psychological science, a significant number of different approaches to understanding the organization and conduct of psychological training have emerged.

In the process of education, the military develops the skills and habits of behavior in different conditions, and, therefore, develops the emotional-volitional sphere of the individual and its adaptation to new conditions. Military personnel are purposefully focused on overcoming possible difficulties in combat conditions, they are instilled with resilience, courage, spirit, daring, confidence in the rightness of their actions, etc.

In the course of training, the necessary moral and combat qualities and feelings are formed (courage, resilience, daring, determination, initiative, willingness to fight, a sense of collectivism), motivational settings are activated. Ideas about the modern battle are formed, through the accumulation of relevant knowledge. Consolidation of skills and abilities contributes to the development of psychological readiness, resilience, etc. [1; 4; 7; 11; 13].

References

1. Abolin, L.M. (1987). Psikhologicheskie mekhanizmy emotsionalnoi ustoichivosti cheloveka [Psychological mechanisms of human emotional stability]. Kazan, Kazanskii universitet Publ., 262 p. (In Russian).
2. Abolin, L.M. (1989). Emotsionalnaia ustoichivost i puti ee povysheniia [Emotional resistance and ways of its enhancement]. Voprosy psikhologii [Psychology issues], no. 4, 43 p. (In Russian).
3. Vardanian, B.Kh. (1983). Mekhanizmy rehuliatcii emotsionalnoi ustoichivosti [Mechanisms of emotional stability regulation]. Katehorii, printsipy i metody psikhologii. Psikhicheskie protsesy [Categories, principles and methods of psychology. Mental Processes]. Moskva, 295 p. (In Russian).
4. Velichkovskii, B.B. (2007). Mnohomernaia otsenka individualnoi ustoichivosti k stress. Avtoref. kand. psikholog. nauk [Multidimensional assessment of individual resistance to stress. Abstract of cand. psychol. sci. dis.]. Moskva, 27 p. (In Russian).
5. Viselko, A.D. (2017). Psikhologo-pedahohichnyi suprovod adaptatsii inozemnykh studentiv [Psychological and pedagogical support of adaptation of foreign students]. Visnyk Dnipropetrovskoho universytetu imeni Alfreda Nobel. Pedahohika i psikhologhiia. Pedahohichni nauky [Bulletin of the University of Dnipropetrovsk named after Alfred Nobel. Pedagogy and psychology. Pedagogical sciences], no. 2 (14), pp. 69–73 (In Ukrainian).
6. Harkusha, I.V. & Kaiko, V.I. (2018). Osoblyvosti emotsiinoi sfery osobystosti pislia perezhyvannia ekstremalnoi sytuatsii [Features of the emotional sphere of personality after experiencing an extreme situation]. European vector of contemporary psychology, pedagogy and social sciences: the experience of Ukraine and the Republic of Poland, vol. 2. Sandomierz, Baltija Publishing Publ., pp. 66–84 (In Ukrainian).
7. Debrin, P.A. (2012). Formirovanie stressoustoichivosti u voennosluzhashchikh kak napravlenie psikhologicheskoi raboty [Formation of stress tolerance in the military as a direction of psychological work]. Studencheskii nauchnyi forum [Student Science Forum]. Access mode : <http://www.rae.ru/forum2012/290/2057> (In Russian).
8. Notova, S.V., Kiiaeva, E.V., Alidzhanova, I.Ye. & Akimov, S.S. (2015). Pokazateli psikhofiziologicheskoi adaptatsii studentov raznykh sotsialnykh hrup [Indicators of psycho-physiological adaptation of students of different social groups]. Yekolohiia cheloveka [Human ecology], no. 11, pp. 41–47 (In Russian).
9. Pavlov, I.P. (1952). Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings], vol. 3, book 2. Moskva, AN SSSR Publ., 212 p.
10. Ponomarova, O.Yu. & Meshcheriakova, A.V. O mekhanizмах formirovaniia psikhologicheskikh i psikhosomaticeskikh rasstroistv u uchastnikov boevykh deistvii [On the mechanisms of the formation of psychological and psychosomatic disorders in combatants]. Molodezhnyi nauchnyi forum. Humanitarnye nauki [Youth Science Forum. Humanitarian sciences]. Access made: <http://nauchforum.ru/node/3031> (In Russian).
11. Ponomarenko, V.A. (2006). Ekstremalnost i problema otnosheniia k professionalnoi deiatelnosti i v professionalnoi zhiznedeiatelnosti [Extremism and the problem of attitude to professional activities and professional life]. Mir psikhologii [World of psychology], no. 4, pp. 38–46 (In Russian).
12. In Yu.S. Shoihu (Ed.). (2007). Psikhologhiia ekstremalnykh situatsii dlia spasatelei i pozharnykh [Psychology of extreme situations for rescuers and fire]. Moskva, Smysl Publ., 319 p. (In Russian).
13. Sirotnin, O.A. (1972). Ekstremalnoe issledovanie psikhofiziologicheskoi prirody emotsionalnoi ustoichivosti. Avtoref. kand. psikholog. nauk [Experimental study of the psycho-physiological nature of emotional stability. Abstract of cand. psychol. sci. dis.]. Moskva, 18 p. (In Russian).
14. Topchii, M.V. & Churilova, T.M. (2009). Stress kak obiekt nauchnoi refleksii [Stress as a object of scientific reflexion]. Stavropol, NOU VPO SKSI Publ., 312 p. (In Russian).
15. Shcherbatykh, Yu.V. (2008). Psikhologhiia stressa i metody korrektsii [Psychology of stress and methods of correction]. Sankt-Peterburh, Piter Publ., 256 p.

SOCIAL SCIENCES

LABOR MIGRATION, CAUSES AND CONSEQUENCES FOR THE COUNTRY'S ECONOMY

Kamaljanova T.,

Candidate of Historical Sciences,

Associated Professor International Relations Department of L.N.Gumilyov ENU

Zhamalbek N.

Master student in International Relations of L.N.Gumilyov ENU

Abstract

The article surveys the reasons of emigration from Kazakhstan in the contemporary life and the challenges of its study. Using official statistics, the author identifies the key migration types and patterns, proposes a periodization of migratory movements, and analyses the most significant flows, particularly those for permanent residence and international labor migration.

Keywords: migration, economic development, labour migration, emigration.

In the second half of the twentieth century, one of the characteristic phenomena of the life of the world community is the mass migration of the population. Along with the global markets for goods, services and capital, an international labor market emerges and interacts with them. Labor, moving from one country to another, offers itself as a commodity. Thus, international labor migration takes place, which has become part of the system of international economic relations.

Currently, a problem of migration is very relevant, since many people have the opportunity to freely enter foreign countries. For the most part, people move from place to place in attempts to find at least temporary or higher paid jobs. The process of internationalization of production, which is actively taking place all over the world, is accompanied by the internationalization of labor. Labor migration has become part of international economic relations. Migration flows rush from one region and country to another. By creating certain problems, labor migration provides undeniable advantages for countries that accept and supply labor.

The scientific literature recognizes the decisive role of economic factors in the territorial movement of labor. It stems from the objective reality that economic life is the basis of all other aspects of society. As rightly G.V. Kumskov notices "...fulfilling the function of satisfying the needs of society in the labor force, its movement, as a socio-economic phenomenon, is objective and not removable"... It is caused by social processes that determine the mobility and speed of development of productive forces, including the labor force itself [1].

Emigration is the departure abroad, and immigration is the arrival from abroad. In other words, international labor migration represents the export and import of wage earners. At the same time, there is a more specific form of international migration - re-emigration, that is, the return to the homeland of a previously emigrated population.

According to the ILO classification, there are five main types of modern international migration:

- 1) migrants moving to a permanent place of residence;
- 2) working under a contract which clearly stipulates the duration of stay in the host country;
- 3) professionals with a high level of training, relevant education, practical work experience, as well as teachers and students moving in the world system of higher education;
- 4) illegal immigrants, which also include foreigners with an expired or tourist visa, who are nevertheless engaged in labor activities;
- 5) refugees - persons forced to emigrate from their countries because of any threat [2].

Nevertheless, the fact that the causes of international labor migration are divided into economic and non-economic is universally recognized.

The economic causes of labor migration in the global economy include:

- differences in the levels of economic development of countries and, as a consequence of this, country differences in levels of wages, life, social security;
- differences in the level of provision of individual countries with labor resources;
- mismatch of quantitative and qualitative characteristics of labor resources with the material and technical base of national production;
- The state of the national labor market. [3]

Non-economic reasons include political, national, religious, racial, family, and other conditions that lead to migration, which is often spontaneous, sudden, and even massive.

Today, Kazakhstan has a negative migration balance and its growth trends since 2012. In general, the population of Kazakhstan is increasing and today it is more than 18 million 600 thousand people.

Table 1

External migration of the Republic of Kazakhstan

Kazakhstan	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Arrived in the country -Total	66 731	53 397	46 113	41 511	42 057	38 016	28 296	24 077	16 784	16 581	13 755	15 595	12 747
Departed from the country -Total	33 690	42 435	44 813	33 985	26 541	32 920	29 722	24 405	28 946	30 047	34 900	37 725	41 868
Migration growth (+), outflow (-)	33 041	10 962	1 300	7 526	15 516	5 096	-1 426	-328	-12 162	-13 466	-21 145	-22 130	-29 121

According to statistics from the Eurasian Economic Committee

Table 2

Nominal Wage Indices

(in % to the previous year)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Armenia	119,8	119,7	119,2	117,8	109,9	106,9	105,3	104,7	104,1	108,2	108,2	101,6	101,9	104,0	105,8
Belarus	133,4	125,5	119,2	125,1	113,1	124,0	156,1	193,5	137,7	119,6	110,9	107,6	113,9	118,1	113,3
Kazakhstan	120,2	119,8	128,7	115,9	110,7	115,3	116,0	112,5	107,8	110,9	104,2	113,4	105,5	110,5	114,3
Kyrgyzstan	116,6	125,2	121,4	135,5	114,6	116,7	129,4	115,3	105,7	108,3	109,8	110,1	105,5	104,8	105,9
Russia	126,9	124,3	127,8	127,2	107,8	112,4	111,5	113,9	111,9	109,1	105,1	107,9	106,7	111,6	107,5

According to statistics from the Eurasian Economic Committee

Table 3

Real Wage Indices

(in % to the previous year)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Армения ¹	119,1	116,3	114,1	108,0	106,2	98,8	97,8	102,0	98,4	105,1	104,4	103,1	100,9	101,5	104,3
Беларусь	120,9	117,3	110,0	109,0	100,1	115,0	101,9	121,5	116,4	101,3	97,7	96,2	107,5	112,6	107,3
Казахстан	111,7	110,3	116,1	99,0	103,2	107,6	107,1	107,0	101,9	103,9	97,7	98,9	98,3	105,2	108,5
Кыргызстан	111,8	118,5	110,2	108,8	107,3	108,1	111,0	112,1	99,2	100,7	103,1	109,7	102,2	103,3	104,7
Россия	112,6	113,3	117,2	111,5	96,5	105,2	102,8	108,4	104,8	101,2	91,0	100,8	102,9	108,5	102,9

According to statistics from the Eurasian Economic Committee

In the 2000s, with the stabilization of the economy, those wishing to leave the country forever somewhat diminished. The minimum number of people who left Kazakhstan over the years of independence was registered in 2013 - 24.38 thousand people, since then the growth in the number of people leaving the country has resumed, and in 2018 the number of emigrants has already reached 41.86 thousand people.

Most often, Kazakhstan's people move to the Russian Federation - 15.07 thousand people in January-June 2018, or 87.8% of the total flow of external migrants. In the second place was Germany, where 1,097 people went for permanent residence, or 6.4% of the total dropout rate. In the United States, for six months, 158 people moved from Kazakhstan; over the same period of the previous year, the number of emigrants to the United States was 131 [4].

There are two disturbing trends which are important draw attention to:

the first is an increase in youth migration: young people from 15 to 29 years old make up more than 25% of the total number of people leaving Kazakhstan;

the second is the decline in the quality of human capital. People with higher and secondary special education are leaving, while less qualified people are entering;

From the the figures for 2017, we can see that 11,290 people left Kazakhstan with higher education (almost 30% of the total number of those who left), and 2,736, or 17.5%, entered, the political scientist shares. It indicates that Republic of Kazakhstan lose mostly educated and skillful number of people. [5]

In relation to causes of migration, it should be noted that it is a whole complex and combination of a serious economic situation which going in a country. One of the main reasons forcing people to leave their country is the low level of wages, a poor business climate and lack of work.

Recall that the rate of departure of citizens from Kazakhstan began to exceed the rate of immigration since 2014, and this trend continues to this day. The average salary is 187 thousand tenge in Kazakhstan, but

it does not reflect the real state of affairs, since its value is pulled up by highly paid employees (see table 4).

In the tables 2 and 3 is shown the growth indexes of nominal and real wages in percentages comparing with previous year in Kazakhstan. The real wage index is an indicator that characterizes how the "purchasing power" of nominal wages changes. Nominal salary - money received by an employee as remuneration for labor. Real salary is the "purchasing power" of nominal salary. In other words, how much and what goods a person will get [6]. Comparing the growth rates of nominal and real wages, we see that the growth of real wage indices in statistics is lower than the nominal values, which indicates a low purchasing power of citizens of Kazakhstan. Low purchasing power shows low consumer income.

According to the Statistics Committee of the Republic of Kazakhstan, which published data on median and modal wages for the year 2019, half (3.3 million) of Kazakhstani employed people earn less than 112.2 thousand tenge - this is how much the median value of wages was. The nominal wage index in relation to the quarter of 2018 amounted to 110.5%, real - 105.2% [6] (see table 2 and 3). The Statistics Committee also provided data on modal, that is, the most popular (most common) wages in the country. It amounted to 58 034 tenge. The Statistics Committee did not disclose more detailed information on this indicator. [4] Based on this, it can be assumed that in statistics the real salary figures for people show a more up-to-date version of the salary that the average majority of working people in Kazakhstan receive. Which makes many young people leave the country in search of decent pay and good living conditions.

The second reason for emigration from Kazakhstan is unemployment. The number of unemployed in Kazakhstan in October 2019 amounted to 443.2 thousand people, the unemployment rate was 4.8%, according to the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. In the same period, 165.8 thousand people were officially registered with the employment authorities as unemployed. [7]

Table 4

Average monthly nominal wage															
(national currency units)															
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Казахстан	34 060	40 790	52 479	60 805	67 333	77 611	90 028	101 263	109 141	121 021	126 021	142 898	150 827	162 673	185 487

According to statistics from the Eurasian Economic Committee

Table 5

Number of unemployed people (according to ILO methodology; thousand people)															
Years	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Armenia	...	...	...	231,6	265,9	278,2	265,7	245,5	224,6	242,1	243,7	220,2	219,0	234,0	
Belarus	...	...	...	...	297,9	...	...	...	...	266,9	272,8	301,8	293,4	244,9	
Kazakhstan	640,7	625,4	597,2	557,8	554,5	496,5	473,0	474,8	470,7	451,9	454,2	445,4	442,3	443,6	
Kyrgyzstan	183,5	188,9	191,1	195,6	203,7	212,3	212,4	210,4	205,7	201,5	192,2	183,7	174,0	156,3	
Russia	5 242	5 250	4 518	4 697	6 283	5 544	4 922	4 130	4 137	3 889	4 263	4 243	3 966,5	3 658	

According to statistics from the Eurasian Economic Committee

There are a lot of factors of unemployment in the Republic of Kazakhstan like crisis, which is accompanied by a decline in production, rising inflation, a deficit in the state budget, and a drop-in living standard. The unemployment rate was 12.8% according to unofficial data. Also the problem lies in an unsettled labor system that does not change over the years. For example, young people who have just graduated from a higher educational institution cannot find work due to a lack of experience. If young people are not hired after graduation, so how can they gain experience? This basically pushes the young people to look for job abroad where the situation is different. For example, in Germany there is a program which supports young people, where they are taught how to work in one or another specialty. They gain experience thanks to this program and, after graduation, they easily get a job.

In relation to consequences, it is important to note that globalization of economic life and international labour migration have affected the mobility of local personnel. Today experts from Kazakhstan are emigrated not only to the CIS, but also to developed Western countries are included in world labor markets. External migration vectors are important analyze in the context of the domestic labor market of Kazakhstan, which is characterized by significant imbalances. Migration of unskilled labor from neighboring republics allowed filling segments of unskilled labor in construction, agriculture, industry Republic services. And today, the main problem of Kazakhstan, like other countries region - this is not a shortage of labor, but above all a shortage highly qualified specialists and skilled workers. He took shape in the result of a massive "brain drain" from the countries of the region, and, in particular, from Kazakhstan, where the total damage from intellectual emigration in the 1990-2000s is estimated at \$ 120-125 billion [8]. Loss "Human capital" in the 1990s, like no other factor, negatively affected everything side of public life in Kazakhstan and for a long time will affect prospects for its industrial and innova-

tive technological development and in general economic growth and social modernization. Under the influence of labor migration, changes are taking place on all levels - from individual to regional, which affect social transformation in Kazakhstan as a whole.

In conclusion, it is important to note that in the face of increasing competition, Kazakhstan will have to be even more actively involved in the world skilled labor market in order to avoid the loss of qualified personnel. It is necessary to regulate in the field of the labor system, in providing jobs for unemployed people, in the social support of young professionals without work experience and in the wage system of the population. An important role should be played by the state in supporting the working population and young professionals to reduce emigration from the country and to attract highly qualified specialists from abroad.

References

1. Kumskov G.V. Patterns and features of the development of migration processes in Kyrgyzstan at the present stage, 2002. p. 12
2. International labour migration. See at: <https://www.ilo.org>
3. Puzankova E.P. World Economy. A series of "Textbooks and teaching aids", 2001. p. 359
4. <http://ranking.kz/>
5. Kazakhstan migration potential is very low – experts.
see at: <https://365info.kz/2019/02/migratsionnyj-potentsial-kazahstantsev-ochen-nizkij-eksperty>
6. The average salary in Kazakhstan for the I half of 2019
see at: <https://www.nur.kz/1792859-srednaa-zarplata-v-kazahstane-za-i-polugodie-2019-goda.html>
7. How many unemployed in Kazakhstan? see at : <https://kursiv.kz/news/ekonomika/2019-11/skolko-bezrabotnykh-v-kazahstane>
8. Elena Sadovskaya. Kazakhstan in the system of international labor migration No. 583 - 584, 2014

№5 2020

Annali d'Italia

VOL. 2

ISSN 3572-2436

The journal is registered and published in Italy.

Articles are accepted each month.

Frequency: 12 issues per year.

Format - A4 All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Chief editor: Cecilia Di Giovanni

Managing editor: Giorgio Bini

- Hoch Andreas MD, Ph.D, Professor Department of Operative Surgery and Clinical Anatomy (Munich, Germany)
- Nelson Barnard Ph.D (Historical Sciences), Professor (Malmö, Sweden)
- Roberto Lucia Ph.D (Biological Sciences), Department Molecular Biology and Biotechnology (Florence, Italy)
- Havlíčková Tereza Ph.D (Technical Science), Professor, Faculty of Mechatronics and Interdisciplinary Engineering Studies (Liberec, Czech Republic)
- Testa Vito Ph.D, Professor, Department of Physical and Mathematical management methods (Rome, Italy)
- Koshelev Andrey Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Faculty of Philology and Journalism (Kiev, Ukraine)
- Nikonov Petr Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law (Moscow, Russia)
- Bonnet Nathalie Ph.D (Pedagogical Sciences), Faculty of Education and Psychology (Lille, France)
- Rubio David Ph.D, Professor, Department of Philosophy and History (Barcelona, Spain)
- Dziedzic Stanisław Ph.D, Professor, Faculty of Social Sciences (Warsaw, Poland)
- Hauer Bertold Ph.D (Economics), Professor, Department of Economics (Salzburg, Austria)
- Szczepańska Janina Ph.D, Department of Chemistry (Wrocław, Poland)
- Fomichev Vladimir Candidate of Pharmaceutical Sciences, Department of Clinical Pharmacy and Clinical Pharmacology (Vinnytsia, Ukraine)
- Tkachenko Oleg Doctor of Psychology, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

and other experts

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal. Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

500 copies

Annali d'Italia

50134, Via Carlo Pisacane, 10, Florence, Italy

email: info@anditalia.com

site: <https://www.anditalia.com/>